М.В. Чевалков

ЧӦВӦЛКӦПТҮҤ ЈҮРҮМИ

Министерство культуры Республики Алтай
Бюджетное учреждение Республики Алтай
«Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова»

М.В. Чевалков

ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЈҮРҮМИ

M.W. Tschiwalkow

TSCHIWALKOW'S LEBEN

М.В. Чевалков

ПАМЯТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

ББК 84(2=632.1)53
УДК 821
Ч-348

Составитель М. М. Алушкина
Ответственный за выпуск С. К. Штанакова

Чевалков М.В.

Ч-348 Чӧбӧлкӧптӱӊ јӱрӱми = Tschiwalkow's leben. Памятное завещание / М.В. Чевалков; Мин-во культуры РА, БУ РА «Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова»; пер.: на нем. яз. В.В. Радлов, на рус. яз. о. М. Невский; авт. вступ. ст. Э.П. Чинина, послесл. З.С. Казагачева. – Горно-Алтайск, 2016. – 188 с.: ил.

Алтай художественный литератураныӊ баштапкы кереези, М.В. Чевалковтыӊ «Чӧбӧлкӧптӱӊ јӱрӱми» деп бичиги, ак јарыкка туй ла 150 јыл кайра, 1866 јылда, алтай ла немец тилдерле чыккан. Бу бичик В.В. Радловко «Образцы народной литературы тюркских племён» (Т.1, 1866 г.) деп бичик тургузарында јӧмӧлтӧ болгон.

1894 јылда «Православный благовестник» деп журналда Чевалковтыӊ бичиги орус тилге «Памятное завещание» деп кӧчӱрилип чыккан. Кӧчӱрген кижи православный миссияныӊ Макарий Невский деп абызы.

М. Чевалков 74 јаштуда бойыныӊ јӱрӱми керегинде бичигине јаӊынаӊ тӱзедӱлер эдип белетеген. Баштап тарый, ол ижин Радловко бичиген самара кептӱ чыгарган, онныӊ кийининде – балдарына учурлаган.

Алтай тил ле литератураныӊ ӧзӱмине јаан камаанын јетирген М. Чевалковтыӊ бу бичигинде алтай албатыныӊ ол ӧйдӧги јадын-јӱрӱми, ижи-тожы, кылык-јаӊы, чӱм-јаӊдары, Алтайдыӊ ар-бӱткени ле ай-кӱннииӊ аӊылулары кӧргӱзилген.

Первый памятник алтайской художественной литературы – «Чӧбӧлкӧптӱӊ јӱрӱми» М.В. Чевалкова – увидел свет ровно 150 лет на алтайском и немецком языках в 1866 году. Он стал одним из основных источников для классического труда В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» (Т.1, 1866 г.).

В 1894 году в журнале «Православный Благовестник» был помещен перевод на русский язык произведения М. Чевалкова под заглавием «Памятное завещание». Перевод был сделан священником православной миссии о. Макарием Невским. 74-летний М. Чевалков создал вторую редакцию автобиографии, внеся существенные изменения в текст. Во-первых, он переадресовал свое сочинение: первый вариант был написан в виде письма В. Радлову, а второй вариант посвящен детям...

В произведении, внесшем неоценимый вклад в зарождение и развитие алтайского письменного языка и литературы, с любовью, теплотой описаны жизнь и занятия алтайцев того времени, их нравы, быт и обычаи, а также природно-климатические особенности Алтая.

ББК 84(2=632.1)53

ISBN 978-5-93809-087-3

© БУ РА «Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова»

Э. П. Чинина

М.В. ЧЕВАЛКОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

М.В. Чевалков – основоположник письменной алтайской литературы – прошел религиозно-нравственную и филологическую школу Алтайской духовной миссии, сам стал миссионером-просветителем, главным переводчиком миссии, участвовал в научных экспедициях по Алтаю, собирал фольклорные материалы. Его филологическая одаренность начала проявляться в 16-летнем возрасте, когда М.В. Чевалков стал делать первые шаги на стезе переводческой деятельности. Так получилось, что Чевалков с детства знал русский язык от своего русского друга Якова и младшего брата Андриана, который учился в православной миссии у о. Макария Глухарева. О. Макарий, видя сметливость мальчика, взял Киприана, по крещении Михаила, на обучение в миссию. Переводческая деятельность юного Михаила началась случайно: по просьбе о. Макария он точно перевел на алтайский язык слово «ибо».

В миссии сложились благоприятные условия для литературного роста М.В. Чевалкова, он прошел прекрасную филологическую школу, участвуя в переводе на алтайский язык «Вечной книги» – Священного Писания. Как отмечает поэт, востоковед-тюрколог Б.Я. Бедюров, «... работа над переводом на родной язык Священного писания – великого литературного памятника всех времен и народов – исподволь подготовила Чевалкова к занятиям литературным творчеством».

Христианская культура глубоко захватила М.В. Чевалкова. Он испытал столь сильное влияние деятелей православной миссии, что и сам пошел по стопам своих наставников. М.В. Чевалков начал вести подвижническую жизнь, перенес много испытаний, горя, забот, тягот, много послужил распространению христианства на Алтае, преодолевая отчуждение и непонимание не только среди чужих, но и в своей собственной семье. Деятельность его была разносторонней.

В 1860 г. М. Чевалков познакомился с ученым-лингвистом, ориенталистом В. Радловым, представлявшим Императорское Российское Географическое Общество. М. Чевалков сыграл ключевую роль в успехе

экспедиций Радлова по Горному Алтаю как знаток алтайской культуры и искусный переводчик. И неудивительно – к тому времени М. Чевалков был «хорошо известен как толмач и знаток Алтая широкому кругу людей – от чиновников и миссионеров до исследователей и путешественников», и В. Радлов «обретал в лице М. Чевалкова вполне грамотного и способного человека, компетентного помощника при сверке и обработке собранных материалов».

М.В. Чевалков активно помогал собирать и описывать фольклорные материалы, много общался с такими известными деятелями-просветителями Алтая, как В.И. Вербицкий, Г. Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.

Как «толмач» и талантливый посредник в дипломатических переговорах, он принял самое активное участие в поездках к китайской границе: сотрудника ИРГО и штабс-капитана Генштаба России А.Г. Принтца в 1863 г. и томского губернатора А.А. Лерхе в Чуйскую степь с целью урегулирования спорных вопросов китайско-российской границы в 1864 г. Фольклорист С.С. Каташ отмечал: «Чевалков блестяще выполнил миссию государственной важности, вырвав чуйцев из-под протектората Китая, чем значительно ускорил решение вопроса о юридическом оформлении теленгитов подданными России. Дальновидность его усилий была доказана всем ходом последующих событий. Теленгиты были освобождены от непомерных податей китайскому двору. Добровольное вхождение алтайцев в состав России явилось актом огромного политического значения». Михаил Васильевич, будучи коренным телеутом по этническому происхождению, близко к сердцу воспринял беды теленгитов и телесов, страдавших от китайских непомерных податей, как кровнородственных народов, бывших когда-то единым общим народом – теле. Во время путешествия М. Чевалков проповедовал Слово Божие, видя в этом свое главное призвание, ведь он был воспитанником о. Макария Глухарева. М.В. Чевалков в полной мере видел всю сложность положения теленгитов – двоеданцев. Благодаря своему дару убеждения он помог теленгитам и телесам сделать исторически важный для них выбор. Он доказал как простым неграмотным людям, так и чуйским зайсанам и старшинам, бывшим на жалованье у китайского двора, все преимущества вхождения в состав России и обретения национального единства с народом Алтая.

Таким образом, М.В. Чевалков сыграл значительную роль во вхождении теленгитов и телесов в состав России в 1864 г., объединив их с общим народом – алтайцами, укрепив тем самым процесс этниче-

ской консолидации алтайских племен в единый народ. Тем более это важно в контексте современных этнополитических процессов, когда в Республике Алтай наблюдаются элементы некоторого разъединения. М.В. Чевалков внес важный вклад в укрепление российских рубежей на юго-западе Сибири и тем самым в государственную стабилизацию этого трансграничного региона России.

И проповедническая деятельность его не осталась без последствий. М.В. Чевалков в 1863 г. был награжден императором Александром II золотой медалью. В 1870 г. епископ Томский и Семипалатинский Платон рукоположил М. Чевалкова во дьякона. А через 7 лет, в 1877 году, М. Чевалков удостоился священнического сана и до конца своей подвижнической жизни оставался верен избранному пути, прослужив в православной миссии более 40 лет.

М. Чевалков был не только переводчиком. На протяжении почти сорока лет своей многотрудной жизни он постоянно обращался к литературному творчеству, причем создавал произведения разных жанров – басни, поучительные стихи, обрабатывал фольклорные материалы.

Первым литературным опытом М. Чевалкова стало произведение, известное под названием «Чӧбӧлкӧптӱҥ јӱрӱми» («Жизнь Чевалкова»). Идею создать жизнеописание подал М. Чевалкову Василий Радлов, который предполагал использовать сочинение М. Чевалкова как один из источников для своей книги «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб, 1866). Он думал почерпнуть у М. Чевалкова новые для себя слова и выражения и фольклорные материалы. Как указывает Б. Бедюров, «Чевалков закончил свою работу, испытав тяжкие муки творчества, поскольку предшественников у него не было и не у кого ему было учиться, некому было подражать, брать поучительный пример. Заслуга Радлова в том, что он увидел в книге Чевалкова оригинальное художественное произведение, первое письменное произведение литературы на алтайском языке». Чевалков создал свое произведение за три месяца и уехал из Барнаула, где в это время жил Радлов.

Магистральный труд В. Радлова «Proben der Volkslitteratur der turkischen Stamme Sudsibiriens» I. Theil:Die Dialegte des eigentlichen Altai: Der Altajer und Teleuten, Lebed-Tataren, Sciioren und Sojonen (St. Petersburg, 1866) имеет важное значение как в лингвистической, так и в исторической и этнографической областях. В первую очередь, в его переводах европейские читатели впервые познакомились с устным творчеством тюркоязычных племен Алтая. Во-вторых, Радлов при-

ложил немало усилий для семантически точной передачи алтайского оригинала.

Как известно, одна из самых сложных проблем при переводе в преодолении культурных барьеров, которые связаны с различиями в картинах мира, существующих у разных народов. Немецкий язык относится к индо-германской группе языков, а алтайский – к тюркской. Трудность перевода заключалась в том, что переводчику нужно было суметь отойти от оригинала и в доступной форме передать читателю иной национальной культуры художественные особенности произведения Чевалкова, удачно найти изобразительно-выразительные средства, передающие смысл произведения. Радлову удалось сделать развернутый перевод на немецкий, поскольку алтайский язык, как и все тюркские языки, имеет тенденцию к емким и кратким определениям. Ряд следующих примеров ярко демонстрирует концептуальные различия между языками и, в то же время, талант и чувство языка ученого В.В. Радлова.

Примеры: beide Augen mit Thränen gefüllt –эки көстиҥ јажыбыла;

Ganz stumpfsinniger Mensch – туйук түлей кижи;

Wie ein Vögeln die Wezenkörner aufliest – кушкачак буудай тергендий;

Wie ein Feuer aufleuchtet – от јарыгандый;

An einem bewölkten Tage die Sonne sich zeigt – бӱркӱ кӱнде кӱн јарыгандый;

Ich verschloss meinen Sinn – санаам туйуктаныҥ;

Wenn heisses Wasser auf mich herabgegossen würde – изӱ суу ургандый;

Wir sind furchtsam wie die Hasen und können nicht für uns reden, wie die Fische – койондый коркунчак, балыктый айдыныҥ албас;

Einen schwarzen Zobel oder einen fetten Hirsch getödtet hat –киштиҥ каразын, кийиктиҥ семизин өлтӱрип;

Der Raum zwischen Wahrheit und Lüge ist vier Finger breit – төгӱн биле чынныҥ ортозы төрт өлӱ.

Так Алтай был открыт для европейских читателей благодаря переводу В. Радлова раннего текста М. Чевалкова.

В 1894 году в журнале «Православный Благовестник» был помещен перевод на русский язык произведения М. Чевалкова. Перевод был сделан священником православной миссии о. Макарием Невским под заглавием «Памятное завещание». 74-летний М. Чевалков создал вто-

рую редакцию автобиографии, внеся существенные изменения в текст. Во-первых, он переадресовал свое сочинение: первый вариант был написан в виде письма В. Радлову, а второй вариант посвящен детям, поэтому о. Макарий Невский назвал его завещанием. Во-вторых, в новую редакцию М. Чевалковым было включено описание событий, произошедших после 1864 года, почти за 30 лет. Оригинал этого произведения под названием «Ундулбас кереес» не найден, и мы можем судить о нем только по имеющемуся переводу о. Макария Невского. Чевалков описывал свою жизнь, имея в виду возрастание в вере и преподобии, он делает весьма краткое вступление, подчеркивая в нем именно назидательный смысл своего жизнеописания: «Дочери мои: Матрена, Мария и Елена! Вам троим передаю описание жизни моей, как завет мой на память вам и потомству вашему». Обращенность к детям, к потомкам придает произведению характер священного завета, что указывает на религиозную основу произведения.

В «Памятном завещании» М.В. Чевалкова, кроме многочисленных агиографических мотивов, тем, образов, присутствуют и черты других жанров древнерусской духовной литературы. В частности, часть «Памятного завещания», в которой создается образ отца Макария Глухарева, явно напоминает столь популярные на Руси патерики – сборники коротких рассказов о жизни монахов, известных своими подвигами благочестия. Рассказы – воспоминания Чевалкова о своем первом наставнике созвучны различным видам патериковых рассказов: рассказам, в которых многоразлично воспроизводится ситуация – авва и его ученик или ученики, рассказам, описывающим поучительные поступки и назидания аввы по отношению к разным монахам и мирянам. Отец Макарий предстает в «Памятном завещании» как мудрый, справедливый, праведный и иногда суровый авва.

Эти мотивы характерны и для житий, однако патериковое начало преобладает в описании поступков и поучений о. Макария. Об этом свидетельствует отсутствие цельного жизнеописания, которого и не мог написать Чевалков; дробление повествования об отце Макарии на короткие рассказы и завершенность каждого отдельного эпизода из жизни монаха.

Однако, «Памятное завещание» – произведение многоплановое, содержащее в себе разные пласты повествования. При преобладании житийного пласта в «Памятном завещании» есть элементы бытового описания, элементы реалистические, этнографические, элементы автобиографии как жанра светской литературы.

О характере Чевалкова трудно составить представление на основе «Завещания». Можно проследить лишь внешнюю биографию и путь его к вере, утверждение в призвании проповедника и просветителя алтайцев. Своеобразие характера ускользает от читателя. Лишь в начале повествования изображается душевная борьба героя, когда он мечется между духовным призванием и житейскими пристрастиями, привычными понятиями. Сомнения исчезают, все колебания преодолеваются, вера побеждает, и герой продолжает осуществлять свое призвание.

Алтайская литература развивалась в особых условиях. До XIX века существовала лишь устная народная поэзия, в алтайской литературе не было длительного развития жанровых структур, с самого начала первые алтайские писатели испытывали сложные влияния – сильнейшее воздействие духовной литературы, влияние научно-этнографической очерковой литературы, классической русской литературы. И М.В. Чевалков не мог воспринять жанры в чистом виде, испытывая многоразличные влияния. В «Памятном завещании» есть разного рода наслоения – этнографические элементы, традиции древнерусской духовной литературы органически сочетающиеся с попыткой углубления во внутренний мир человека в духе психологизма русской классической литературы XIX века.

Несмотря на трудности перевода с алтайского на немецкий язык, прекрасно, что письменный памятник «Чöбöлкöптүң јүрүми» Чевалкова приобрел общеевропейскую известность. Это свидетельствует о его художественной и историко-культурной ценности. Переводы на немецкий и русский языки произведения Чевалкова по праву становятся частью мирового культурного наследия. Благодаря переводу происходит обогащение национальных культур, готовится почва для дальнейшего развития алтайской литературы.

Таким образом, в середине XIX в. произошло важное культурное событие для просвещенной Европы: открытие Алтая в пространственном и временном измерении через письменный труд М. Чевалкова. Данный перевод «Tschiwalkow's leben» в определенной степени сделал известным переводчика В. Радлова как знатока алтайской культуры.

Однако на сегодняшний момент, когда мы столкнулись с проблемой исчезновения языка, более важным представляется то, что письменные труды Чевалкова не потеряли актуальности и значимости для современных коренных жителей Алтая. Являясь истоком нашей письменной литературы, они дают нам силы и вдохновение.

ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЖҮРҮМИ

ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЈҮРҮМИ

Јакшылык укту Пазылай Пазылайбыч!

Слер менең сурап јазыңар, мениң кайда өскөн, туулган јеримди, каныйда бала болуп өзүп, эр темине јеткенче, ӱргӱлји јажыма не көргөнимди, не укканымды, неден ары креске түшкенимди, аймакка јӱрӱп, нени көрӱп таныгамды – сурап турзыңар.

Је эмди мен саа нени көрдӱм деп айдайын! Мен теңериниң бийигин билбедим, јердиң кеңин кемјибедим, энеден туугала, төртөн јыл эртти, бу јылдардың эрткени јаңыс күн эрткендий болды. Бу јылдар эрткенче, ачуга да чыдадым, татуды да јидим, ыйлап та јӱрдим, кубуксып та јӱрдим, алардың ончозы менең суубыла сал аккандый эртип, көскө көрӱнбей калды, јаңыс ла алардың изи мениң јӱрегимде посконго базылгандый калды.

Је эмди мен саа карылардаң[1] укkан бойымның угумды куучындап берейин. Озогыда алтан түмен Теленгет, Алтын Арда амыр-энчӱ јуртап турарда, төрт аймактың бажын билген Төрбөт-Ойрот кааны болгон. Төрт аймактың ортодо бускаланг чыгарда, каан ырбап, Күнгер[2] кааннын јуртына кирген. Кийндеги калган кааннын уулдары Солтондор[3], бийлердиң уулдары Мурзалар ӱзери јууламјып, јер сайын тоскондор. Кажылары күн өскӱзӱ јаар баргандар, кажылары күн түштүгү јаар баргандар, јарымызы күн бадыжы јаар баргандар. Алардаң арткан теленгеттер Ак Умардың[4] бойында Эртишке түшкен суулардың бӱгӱнде јуртап тургандар. Је алар анда база амрашпай, ӱзери бойлоры јуулажып, эл астай берерде, бир јанынаң Моңгул јуулаган, бир јанынаң кара казак јуулаган. Айдарда, Мамытпы ла Балык, Теленгеттиң эки бийи, бойының јонын

[1] Карылардаң – каргандардаң

[2] Күнгер – джунгария

[3] Солтондор – мында: султандар

[4] Ак Умар – Обь.

баштаганча келип, бойлорынын күүнибиле Аба-Тура киpегеле, Ак Каанга кара калан берип тураpга колдорын бергендер. Ол тужында мениң өбөкөмнөң кирген кижиниң ады Чөбөлөк болгон. Оның кийнинде Байатка[5] келип журтагандар.

Мениң адамның тууган jери Байат болгон. Анаң он jаштуунда Бий Туразынаң одус кыйгырыжынаң кедери Кара Суу деген jерге келип турган болгон. Мениң тууган jерим анда болгон. Анаң мен jети jаштуда ада-энембиле Улалу деген jерге келип турганыбыс. Айдарда, Улалуда биспиле төрт түнүк[6] болгон. Улалуга келгенниң экинчи jылында Бий Туразынаң бир мешенин[7] каады-балдарыбыла аа көчүп келип журтады. Ол мешенин үч уулду болгон, кичү уулының ады Jакоп болгон. Мен ол Jакоппыла кожо ойноп jүрүп, орустың тилине үрендим. Ол үйинде курсак jиирде башкойып алат, курсакты jиген кийнде тура-галып, база башкойот. Мен оны солынзынып, Jакоптың бойынаң сурадым: «Бу сен курсак jиирде, неерек башкойозың? Курсакты jиген кийнде не башкойозың?» Ол айтты: «Бис курсак jиирде, кудайдаң алкыш сурап, башкойып jадыбыс. Курсак jиген кийнде, кудайга алкыш берип башкойып jадыбыс». Мен бу кудайга jарамыкту кылынуды көрүп уга-геле, бойымның jаңды jаратпай, бойыма бойым jүрегимде айдынып jүрдим: «Сен курсак jиирде, кудайдаң алкыш сурабайзың, курсак jиген кийнде алкыш айтпайзың, курсакты jигеле, ийт ошкош туура база березиң. Ол ашты берген кудайды күндүлебей jазаң». Бу мениң jаңдаган jаңым jаман деп сананып jүрдим. Ол туштa мен тогус jашту болгоным.

База бир күн мен Jакоппыла кожо ойноп jүреле, чалкойто jадып койоло, теңериниң койнын көрүп jаттыбыс. Айдарда мен Jакоптоң сурадым: «Ол теңериде не бар?» Jакоп айтты: «Анда кудай бар». Мен айттым: «Ол кудайдың ады кем?» Jакоп айтты: «Исус Кристос. Ол бу Jердеги не ле ончо бүткенди jайаган, ончо кижилерди, jүзүн-jүүрлү малдарды, jүзүн-jүүрлү аңды, куштарды – алты күн jайаган. Ол эмди Теңериде туруп jат». Мен айттым: «Ол кудай бисти анаң

---

[5] Байат – эмдиги Кемеров областьта суунын ады, оның адыла бери көчкөн телеңеттер «байаттар» деп адалган.

[6] Түнүк – өрөкө

[7] Мешенин – мещанин

көрүп жат па?» Жакоп айтты: «Ол кудай бисти теңериден түнде, түште не кылынганыбысты көрүп жат. Аа башкойгон кижилерди сүүп жат, аа башкойбогон кижилерди сүүбей жат». Мен база сурадым: «Ол сүүбеген кижилерин кайдар?» Ол айтты: «Сүүбеген кижилерин карачкы жерге түжүрер деп энемнен укканым».

Анын кийнде мен санаркап жүрдим. Ада-энем кам камдатканда, мен бойымнын жаңымды жамандай, уйалып жүрдим.

Кажы бирде адам мени уйлар күзедерге ийе бергенде, мен Үттү-Кайа деген туудын бойында таманду ташка чыгып, күн чыгыжы жаар кудайга башкойып жүрдим. Же мен анайып башкойып турганымда, кудайга мүргүү сөс айдарга билелбедим, жаңыс ла сөс айдып турдым: «Ай кудай Исус Кристос, мени таштабагын, мени бойына алгын!» Мен катап-катап айдып, мүргүп турдым.

База бир күн бойымнын нөкорим Жакопко барып, үйүнде отуруп жатсам, аларга бир кара киимдү кижи кирип келди. Мен аны көрөлө, чыга качайын дегеним, ол мени токтозып алып, жанына отурзып койоло, маа кызылгатту калаш берди. Мен анын берген калажын жийн бе, жибейин бе деп отурдым. Айдарда ол мениң бажым сыймай-геле: «Сениң адын кем?» – деп сурады. Мен айттым: «Мениң Киппирийен». Ол айтты: «Же мен саа куучын куучындап берейин».

«Озо бир Киппирийен деп улу кам болгон. Тууларга барып, көрмөстиң тилине, анын кара кадына[8] үренген. Ол үренген кийнде нени эдейин дегенде, аны эдетен болгон. Же жаңыс ла бир Усмынийа деп кресту кысты бойынын камыбыла жең албаганда, аны кайкузынып, бойынын көрмөс элчилеринен сураган. Айдарда анын элчилери айткандар: «Бис анын кудайдаң коркып жадыбыс, анын бойына жуук барардаң эмтирип, анын үйүне баралбай жадыбыс». Ол кам Усмынийа деген кыстын бойынаң барып сураган: «Сен кандый кудайга жаңдап жазын?» Усмынийа Киппирийенге Исус Христостын учурын айдып берген. Айдарда ол кам барып, креске түшкен, ол креске түшкен кийнде улу абыс болгон. Кудайдын күчибиле көп кайкалдар эткен. Өлгөн кийнде кудайдын жакшылыкту жарыгында үргүлжи болуп жадыр».

Мен бу сөстөрди уга-геле сурадым: «Сен не деген кижи болотонзын, сениң адын кем?»

[8] Кадына – бичигине

Ол күлүмзиренип, маа айтты: «Мен абыс кижимин, менің адым Макарыйа. Сен креске түшкүн, сен кудайдың балазы ошкош болорзың. Креске түшпеген кижилер кудайдың каандыгына чыкпас, көрмöспиле кожо карачкы јердеги отко үргүлји отурар». Аниип анаң ары кудайга јаңдагандарга не болотонын, јаңдабагандардың кандый болотонын учурлап куучындап берди.

Мен ол чакта он бир јашту болгоным. Он эки јажым төгүзип, он үч јашка киргенде, ада-энем алкыжыбыла колтуу кудалажып койдылар. Энем ол ок јылында үзү оорудаң өлө берди. Мен сүүмдү јакшылык энемниң кийнинде күлүп[9] јүрерим ас болды, ыйлап јүрерим көп болды. Аниип мен эки көстиң јажыбыла эки јылды арттырдым. Үчинчи јылында адам менің колтуумды[10] алып берди. Ол тужында Улалудагы кижилер ончозы креске түже бергендер; биспиле эки түнүктиң кижилери креске түшпес болордо, Макарыйа айткан: «Слер, крези јок кижилер, јаңы крестүлердиң аразында јадып, кам камдашсагар, јаңы крестү кижилерге булгану болор. Слер креске түшпейтен болзогор, бойыңардың Аба Тура јерине көчүгер». Айдарда мен колтуумды алганың үчинчи күнинде адам мени кайынымбыла Байатка көчүрип ийе берди. Мен ол тужында он алты јашту болгоным. Аниип бойым көчүп браадып, санандым: Мен теңеридеги кудайдаң коркыбай, јердеги адамнаң коркып, неерек креске түшпей, Байатка көчүп барып јадым?»

Улалуда јада калган адам менің кийнимнең беш ай болуп Байатка келди. Мен адамды көрö-геле, ыйлай бердим. Адам сурады: «Не ыйладың, балам?» Мен айттым: «Сен мында јадайын деп көчүп јазың, мен ойто Улалуга барып, анда јададым». Адам менің ыйлаганымды көрö-геле, көзүнің јажы чыгып ок келди. Аниип ыйлашканның кийнде бир неделе болуп ойто Улалуга көчүп келдибис. Пиченди[11] чаап тургуза-геле, күзинде креске түжүп ийдибис. Адамның адын Пазылай деп адады, менің адымды Мыкайлы деп адады, менің үдегемниң[12] адын Алаксандра деп адады. Менің кичү карындажымның ады Андырыйан деп адалган болгон. Адамның улу ага-

---

[9] Күлүп – күлүмзиренип.

[10] Колтуумды – сыргалјымды

[11] Пиченди – өлöңди

12 Үдегемнің – үйимнің

зының балазы жок болордо, аны эки айлуунда адам улу агазына бала эдинзин деп берген болгон.

Андырыйанды адазы Макарыйаа катка үредерге берип ийген. Мени адам катка үредерге бербеди, мен аа санааркап жүрдим.

Бир күн мен кечкиде[13] малдарымды азрап салала, Макарыйаа айылдап бардым. Ол маа кудайдың сөзин учурлап куучындап берди. Ол бойынча мен күнүң сайын Макарыйаа каттачы болдым. Мен аниип Макарыйаа жүргенимде, аның качыларына айттым: «Слер мени катка үредигер!» Алар айтты: «Сен биске түште келип жүр, бис сени карындажыңбыла кожо үредерик» Айдарда мен эки күн улары[14] түште келип , үренерге баштадым. Айдарда адам менең сурады: «Сен канаар барып жүрзүң?» Мен айттым: «Макарыйаа барып, катка үренип жүрүм». Айдарда адам маа тарынып айтты: «Сениң кичү карындажың да үрензе, болгой, сен бойыңның ижиң бил! Катка жалку кижи үренетен. Сен иш иштеерге жалкурып жазың. Кижилер сени электеп жат, мениң бойыма бир-эки кижи «Сен уулыңды абыска каттадып, жалкуга үредип жазың» деп айттылар». Айдарда мен адамнаң, алган кижимнең жажынып, чуланга барып, болгынча ыйлап алдым.

Аның кийнде мен Андырыйан карындажыма айттым: «Сен үренип жүрген үзүгиңди[15] курсак жиирде, үйүңе ала келип жүр». Андырыйан мениң айтканымбыла үйүне алганча келип курсак жий-геле, биске келип отурып койып, үренгенде, мен аның жанына отурып, үренейин дегенимде, адам айтты: «Сен ижиңди иштебей, көзүңди алдырып не отуруп жазың?» Айдарда мен үйдеги оок-тоок ишти иштегинче жүрүп, карындажымның үнүнең угуп, сарынга[16] үренгендий, тыңдай үренип жүрдим. Кажы бирде үзүктең көрүп үренип жүрдим. Аниип, сарынга үренгендий, кулагымбыла тыңдап, үч кошмок сөстөрине үренип алдым. Је андый да болзо, сөстөриниң ончозын таныбас болдым.

Аниип жүргенче, Макарыйаны Маймаа апараарга мени десетник унаа[17] чыгарарда, мен эки атты јегип алып, Макарыйаа келеле, кирзем, ол одус крелү үзү буулап јадыр.

---

[13] Кечкиде – энгирде

[14] Улары – улай

[15] Үзүгиңди – бичигиңди

[16] Сарынга – кожонго

[17] Унаа – ямщик

Айдарда мен Макарыйадаң сурадым: «Адай[18] Макарыйа маа бу ўзўктердиң бирзин алкап бер?» Макарыйа кўлўмзиренип, маа јууктай базып келеле, айтты: «Сен кадытту, балалу кижи ўренерге божойтон бидиң?» Айдарда мен айттым: «Кудай ойлондырза, ўренерим». Макарыйа бир ўзўкти колына тудунып алып, алдыма јууктай базып келеле, кўлўмзиренип айтты: «Бу ўзўктең ўч сöс танызаң, мен саа мыны алкап берейин, таныбас болзоң, эмди саа бербезим. Айдарда мен ўзўкти колыма ала-геле сöстöрин таныбас та болзом, угымның билгенинче кычырып бердим.

Мыны уга-келе, Макарыйа сурады: «Сени кем ўретти? Мен айттым: «Мени кижи ўретпеди. Бойым Андырыйан ўзўгин кычырганда, мен аның јанында ижим иштегенче јўрўп, тыңдай ўрендим». Айдарда Макарыйа айтты: «Сен бойым ўрендим деп айтпагын. Кижи дезе, кудай болушпаза, нени де бойы эдалбас, неге де ўреналбас... Сен бойымнаң болды деп сананар болзоң, көрмöс јакшылык иштериңниң ўренин, кушкачак буудай тергендий, терип алып, сала бергендий болор».

Аниип мени ўредип эрмектей-геле, маа паа ўзўкти алкап берди. Мен ол ўзўкти ала-геле, сўгўнип, койныма сугунып алдым. Макарыйа айтты: «Је, эмди мени Маймаа апарып сал!» Мен аның немелерин таратайга тажып сала-геле, бойын отурзып алып, Маймаа акелип салдым. Ол Маймаа јеткинче мени ўреткенче барды. Мен анаң јанып келеле, ўзўгимди јажырып койдым.

Аның кийнде пиченге бараrда, ўзўгимди кожо ала јўрўп, јолой сöстöрин таныырга ўренип јўрдим. Јолдо кижи удур келип јаткан-да, мен ол кижиденң уйалып, ўзўкти койныма сугунып аладым. Ол кижи эрте бергенде, мен ўзўкти койнымнаң чыгарып алып, катап баштайдым. Кажы бирде карындажыма көргўстрип аладым, кажы бир бош болгон кечкиде Макарыйаның ўренчиктерине көргўстрип алып јўрдим.

Бир кўн кечкиде мен Макарыйаа кирдим. Мен кирезимбиле удур базып келеримде, адай Макарыйа маа алкыш береле, сурады: «Је ўзўкке ўрендиң бе?» Мен айттым: «Кудайга баш, ас-мынчазын билип јадым». Айдарда ол маа керелти киниге акелип, кычыртты. Мен беш-алты јол кычырарымда, ол көзин öрö көрöлö, айтты:

[18] Адай – онойдо абысты крестўлер адагылайтан.

«Теңгери, жерди жайаган кудай Сийондоң сени алказын!» – деп айдагеле, маа ол книгени берип койды. Аның кийнде мени жедектенип алып, отургушка отурзып койоло, бойы мениң жаныма отурып койып, кудайдың сөзин эрмектей берди.

Бу аның палдаң[19] татуу сөстөрин уга-геле, үйиме алкыжын алып жандым. Анаң жанып келгенде, адам сурады: «Кайдаң келдиң?» Мен койнымдагы книгемди чыгарып алала, көргүзип, айттым: «Мен адай Макарыйаа айылдап барганым, ол маа бу книге үрен деп берди». Айдарда адам айтты: «Же кычырып көрчи!» Мен такылтып-тукултып кычыра бердим. Адам уга-геле, айтты: «Анча билгенинде, пошто үрен!» Айдарда адам үрен деп алкыжын берерде, карачкы түнде от жарыгандый, бүркү күнде күн тийгендий, санаам жарып сүгүндим.

Аниип адамнаң сүгүнчилү алкышты алган кийинде, мен малымды кечкиде азрап салала, Макарыйаның үренчиктерине барып, үренип жүрдим. Же алар кажы бирде божобогондо, мен сактап отурып, жанып келедим. Ол чакта анда бир абыс бар болгон. Ол маа көп катап айтты: «Сенің үйиңде ижиң жок пидир, сен боо неерек каттайзың?» Мен ыйламзырап, үйиме браадып, бойыма айдындым: «Бу мен ырызы жок туулган кижи болуптырым. Аның учун бу маа мындый будалгаан болып жат» – деп, көңүлдим.

Бир күн Макарыйаа кирип барзам, анда эки кижи отурып жадыр; бирзиниң ады Осип, бирзиниң ады Пабыл. Макарый маа удур базын келип, маа алкыжын берет, мен отургушка отурып койдым. Алар үчү отурып койып, Осиптиң жүрүмин көчүрдилер. Мен угуп отурым, алар көчүрип айдып отурдылар. «Ибо» деген сөсти билелбедилер. Айдар да Макарыйа маа базып келеле, сурады: «Ол «ибо» деген сөс слердиң тилбиле не деп айдар?» Мен айттым: «Слер маа учурын орустың тилибиле айдып беригер». Айдарда ол маа учурлап айдып берди, мен айттым: «Тезе» деген сөс туру». Айдарда Макарыйа маа айтты: «Сен маа бош күнде келип жүр, бис экү Осиптың жүрүмин көчүрели. Сениң бойыңа да жакшы болор, кудайдың ару чимин үренерзиң». Айдарда мен бош күндерде Осиптың жүрүми түгенгинче келип жүрдим. Осиптың жүрүми түгенген кийнде Макарыйа маа ару Митраппаныйаның сүрмедин алкап береле, айтты: «Сен эмди маа

[19] Палдаң – мөттөң

кудайдың сөстөрин көчүрерге тилмеш болгын». Мен ол бойынча Макарыйаа беш јыл тилмеш болып јүрдим. Бис экү кудайга мүргү сөстөр көчүрдибис, база јаңы керелтиниң ол мынчазын көчүрдибис.

Мен аниип тилмеш болуп јүргенимде, адам мени: «Сен абыска каттап, иш иштебей јазың!» – деп маа чугулдап турды. Аныйда јүргенче, мениң карындажым Андырыйаннын азраган адазы өлүп бараrда, биске, тууган адазына, јүрерге ойто келди. Айдарда мениң адам кичү уулына ижене – геле, мени башка чыгарып ийди.

Бир күн мен одын кезерге барайын деп, эски өрмөгим кийип алып, отурып јатсам, адам сурады: «Сен неге бараrга тергендиң?» Мен айттым: «Одын кезерге». Айдарда адам айтты: «Одынды кезейин дезең, бойыңа кес!» Мен айттым: «Бойыма кеспей кайдайын, кижее кезет тединг бе?» Адам айтты: «Мен сени бойыңа кес деп јатпай, кижее кес деп јадым ба? Сен абыс деп абыска каттап, иш јакшы иштебей јазың. Эмди башка чыгып, бойың өс алдынаң јат!» Айдарда мен айттым: «Мен кирер үйим јок, ичер курсагым јок, канаар барайын? Адам айтты: «Сен, јаш кижи, ашты бойың тап, үйди бойың эдип аларзың. Бойың эдип албазаң, абызың саа эдип берер».

Айдарда, мениң үстиме изү суу ургандый адама бир де сөс айдалбай, ыйлап отурдым. Айдарда адам айтты: – «Сен неге ыйлап отурзың? Бойыңа кирип јадатан јериңди бүгүн барып бедре!» «Сен маа бир неме бербегенинде, мен канайып кижи болорым?» – «Мен саа калыңдап кижи алып бергеним, база саа нени берейин? Ол отурган кебиңбиле чык!» – «Эш јогында маа айак, шабала бер». – «Саа бир неме бербезим! Бойымның кышту тонымды саа кышкыда кийерге керек болор» – деп, маа таштай берди. Мен ол тонды колыма алала, адама ойто берип айттым: «Бу тон маа уй, аш болбос, мыны ойто ал, мының ордына маа алкыжың бер».

Айдарда адам ыйлап ийеле, Исус Кристостың сүрмедибиле мени алкай-геле, маа ол сүрметти берди. Мен адамның алкыжын ала-геле, Алаксандра деген бајама барып, анын анбарын јайга јадарга сурап алып, кирдим.

Айдарда мен төрт күннің туркунына ыйлап, санагам туйуктанып, эмди нени иштейин деп санаркап јүрдим. Бежинчик күнде Макарыйа мени кычыртып барды. Мен аа барганымда, адай Макарыйа айтты: «Сениң јүзиң неерек түнерик? Не болдың?» Мен адамнаң

2 Заказ 2621

башка чыкканымды айтпай «Јок, маа неме болгонын пилбей јадым» – дедим.

Адай Макарыйа мени анча-мынча көрүп турала, базып барып, керелтени акелип, остолго сала-геле, айтты. «Эмди бу керелтиден көчүрип келели». Айдарда мен базып келеле, остолдың јанына отурып койдым. Адай Макарыйа керелтиден көрүп, менең сурап отурды, мен бойымның тилиме көчүрип, айдып отурдым. Анча-мынча көчүрип отурганча, ол меннең база сурады: «Сен не јаман эттиң, менең јажырбай, айт? Сениң дезе чырайыңнаң танылу, тен нени де эткен ошкошсың?» Айдарда мениң тамагым түүлип, айдыналбай, ыйлап ийеле: «Адам маа бир неме бербей, чыгарып ийди» – дедим. Ол чакта адай Макарыйа отурган јеринең тура-галып айтты: «Кудайга баш, ыйлаба! Азраган адаң саа неме бербезе, теңеридеги адаң берер! Ачуга чыдабайчы татуды јибес. Суукка тоң-бозо, јулууды кийбес, кечкизинде ыйлаза, эртенинде сүгүнер». Ани-ип айда-геле, менең сурады: «Эмди кайда јазың?» – «Алаксандра бајамның анбарында јадым» – дедим.

Айдарда ол маа төрт пуд талкан берди. Экинчи күнинде айак, шабала садып ал деп он јүстин кызыл кагас акча[20] берди. Мен аны алала, айак, шабала садып алдым. Үчинчи күнинде адай Макарыйа мени кычыртып алып, маа азынатан көөш, база малта берди. Аның суунда маа бир бее садып алып берди, киретен үй садып алып берди. Мен ол бойынча иштенип ок, адай Макарыйа барып кудайдың сөзин бойымның тилге көчүрип јүрдим.

Бир күн адай Макарыйа мени кырадаң кычыртып алды, мен аа келзем, анда көп кижилер отурдылар. Адай Макарыйа айтты: – «Мен эмди Рассейге барып јадым, анаң ойто боо келбезим. Слер мында мен килинчектүдиң учун ончобысты сүйечи ада кудай Исус Кристоско мүргүгер! Мен слерди унутпазым, мен де анда слердиң учун мүргүрим». Аниип айда-геле, көзининг јажы мөлтрөп төгүлип келди. Бис аның көзининг јажын көрөлө, токтодыналбай, ыйлажа бердик. Аниип ыйлажа турганыбыста, адай Макарыйа айтты: «Эмди слердиң адагар адай Стапан болзын. Мен бойымның ордыма отурзып, алкыжым берип јадым. Ол слерди ар јакшылыкка үретсин. Слер мениң сөзимди укандый угугар.

[20] Кагас акча – чаазын акча.

Адай Макарыйа Рассенге сала бергенде, мен кыра сӱрерге кичендим. Је јерибистиң тӱзи тӱгене болгон болып, јандырманы көп сӱрелбей, кыйналып, ачурканып јӱрдим. Бай кижилер дезе көп аттардаң јеңип алала, сӱрӱп турадылар. Мениң аттарым ас болгон болып, јандырманы сӱрелбей, јайнап јӱрдим.

Бир кӱн тӱнде уйуктабай, бу јандырма јердиң аргазын каныйда таап сӱрзем, јакшы болгой не деп сананып јаттым. Мының јӧңин ойдык төмӧн аңтартарга кандый салда этсем јакшы болгой не деп сананып јадым, көзиме көрӱнген чилеп, көксиме кирижип келди. Айдарда мен саттабай кыбыланганымча аргылык-бергилик јаңыс јолбыла ойдык төмӧп аңтаратан салда эдип алып, сӱрӱп көрзӧм, атка јеңил, бойыма да јеңил, кандый да јандырма јерди сӱргидий болордо, аа сӱрекей сӱгӱндим.

Аның кийнде мен теермен туттым, туткан теерменим јакшы болордо, аа бир сӱгӱндим. Темир согорго мен ӱрендим, аның кийнде јаруу эдерге[21] мен ӱрендим, агаш узына мен ӱрендим, киребиле агаш јарарга мен ӱрендим, поспо[22] саларга мен ӱрендим. Бу ӱренгеним ончозы маа тузалу болгодый болгон, је бонымның эки санагам мени байытпады. Бир кӱн мени абыс Стапан кычыртып барып, айтты: «Кудайдың сӧстӧрин көчӱрели, сен маа тилмеш бол. Мен саа кырык[23] јӱс серебром јылына беркин». – «Мен кадытту, балдарлу кижимин, маа кырык јӱс ас болор» – «Сен баштапкы јылында анийда јӱр, мен саа јылдың сайын кожып турарым» – деди.

Айдарда мен тилмеш болуп тӧрт јыл јӱрдим. Је тӧрт јылдың туркунына он јӱс серебром болды.

Аниип тилмеш болуп јӱргенимде тӧрт јылдың туркунына кудайдың чииминең теленгеттиң тилине көчӱрип јӱрдибис. Кажы бирде креске тӱжерге кижилер келгенде, мен аларды абыс Стапаннаң алкыжыбыла мӱргӱ сӧстӧргӧ теленгет тилбиле ӱредип, кудайдың ару јаңыныңг учурын айдып берип турадым. Кажы бирде адай Стапан бойы кудайдың чииминең аларга айдып турганда, мен тилмештеп айдып берип турадым. Кажыларын бир неделеденг ӱредип турадык, кажыларын эки неделеденг ӱредип турадык. Кажылары креске тӱжерге келеле, ойто булганып јана бередилер.

---

[21] Јаруу эдерге – агаш јарарга.

[22] Поспо – оспа.

[23] Кырык – тӧртӧн.

Мен аниип тилмеш болуп јүргенимниң экинчи јылында Аба-Туранын[24] бойында јаткан Николай Ибанобыч Ананин деген бир бий Стапанның үйине келип түшти. Ол келип түшкен ок күнинде мени кычыртып алып, маа айтты: «Мен слердиң тилбиле ошкош тилдү аймактардың јаңдаган јаңының учурын, сарындарын, үлгерлерин, куучындарын, алардың камдарының не деп камдайтандарын сурап чийип јүрдим. Эмди мениң Аба-Тура аймагынаң сурап чийип алгандарым бар. Је аларды орус тилине көчүрерге анда кижи чыкпады. Мен сени тилмештеерге билетен деп уга-геле, анын учун сени кычыртканым. Сен маа аларды көчүриже бер». Мен айттым: «Мен адай Стапанга тилмеш болуп јүрип јадым, бойымды бойым билинип болбозым, анаң сурагын». Айдарда ол айтты: «Мен анаң сени сураганым, ол сени маа божодор болгон». Аниида тургынча, адай Стапан бир үйүнең[25] биске кирип келеле, маа айтты: «Мен Бий-Туразына барып јадым, сен анынча аа көчүриже бер». Айдарда мен ол Ананинбыла бир неделе артыгыбыла орус тилине көчүриже бердим. Аниида јүргенче, абыс јанып келди, ол бий маа айтты: «Сен мындагы аймактардың јаңының учурын, алардың куучындарын, сарындарын, не ле озогыдаң бери куучындарын маа чийип ийип тур». Аниип айда-геле, маа эки тепки[26] акча береле, бойы јана берди. Айдарда мен канча јууганымды адай Стапанга берип турдым, ол почтобыла Николай Ибанобычка ийип турды.

Экинчи јылында ол база ок келди. Айдарда ол мени Бий-Туразына алганча барып, анда менибиле тогус коно јадып көчүрди. Анаң јанарда маа үч теңки акча берип барды. Аның суунда, үч ай эрткин кийнде, ол Николай Ибанобычтаң адай Стапанга мени келзин деп кат келди. Айдарда мен беш конып, Аба-Турадагы Ананинге јеттим. Эки ай јадып, түгезе көчүреле, јанып ийдим. Николай Ибанобыч мен јанарда, маа айтты: «Сен маа болушкан учун, мен сени куру таштабазым. Эмди мен саа он тенки акча берейин». Мен канча бергенин алып, јана бердим. Ол бойынча эмдиге јетре аны көрбөдим.

Аба-Тураа барып јанып келгениң јазында бир күн кудайдың сарынына үренерге маа јуулган ууландар[27], балдар бар болгон. Мен

[24] Аба-Тура – Кузнецк.
[25] Бир үйүнең – өскө кыптаң
[26] Тенки – теньга.
[27] Ууландар – уулчактар

аларды ўредип отургамча, менің ўйчегим тызражып турды. Айдарда кажыбыс айтты: «Көп кижилер кирерде, анын учун тызражып јаткап болор бо?» – деп каткырыштылар. Кажыларыбыс айтты: «Алдын суу јўзўп јаткан болор бо?» Суу ташкын[28] јарыбыла тең болгон. Менің ўйчегим дезе суудың куйына јуук болгон. Кажыбыс айтты: «Тышкартын чыгып көрөр». Кажыларыбыс тышкары көрөргө чыкты. Эжиктең кезиги чыгарбыла, кезиги чыккалакта, ўй кыйын болуп, сууга јада барды. Айдарда кажыбыс көзнөктөң чыкты, кажыбыс эжиктең чыкты, ўйдің ичиндеги немелерибисти көзнөктөң чыгара тажып алдыбыс. Ўйўбистің агажын кижи көп болгон болуп, сууга агыспай, кедери тажып алдыбыс. Андый да болзо, агаштарын алыштырып ийип калдыбыс. Ол кўн эртенинде сарнап отурганыбыс, кечкизинде ыйлап отурдыбыс. Ўйўм јок јада-галала, адай Стапанга бардым. Ол маа тилмеш болуп јўрген јалым учун јетре этпеген ўй садып алып берди. Мен оны тажып алып, тургузып алдым.

Бирзинде адай Стапан мени адай Эрсинтийбиле[29] Аба-Туранын теленгеттерибиле шорлорго барып келигер деди. Айдарда бис ол теленгеттерге төрт конып, Аба-Туранын ўстўги јанындагы јаткан шорлордың айлына[30] јеттибис. Ол айылдагы шорлордың јадыштары орустың јадыштары ошкош деп көрдим, алардың кирген ўйлерибиле, кийген кептери орустыйындый ок деп көрдим, јаңыс ла кадыттарының кийимдери башка. Ўйлериниң ичинде кудайдың сўрмели турганын көрдим. Кажыларының ўстинде камның түңўри турганын көрдим. Мен алардың ўйинде түңўрди көрөлө, сурадым: «Слер крестў эмес пидегер? Слердиң ўйўгерде камның түңўри турган». Алар айтты: «Бис крестў де болзок, камыбысты камдатпай, каныйып таштайлы».

Мен айттым: «Кудай јаңыс Исус Кристос, анаң башка кандый да кудай јок. Муколо была Илийа пророк алар кудай эмес, алар кудайга јарамыкту кижилер болгон. Эмди алар кудайдың јаркынду јакшынак кубатту јеринде јўрўп јадылар. Кем кижи аларды болужыга кычырза, алар болужып јадылар». – «Чын кудай Исус Кристос деп укканыбыс, андый болзо, бис аа көп башкойбын јадыбыс».

---

[28] Ташкын – тышкары.

[29] Эрсентий – Арсентий

[30] Айлына – мында: јурт јерине, деремнезине

Айдарда мен аларга анча-мынча кудайдың ару јаңының учурын эрмектеп бердим. Сӧс блашпай тыңдап уктулар.

Мен алардаң база сурадым: «Слердиң бу јаткан айылдагы кижилеригер ончозы крестӱ бе?» – «Ончобыс крестӱ». – «Абыстар слерди кудайдың сӧзӱне ӱредеди бе?» – «Ӱредип јадылар». – «Абыс не деп ӱредет?» – «Кудайга башкойыгар деп ӱредет». «Ол ла ба ӱреткени?» – «База кайдып бисти ӱретсин? Бис орус тилин јакшы билбесте. Бистиң кадыт-балдардың кажызы билбес».

Бис ол кӱнде ол айылда конуп алдыбыс, эртенгизи кӱн Мрас ӧрӧ барып јассак, биске бир јаш уулан шор кижи сӱретмебиле[31] тос сӱреткинче туштады. Адай Эрсинтийдиң минип брааткан ады ол тосту сӱретмеден ӱркий-геле, мӧкӱп јӱре берди. Мен унаачыбыла аның адын тудалы деп јууктап болбодык. Аныйда јӱргӱнче адай Эрсинтий аңтарылып берди, ӱзеңее илинип јӱреле, тӱжӱп, јада-галды. Айдарда бис атта тӱже секре-геле, адай Эрсинтийди тургузалы тегеник, айдарда ол айтты: «Акыр, мен јӱрче јадайын». Бис сурадык: «Кандый, бӱдӱнзиң бе?» Ол айтты: «Корыкпагар, бӱдӱнмин». Бис божонып барган адын тудуп, экелип, миндирип алала, јӱре бердик.

Аның ары Мрасты ӧрӧ турган бир айылга келдибис. Ол айылдың адын ундуп салдым. Аның турган јеринiң эки јанына кара јыш бӱдӱптир. Ол айылдың бойында јадып, сабаттың[32] почтозының уназын качырып[33] турган бир мӧстӧрӧбӧй[34] бар эмтир. Бис аның айлына тӱже-геле, отурып јассабыс, аа эки кижи келди. Мен ол эки кижиден сурадым: «Бу слердиң јаткан јеригерде кыра сӱретен јер јок эмине, слер курсагыгарды небиле азранып јазыгар?» Алар айттылар: «Бис јайыбыла балык аңдап, кемебиле Аба-Тураа агызып барып сада-геле, анын акчазыбыла аш алып, азранып јадыбыс. Кажыларыбыс јалаң аруун[35] бедреп, аның палын садып, аш алып, курсагыбысты азранып јадыбыс. Бай кижилер садубыла азранып јадыр». Алар аниип менибиле эрмектеже-геле, чыгып, јана берерде, адай Эрсинтий айтты: «Сен бу айылга айылда. Крестӱ эмес кижи

[31] Сӱретме – тере чанагаш
[32] Сабаттың – заводтың
[33] Качырып – апарып.
[34] Мӧстӧрӧбӧй – мастеровой
[35] Аруун – адарузын.

тапсаң, аны бойынғнын билгенинғче креске түжерге айткан». Айдарда мен айылдап јурүп, беш-алты үйге кирдим. Кажыларының үйлерине киргенимде, кудайдың сүрмеди турат, кажыларының үйүнде түңүр турат. Мен түңүрлерин көрө-геле, сурадым: Бу слердиң үйүгерде кудайдың сүрмеди бар эмине, камның түңүри неерек турат?» Алар айттылар: «Бис камы јок орус пидек? Чалык ууру[36] болгондо, кам камдатпаза, кижи каниип јадар?»

Мен аларга кудайдың ару јаңының учурын анча-мынча эрмектеп береле, чыгып алып, оромбыла базып клаатсам, төрт кижи оромның куйунда јос јарып јадылар. Мен алардың јанына отурып койдым. Алар мениң јаныма келип, отурып койоло, мени кайдаң јүрген кижизин деп сурадылар. Мен аларга јери-суумды, не керекке јүргенимди эрмектеп бердим. Аныйда эрмектежип отургамча, бистиң јаныбыста оромбыла базып јүрген кижилердиң јуулганы јирме крелү болды. Айдарда мен ол јуулган кижилерденғ сурадым: «Слер ончогор крестүзиңер бе?» Алар айттылар: «Бу кижилер ончозы крестүлер». – «Кудайдың адын билип јазыгар ба?» – «Билип јадыбыс». – «Кудайдың адын не деп адап мүргүп јазыгар!» – «Муколо падышка[37] деп, база Илийа пророк деп мүргүп јадыбыс. Исус Кристос кудай бар деп угарын укканыбыс, андый да болзо, аны јакшы билбей јадыбыс». – «Слерге абыс јүрбейдир бе?» – «Абыс боо келип, јуужын јууп алала, јана берет». Абыс слерди кудайдың сөзине үретпейдир бе?» – «Абыс бисти, орус тилин јетре билбес кижилерди, канайып үретсин? Бистиң озогы адаларыбысты кандый да абыс черүбиле капсап крестей-геле, јана берген. Эмди ол креске түшкен кижилердиң калдыктары, бис, бир неме билбей, арыгылык-беригилик болуп јадыбыс, эмди бисти кудайдың сөзине үредерге кижи јокто, кемнең үренели? Аның учун камыбысты камдадып јадыбыс». – «Камның камдап айткан сөзине бүтпегер, ол ончо төгүн сөстөр, камдар бойлоры да чын кудайдың јаңын билбей, көрмөскө јаңдай камдап јадыр». – «Озодоң бери јери-суубыска, теңерибиске, көдрө турганыска бойыбыс берү бербей, канайып коркыпай јадарык?»

Айдарда мен аларга база анча-мынча кудайдың ару јаңын эрмектеп береле, паа түшкен үйиме келип јассам, Мрасты төмөн отус крелү кемелү кижилер балык шүүп келип јадылар. Мен аларды

[36] Уруу – оору

[37] Бадышка – батюшка

көрөлө, алардың јанына барып турдым. Алар сөзүрмезин[38] тартып чыгарарда, ол сөзүрменнин кийнинде үч кат сөзүрме тартып ал чыктылар. Алдындагы сөзүрмезинде сегис пел, база алабугалар, чабактар, чортондор чыктылар, кийиндеги үч сөзүрмелеринең мака[39] чабактар чыктылар, анаң башка балык көрбөдим.

Аа туруп аниип көрөлө, бери түшкен үйүме келеле, адай Эрсинтийбиле экү ол ок күнде ойто јана Мрасты төмөн кемелү агып келип, Аба-Туранын үстиги јанындагы айылга чыгып, абрабыска унадаң јектирип алала, Аба-Тураа келдик. Анда бир конып алала, эртенгизи күн Байаттагы теленеттерге бир конып јеттибис.

Ол теленеттердиң аразынаң крестү кижиденң туулган кижилер таптыбыс. Аларды ада-энези крестетпей азрап алып, кыс балдарын кижее бергендер, эр балдарына кижи алып берген эмтирлер. Је бис аларды билбес эдек, ол теленеттердиң јаткан Улу Айыл деген айылда адай Стапанбыла крестелген бир билер кижи бар болгон. Анын ады Алаксандра деп болгон. Ол биске мыны учурлап айтты: «Мында јаткан теленеттердиң аразында крестүденң туулган кижилер бар. Эмди кажызы кадыт алып балдарлу јадыр. Кыс кижилери крези јок кижилерге барып, балдарлу јадыр». – «Алардың ада-энези крестү болгондо, каныйып крестелбей калган» – дедик. – «Бистиң озогы крестүлердиң балдарын крестеерге, абыс келгенде, алар абыска неерек те крестетпей јада-галатан болуптырлар. Алар дезе каныйда креске түшкен, аныйда алар кудайдың сөзүне, ару јаңгының учурына үредилбеген болуп, аа үзери крези јок јурттың ортозына јадагеле, кудайдың јаңын билбей, балдарын крестетпеген. Эмди алардың адалары, энелери өлүп калган балдарынаң база балдар бар».

Айдарда бис ол кижилерди ончозын јууп алып сураганыкта, алар айттылар: «Бис кайдаң билели, крестүденң туулган пидрик, крези јоктоң туулган пидрик? Бойыбыс та билбей јадык». Кажызы айтты: «Ада-энебистең укканыс, чын!» Айдарда мен аларга кудайдың сөстөрин, ару јаңгының учурын эрмектеп бердим. Үчинчи күнде крестей салдык, ончозы отус эки кижи болгон. Отус бирин крестедик, бирзи креске түшпей сала берди. Бис аа анча-мынча јадып, аларды кудайдың сөзине үреде-геле, јуртыбыска јана келдибис.

---

[38] Сөзүрмезин – шүүнин.

[39] Мака – јаңгыс

Јанып келген кийнде анча-мынча тилмеш болуп јўрдим, је курсакка јиирге, бойыма кийерге алган јалым јылына јетпес болордо, мен тилмештең чыгып, садужыга јўрдим. Бирди, кудайга баш, садужыбыла курсагым азранып јадым. Бирзинде мен эки кижи јалдап алып, бойымның кўйимбиле, ўдегембиле Алтын-Көлгө балыктап бардыбыс.

Айылдаң чыккан кўн Ыжы деген өзөккө јеттибис. Анда бир бий ўч јайзаңның улузын јууп алып, јаргы эдин јадыр. Јуулган кижилер ончозы ўч-төрттөң агаштың төзи сайын одуланып јадылар. Мен аларга келе береримде, бир Јадык деген алтай кижи маа айтты: «Сенің келгениңе кудайга баш! Бу тубалар бойының уурчызына болужып јадылар. Алар бийбиле најылашкан ошкош, менің јаргымды эдип бербей јадылар. Менің јанымнаң мында бир де кижи јок, маа, кудайдың учун, болужа бер. Тилмеш бистиң тилибисти јакшы јетре билбей јат».

Айдарда мен аның комудалының учурын бийге тилмештеп айдып бердим. Бий аның комудалын төлөдип берди. Тубалар эки темичи баштаган јоныбыла мени алтай кижи учун тилмештединг деп ончолоры чуңдап[40] алып сого јастадылар. Айдарда кўзен тилмеш анда болгон болуп, алар мени соголбодылар.

Мына мындый алардың кылыгы, Пазылай Пазылайбыч. Эмди сен качан јышка барзаң, алардың кылыгын бойың көрөрзиң. Алар кўдўчизи јок койлор ошкош. Алардың кемизи бай болзо, анызы аларга бий ошкош болгон јат, кемизи јокту болзо, анызы јаргыдаң, бийдең коркынчак кул ошкош болуп јат. Алардың јоктуларының көбизи бойының комудалын јаргыдаң суралбай, таштап јадылар.

«Слер неерек комудалыгар јаргыдаң сурабайзыгар» дегенде, алар айттылар: «Колыңда айгыр мал јокто, капта акча јокто, кайдып јаргыдаң сурайыр. Бис койондый коркынчак, балыктый айдынын албас, сакан[41] билбес аймак нени бис билерик? Киштиң каразын өлтўрип, кийиктиң семизин өлтўрип турган кижиниң тили бийге јарамыкту болор».

Је, Пазылай Пазылайбыч, бу ўлгерди ук, мен айдайын. Төгўн биле чыннын ортозы төрт өлў! Кулагыңбыла укканың ончозына бўтпе-

[40] Чуңдап – јуулыжып.

[41] Сакан – закон.

гиҥ, бойыҥ ол тубаларды көзиҥбиле көргин. Мен дезе бойымныҥ ойыма[42] бүтпей јадым. Је мен анаҥ ары барганымды айдайын.

Ол Ыжы деген өзөктөҥ бир конуп, Ынырғы деген айылга једип кондыбыс. Андагы үйлерге кирейин дезем, ончо ээн туруп јадылар. Алар дезе үйлерине јатпай, сөөлти үйлер эдип алып, ортозына оттоҥ оттырып койып, бойлоры айландыра отуруп јадылар. Мен сурадым: «Слер абыстыҥ берген үйүне неерек јатпай, бу түдүнге көзигерди артадып, бойыгар тозынга уймалып јазыгар?» Алар айттылар: «Орус туразына јадарга бис билбей јадыбыс. Аныҥ ичии орус ошкоп[43] јазарга билелбеникте, бис аа јатпай јадык. Биске дезе тамкылажып отурарга, арба куурып, талкан эдип јиирге мындый сөөлти јакшы» – «Слер орус ошкоп атпыла кыра сүрүп јазыгар ба?» «Јок, бис абылбыла јымжак јерди чаап, ашты салып јадыбыс. Кажыбыс оруска иштеп берип, азулактаҥ[44] салдырып јадыбыс». «Слер бойыгар салда эдип алып, неерек сүрбей јазыгар?» – «Бисти салда эдерге кижи үретпегенде, бис канайып эдели?» – «Слер јалкуурып, үренбей јазыҥар, орус чылап, кыра сүрер болзогор, аш учуп алымга түшпес эдегер». «Орус салдазын эдип алып сүрзе, јакшы ок болор эде, чындап, бойыбыстыҥ јалкуубыс». – «Слер кыра көп салбай јазыгар, орус ижин база иштебейзиҥер, андый болгондо, неебиле улу бийдиҥ каланын, бойыгардыҥ курсагарды кайдаҥ таап јазыгар?» – «Јай келгенде, азулак малыбыс учун пичен чабадык, кузук чыккан јылда кузук аладык, күс келгенде, аҥ аҥдайдык». – «Кузук алганыгарда, аҥ аҥдаганыгарда, көп табазыҥар ба?» «Кузук чыккан јылда курсакка болгынча табадык ок. Кузук чыкпаган јылдарда јаҥыс аҥнаҥ тапканыбыс улу бийдиҥ каланына арайдаҥ једет. Кажыбыстыҥ улу бийдиҥ каланына јетпейт, аныҥ учун кажыбыс оруска барып, јалга кирет».

Је эмди мен алардыҥ јаткан јериниҥ бүдүжин айдайын. Алардыҥ јаткан јери айландыра јыш деп болор, айыл салган јери эки суунныҥ белтиринде, бирзиниҥ ады Ынырғы деген суу, бирзиниҥ ады Кара-Көпшу деген суу. Ынырғы деген суу күн отургуш јанында Кара-Кайа деген бийик туудаҥ түшкен. Аны айландыра јаткан тубалар деген аймак деп болор. Алар аа јылдыҥ сайын аш берип турадылар.

---

[42] Ойыма – сагыжыма

[43] Ошкоп – ошкош

[44] Азулактаҥ – ас-мастаҥ

Алардаң мен сурадым: «Слер бу тууга ненің учун аш берип туразыңар?» Алар айткандар: «Озо бистиң угубысты Моңулдың јуунаң алып калган, јаан кайракан ол туубыс. Эмди де бойының кузугыбыла, ар албагазыбыла[45] курсагыбысты азрап, улу бийдиң каланын берип туру. Мының учун бис эмди де аа аш берип турубыс». – «Ол Кара-Кайа деген туу черӱ баштаган туу болгондо, слердиң угугарды корып алып калган ба?» – «Јок, Моңулдың черӱ некеп келерде, бистиң улус аа чыгып аны такыганда, ол кижи өтпөс тӱн кара јыш болуп тура барган: Моңулдың черӱзи неме табалбай, јана бергендер».

Је эмди Кара Көпшӱниң бойын јоктойлы. Кара Көпшӱ деген суу кӱн тӱштӱк јанына тӱжӱп, Бий сууна кирген, аның бажы Кадын была Бийдиң ортозындагы туудың бажындагы көлдӧң тӱжӱп аккан. Ол көлдиң музы[46] јаскыда айландра кайылып келгенде, аның балыктары кечкиде тайгазына чыгып, ойноп турадылар. Айдарда айулар келип колбыла чыгара чачып алып, јип турадылар, дежет. Музы текши кайылып барганда, балыктар тереңине кирип барадылар, дежет. Маа мыны бир-эки кижи айтканын уктым.

Ол Кара Көпшӱниң бажындагы туулардың карлары јай ортозына јетире ончо эрибейтен туру. Јыжы анын – туудың кабортозын ала башталган Кара Көпшӱниң бойына тӱшкен өзөктӧрибиле бӱдӱптир. Ол јыш Ыныргының кирген уузына арай јетпей токтогон. Ол Кара Көпшӱ тӱшкен эки өзөгӧш бар, бирзиниң ады Јаан Көзөө, бирзиниң ады Кӱчӱ Көзөө; ол эки Көзөөниң бирзине тӱшкен Кулбуш деген өзөк бар, аның бажы Онгон деген бийик тайкадаң тӱшкен. Онгон деген туудың бойынаң аккан өзөктӧринде бӱткен агаштарының көп сабазы кузук агаш; Кара Көпшӱниң бойына тӱшкен өзөктӧрибиле бӱткен јыжының агаштары каборто ӱлеш кузуктың ок агаштары. Кузугы јакшы чыккан јылда талдама агажынаң бӱдӱн јарым путтаң тӱжет, ончодоң комойының беш кӱренке болзо болор, болбозо, ол до јок тӱжет.

Је эмди ол өзөктӧрдиң алдыларын[47] тӱктеп[48] айдайын. Оок алдыларының ончодоң көбӱзи көрӱк, аны эштре[49] тийиң, тийиң эштре

[45] Албагазыбыла – киштериле
[46] Музы – тожы
[47] Алдыларын – андарын
[48] Тӱктеп – тоолоп
[49] Эштре – ээчиде.

сарас, киш андый көп эмес. Улу алдылардың ончодоң көбүзи элик, анны эштре аң, аңды эштре айу, айуды эштре түлкү, түлкүни эштре койон; јеекен табылза да ас табылар, анаң башказы јок.

Суундагы балыгының көбүзи чараган, чараган эштре тулы, тулыны эштре јылмай, анны эштре бедер, бедерди эштре корты, пүдре ас; алардаң башказы јок.

Бис Ыныргыда үч конуп алала, атангап бойынча, Көпшүниң Бийге кирген белтирине једип кондыбыс. Эртенгизи күн Бийдиң суун кечип алала, Кебизен деген өзөгөштө јаткан јаңы крестүлердиң айлына јеттибис. Кебизен деген өзөгөш бийдиң оң јанындагы бийик туудаң түшкен. Ол туудаң түшкен суулардың бойында Тиргеш јоны јуртап јадылар.

Бис јаскыда кыра сүрүп турганда, келген бойыбыс, ол Кебизенге Илийа байрамга јетре аруу бедреп јаттыбыс. Аа јадып тапканыбыс тогус агаш аруу болды, ол тогус агаш аруудаң чыккан ройлоры он бир болды; ончозы ол јайда јирме болды.

Илийа байрамның кийнде бис сөзүрмебисти јазап алала, Кебизеннең јирме беристе өрө Алтын-Көлдиң төмөнги белтирине келип кызык балык аңдап јаттыбыс. Бир ай крелү аңдап алган балыгыбыс кырык пут болды. Андагы јаткан тиргеш кижилер күниң сайын түнде келип, шүүп турадылар. Алардың шүүндери он кулаштаң ажыра болбойдыр. Алар андый кыска шүүнле шүүгенде, бистиң өлү[50] кулаш шүүнибистең көп ал чыгат. Алар дезе шүүгенде, эки кижи шүүниң эки бажынаң буубыла бууп алала, буудың учын туйуктап алып, будына кийип аладылар. Аниип кийип алала, кемее туруп койып, узун тайакпыла тайанып, көлдиң куйынаң ичкери јүс кулаш крелү јерденг бери тартып келедилер. Шүүн чыгаратан јерине оттоң оттурып койодылар; шүүн чыгарган сайын ол оттың јанына отурып, тамкылажып аладылар.

Аниип балыктап јүргенде, алардың сарыннның бир сарын уктым:

Ак туманы јайылган
Алтын Көлдиң јаражын,
Албатызын азраган
Анын балыгы татуун

[50] Өлү – бежен

Туйук кара јыш бүткен
Тууларының јаражын,
Турган улузын азраган
Турлуу аңы семизин!

Азыгыбыс түгене бererде, мен үдегембиле эки атты ээртеп алып, Кебизендеги айылга келдибис. Анда эки коно јадып, азык эдип алдыбыс. Анаң үчинчи күнде чыгып, Өөннің[51] јаказында турган Тедужек деген кижиниң айлына јолой кирдибис. Анда бажы калтрак бир өбөгөн отурды. Мен ол өбөгөнди «Сен канча јаштузың?» деп сурадым. Өбөгөн айтты: «Мен тогузон јети јаштумин». – «Эм канча јыл јүрерзиң, өрөкөн?» – дедим. – «Э, балам, мен эмди канча јаан јүрерим, айса бүгүн өлбөзөм, таңда өлүп барарым. Сен мени көрбөй јазың ба, мен ороның көбөзинде отурып јадым, балам, конок сайын өлүм сакып отурым». – «Сен эмди өлүм сакып отурзың, өлгөн кийнде кайда јүрерзиң? Маа куучындап бер, өрөкөн?» – «Э, балам, мен кайдаң билейин? Бис дезе јалаңның аңы ошкош өскönибис. Карын, слер билгедий эдегер, кудайдың судурын көрүп, кудайбыла эрмектежип турган бойыгар».

«Слер кандый кудайга јаңдап јазыгар, анын ады кем? Маа айдып бер». – «Кан Алтай деп, кан Теңери деп, мал тайып, мүргүп турадыбыс. База ээс[52] тууларга, эне болуп азраган сууларга аш берип турадыбыс». – «Алардың ончозынаң јаан кудай?» – «Ончозынаң јаан парчанның[53] адазы Бай Үлген, аны эштре Эрлик». – «Андый болгондо, өлгөндө слердиң сүнезигер кажызына једетендер?» – «Ончозының адазы, ада өбөгөн Эрликке барарыбыс». – «Өскölöри куру јада калар ба?»

Өбөгөн күлүп ийеле, айтты: «Бу албаты ончозы ада Эрликтең тараган, аа барбай кайсын? Анаң ончо кижилер тараган, бис аның калдыктары, ол эмди кайда болзо, бис анда болорык». – «Эрлик кудай эмес! Үлген де кудай эмес! Ончо не көрүне, не көрүне эмести јайаган јаңыс кудай – Исус Кристос. Анаң өскölöри кудай эмес!

[51] Оён – Бий суунын јербойындагы ады
[52] Ээс – бийик
[53] Парчан – бастыра.

Слер тууга, сууга мүргүп јазыгар, алар дезе кудай эмес, чын кудайдың јайаган иштери».

Өбөгөн унчукпады. Мен база айттым: – «Кижее дезе бир кижи ичинде толтура јөжөлү тура эдип берзе, аны алган кижи тура была берүчиниң кажызына алкыш берер?» – «Ат тазын! Јөжөлү тура эдип берген кижиниң бойына алкыш бербей, тураа алкыш беретен пидир?.. Бис јаланда јада өскөн мал ошкош, нени билерик? Кудайдың судурын колына тудунып койып, кудайбыла эрмектежип отурган слер билеригер». – «Сен креске түшкүн – дедим. – Кудайдың балазындый болорзың, кудай саа јакшылык јарык берер». – «Мени крестеп алайын дезең, сен маа ненің учун креске түжетен учурын айдып бергин». Мен айдып бердим. Ол айтты: «Мен, айса, бүгүн түнде өлүп барарым, балам, мени абыс јокто, кем крестеер?» – «Јүрүш кижиденг мен абыска бичик ийейии». – «Айса, сен маа кудайдың темдеги эдип, бойынгның крезинди бер!»

Мен кудайга мүргү сөскө үреде-геле, бойымның крезимди мойнымнаң алып, мойнына салып бердим.

Аниип Үлүштей деген өбөгөнди креске түжерге белендеп салала, үдегембиле баа эдип алган азыгыбысты артынып алып, Алтын-Көлдөги одубыска једе келдибис. Анда, одуума келеле, балыктап јассам, төртинчи күнде мени адай Стапан Кебизеннең кижи ийип, кычыртып, айтты: «Бу сенің крестеерге белендеген өбөгөнди крестейин дезем, маа крес берген кижи бойы келбейчи, креске түшпейзим тирирде, мен саа анын учун кижи ийгеним». Мен баа өбөгөннөң сурадым: «Сен неерек бу абыстаң креске түшпей јазың?» Өбөгөн айтты: «Мен бу абысты мынаң озо көрбөгөм, мени куурмак абыс мекелеп крестеерге јаткан болор бо деп, түшпей јадым». Мен айттым: «Бу абыс бистиң Улалуда јаткан адай Стапан деген јаңы абыс». Айдарда баа өбөгөн айтты: «Је, айса, крестелер». Адай Стапан аның адын Петыр деп адай-геле, крестеп салды.

Бир күн түште одуумда отурып јассам, мениң одуума эки кижи келди. – «Эзен бе?» – дедилер. «Эзен» – дедим. – «Не табыш бар?» – дедилер. – «Табыш јок, слерде не угар табыш бар?» – «Јок, андый ла кижи угар солын- собыр табыш јок» – дедилер. Тамкы азып алып, маа каңза бердилер. Мен бирзиниң алып, бирзине бердим, анын алып, каңза берген кижее бердим. «Балык көп таап јазың ба» – де-

дилер. – «Таап ок јадыбыс» – дедим. Слер канаар барып јазыгар, карындаштар?» – «Боо јетре ле јўрдибис. Аштап јўрўбис, сукайры бар ба?» – «Бар. Акыр мен слерге балык быжыртып берейин, мака сукайры ток болбос».

Балык быжыртып койдым. Алар байагызынаң менибиле коолонып эрмектештилер. Мен база сурадым: «Мынаң ары канаар баразыгар?» – «Бис мынаң ары кемебиле Чолышманга барарык» – «Чолышманда не андый керегер бар, кузуктабай, меңдеп барып јатканыгар?» – «Арга јокто барып јадыбыс». – «Не андый аргазы јок болды?» – «Бу арткан кышта адам өлгөн – деп, бирзи айтты. – Бу нөкөримниң каты өлгөн. Аның учун бис Чолышманга барып јадыбыс. Анда дезе Нийас деген кам бар, аны алып келип, ўйў каразын сўрдрели деп барып јадыбыс». – «Ол ўй каразы деген не деп болотон?» – «Бистиң кижиниң јаңында кам кижиниң ўйўнең кижи өлзө, ол өлгөн кижиниң каразы, алдачызы ол ўйде јада-галар. Аны камбыла качыртып, ўйўн арулатпаза, ол кижее база јаман эдер». – «Бу Тиргештиң јонынаң кам чыкпады ба аны сыбырарга?» – «Бу аба јыштың ичинде ол төлөстөги Нийастый кўч кам јок»-дедилер...

Кеч кире берди, паа уулан уул мениң одуумда јада-галды, бирзи башка, айылга барып коноштом деп сала берди. Тўн кирип келерде, бис шўўйечи балыгыбысты шўўне бердик. Ол Јыбан деген уулан уул кожо јўрди.

Эртенгизи кўн паа Јыбан айтты: «Бир эки кўннің бажында бойымның кижилеримд боо алып келейин; сен аларга кудайдың сөзин куучындап березиң бе?» Мен айттым: « Неерек куучындап бербейтен? Акел!»

Дыбан паа Чолышмандагы камына барбай, айлына јана берди. Аныбыла кожо келген нөкөри Чолышмандагы камга сала берди. Паа јанып барган Јыбан ўч конып, төртинчи кўнде энезибиле, сыйнызын, бойының кўчў карындажын алганча келдилер.

Кеч кирди, конып алдылар. Эртенгизи кўн Јыбан айтты: «Бўўн Орожок јайзаңгның момочы[54] болуп јат, бис анын момочына барадык. Кором[55] мени кижилер креске тўжерге јат деп сокпозындар.

[54] Момочы – болужы

[55] Кором – коромјылу

Сен, Мыкайлы Пазылайбыч, мени барып көрүп отур». Аниип айдала, бойлоры сала бердилер.

Мен алардың аш кезип јаткан кыразына мылтыгымды јүктенип алып, сымдалаганча барзам, одус крелү кижилер арба кезип јадылар. Кажызы сериппиле, кажызы јулуп алып будыбыла тазылына базып койып, бычакла кезип јадылар. Мен айттым: «Слер ончогор сериппиле кеспей, неерек мыныйп муганып јазыгар?» «Бистиң кажыбыс энезинең туугала, колына серип тутпаган кижилер бар. Анын учун озо јаңбыла јулуп алып, бычакпыла кезип турубыс» – деп айттылар. «Сериппиле кезип үренбес пе?» – дедим. «Серипти боо кумандылар акелип сатпаган болзо, бу да сериптер јок болор эди; бис озогы јаңбыла үренип калган болуп, казакка[56] јүргенде, аны садып аларын эзебейдир».

Анаң мен ойто одуума јанып келдим. Күн туу бажына јабызап келерде, паа момоч эткен Орожок јайзаңнаң кемелү кижи маа келеле, айтты: «Сени јайзаң бойына кычырып јат, баралы!» Мен үдегембиле ол кычырып келген кижиниң кемезине отурып алып, јайзаңның айлына бардыбыс.

Келзебис, төртөн кирелү кижилер эзирик отурылар; орто тужына от оттурып койып, јаан казанга малдың сөөгин сындырбай, туйук быжырып койтырлар. Бистиң келгенибисти јайзаң көрөлө, бисти колыбыстаң јединип алып, бойының отурып јаткан ширдегине отурзып койды. Бир тажуур аракы алды, бисти сыйлады. Мен ичип отурдым, үдегем ичпеди. Паа быжырган эттерин казаннаң чыгарып алып, јидилер. Мен көрүп отурзам, бирези де колын јунбай, аш кескен балкашту колыбыла этти тудунып алып, јип отурдылар; эттиң майбыла колының кири агып клаатканда, табажын јалайла, сабарларын соруп ийедилер. Аракыны ичип турдылар. Түн койулган сайын табыштары аниип ок койула берди. Кажылары сарнажа берди, кажылары уружа берди, јармызы тышкары чыгып, јыланғаштанып салып, уружып турдылар. Кезиктериниң кеjегези үзүлди, кажылары турунбыла кагыштылар. Анип согужа-геле, ойында урушкан балдар ошкош, кожо отурып өчөжушпей аракызын иче бердилер. Аныйда отурганча, база табыш чыгарда, көрүп ийзем, паа Јыбанды сен кре-

[56] Казакка – мында: орустарга

ске түжерге јазың деп чуңдап[57] алып, согорго јадылар; ол чакта мен де бут бажына турдым.

Јыбан мени көрөлө, айтты: «Мен өрө кудай деп, төмөн улу бийим деп креске түжейин деп санап јадым, алар мени аның учун согорго јадылар. Кудайдың учун мени булардаң аргадап ал!» Мен айттым: «Слер аа тийбегер, слер аны согор болзогор, мен судка кат берерим» Јайзаң айтты: «Јакшыбыла айдыгар, аны сокпогор!» Айдарда алардың кажылары отурып койдылар, кажылары Јыбанды кучактап, окшонып турдылар. Аныйда отурганча, Јыбан чыгып сала берди. Мен сактап-сактап, аа келбес болордо, одума ойто јанып келзем, паа Јыбан менің одуумда отурды.

Бис одуга келген кийнде јарым саман[58] болбоды, бистиң кийнибисче сегис кижи келди. Ол чакта Јыбан ödүктерин чечип салып, јадып јаткан болгон. Сегис кижиниң бирзи Таныйла деген кижи болгон, ол Јыбанды айтты: «Сени јайзаң кычырып јат, ылтам ödүгиң кийип ал, баралы!» Јыбан айтты: «Мени јайзаң түнде нени этреттен, мен барбазым». Алар айттылар: «Сени јайзаң адаңгның ордына темичи эдерге кычыртып јат». Јыбан айтты: «Јайзаң мени темичи эдерге маа черү нерек ийген, слер мени креске түжет деп мекелеп алып, барып, јайзаңга јемеледерге јазыгар. Мен барбазым». Алар Јыбаннын ödүгин күчпиле будына кийдирдилер, Јыбан аны алып, таштап ийди. Паа Таныйла айтты: «Бис аны буубыла буулап алып, баралык».

Бис кайткай эмеш не деп көрүп јаттыбыс. Алар бир буу кайдаң да алып, Јыбанды бууладылар. Јыбан кыйгыра берди: «Кудайдың учун мени булардаң аргалап алыгар!» Мен күйүмди, нөкөрлөримди айттым: «Слер бу кижилерди камчыбыла сабыгар!» Күйүм Јакоп нөкөрлөриле јаткан јерииең тура јүгүрдилер, алар, үркүнчек мал ошкош, ойлой бердилер; кажызы кемее кирди, кажызы кырбыла ойлодылар. Алар јана бердилер, бис јадып уйуктай бердик.

Эртенгизи күн јайзаңнаң база кижилер келдилер, сегизи – эр кижилер, төртүзи – үй кижилер. Алар Јыбанга айттылар: «Сен, Јыбан, јонго керектү кижи болгыдый эдең, бис сени адаңгның ордына темичи тудалы тегеник, сен бистең ырай бердиң ошкош, эмди сен

[57] Чуңдап – курчап

[58] Саман – саат, час.

3 Заказ 2621

креске түшсең, бис саа төрөгөн болбос турук, сениң де буурың бистең башкаланар болбой кайсын». Јыбан айтты: «Мен слерден ырап, буурым башкаланарга, мен өлүп јадым ба? Мен креске де түшсем, слерди унудып, куш болуп учуп, аң болуп маңтай бererим бе? Маа незин ыйладыгар?» Кадыттардың кажызы ыйлап отурды, кажызы Јыбанды каргап отурды, кажылар айтты: «Сен, карындаш, неден ары мыныйп креске түжейин деп санандың? Саа ичерге аш јетпей јадыр ба? Саа кийерге кеп јетпей јадыр ба? Төрөгөндөриң сени өөркөтти бе? Неге мыныйп чугулданып, бисти таштап, креске түжерге јазың? Бойың јединбей јатканың бар болзо, јажырбай биске айдып бергин, бис сениң не јогына болыжа берели! Бу турган кижилер ончозы сениң төрөгөндөриң эмине, аларды көргөниңе де ачынбайзың ба? Э, карындаш, бу санаганды ташта!»

Јыбан айтты: «Мен бир ле өрө кудай деп, төмөн улу бийим деп санаганым, мени ойто бактырып болбозыгар, анын ордына айлыгарга јаныгар, маа килебегер!» Айдарда кадыттары эрлерибиле ончоло ыйлажып тура бердилер. Јыбанның энези, сыйнызы алардың ыйлашканып көрө лө, токтодыналбай ыйлажып ок алдылар. Јыбан маа айтты: «Је эмди сен абыска бичик ий, бисти келип крестезин!»

Мен экинчи күнде паа адай Стапанның берип барган крестерин ол төртүдиң мойындарына салып бердим. Аның кийнде эки-үч күн болды ба, болбоды ба, бистиң Улалудаң јети перисте төмөн Майма деген айылда јаткан Мирон деген кижи мениң одуума келерде, мен адай Стапанга кат чийип, аныбыла ийе бердим. Ол кат барган кийнде бир ай артык болуп адай Пазылайбыла адай Смаракты келип, аларды крестеди. Јыбанның адын Иоган деп адады, энезиниң адын Анна деп адады, сыйнының адын Өптөтйө деп адады, күчү карындажын Семен деп адады.

Аңдап алган балыгыбысты тустайгеле, анбар кезип, аа тажып салала, эки кап одус јүске табар алып, Алтын-Көлдиң бойыбыла эки кемелү үдегембиле нөкөрлөримди алганча Чолышмандагы төлөстөргө садулап бардым.

Бис бараrда Алтын-Көлдиң белтиринең ала оң јандагы јаказын јакалап барып, Камгы деген өзөктиң белтирине једип кондыбыс. Ол Камгының алты јанында јети перисте болор Алтын-Көлгө түшкен Јайлу Ажы деген айры бар; анын јеринің бүткен бүдүжи јабыс кы-

рланду јайтыш јер эмтир. Аа бүткен агажы чал кайынгбыла, карагай база тытпыла азулак аспак эмтир. «Поо нениң учун мындый койу чал бүткен?» – деп сураганымда, Арту Аштың кижилери айтты: «Озо тиргештиң јоны анда туруп өскөн. Аа тура, көп кижи үзү ууры-даң кырыларда, анаң качып, Алтын-Көлди төмөп келип Арту Ажы-даң ала Бийдиң бойына бүткен айрыларда јадыбыс. Ол оок агаштар бистиң кыралардың ордына өскөн».

Камгы Алтын-Көлгө күн чыгыжының суук талазынаң түшкен, анын сол јаны агашту, ташту бийик тайкалар эмтир; тайказының баштары ташту, агаш јок; кажы јери корумду эмтир. Карлары јай ор-тозына јетре түгезе эрибейтен эмтир; оң јаны база аламык јышту бийик туулар эмтир. Ол Камгы деген өзөктиң эки јанында көп малдың изиндий истер көрдүм. Кажы истерин таныдым, кажы-зын таныбадым. «Ол нениң андый көп истери?» – деп төлөстөрдөң сураганымда, алар айттылар: «Анда пулан, ак кийик, айулар көп – дедилер, – ол Камгының бүгүнде пулан, ак кийик киретен көлдөр бар, анын пуланын сактап адарга коркушту, айу дезе көлине кижи ошкош өңүп келет. Јаскыда Камгының эки јанында меестерди эрип, көк чыгып келгенде, айулары үүрлежип алып ол меестеринде оттоп јүрет – дедилер, – Алтын Көлдиң бойының меестеринде андый ок көп. Анын айуларын адайын дегенде кемелү көлдиң ичинде јүрүп көрүп салала, барып адып јадыбыс, – дедилер. – Камгының бой-ында камду, балык көп. Чыккан айрыларындагы јыжында чол ару көп» – дедилер.

Бис ол Камгының белтирине эки конуп алала, ары барып јас-сак, көлдиң куйузына јуук суудаң чыгып турган таш туруп јадыр. Бис анын ортозынаң кемелү ödүп бардык. Төлөстөр ол ташты Айры Таш деп айдадылар. «Озо ол Айры Таштың јанына Моңулдың бир черү кижилери салбыла Алтын Көлди төмөн барып јадып түжүп бар-ган» – дедилер. Бис анаң ödүп чыга-геле, јакалай эжип барып јадык. Бир јерде кайадаң көлгө суу түжүп туру, анын түжүп турган бийиги отус кулаш болор деп бододым. Бис анын јанынча эрттип браадып, бир кемеде отурып эрмектешкеникте, ол суудың табыжынаң ки-жининг үни угылбайт, анын јелбүү биске салкын ошкош, анаң эрт-кинче эптиге берди. Анаң ары барып јассак, күн чыгыш јанынаң түшкен эки јаны кайалу өзөк түжүптир. Ол өзөктиң суунын ичи

көрүне турган койу јаан таштар эмтир; ол таштарына јайу кижи базып кече бергидий, таштарының аразыдагы суунын түби кажы јери көрүнбейт. Мен төлөстөрдөң ол не деген суу деп сураганымда, алар айттылар: «Ол Көпшү деген суу, анын бажында сыгын, пулан, айу, ак кийик көп! Ол Көпшүнин баштарының туулары Алтын-Көлдин кажы ла тууларынаң бийик, ол туулардың дезе бажындагы карлары күске јетре ончозы эрибес». Мен бойымның көзимбиле көрдим, тууларының баштарында агаш јок аламык карлар көрүнип јадыр.

Бис ол Көпшүнүң узынаң ырак барбай конуп алала, эртенгизи күн Чөлүштеги јаткан төлөстөргө једип кондыбыс. Анын эртенгизи күн аларбыла саду эттибис, мен алардаң он эки пут кузук садып алдым, пуды он беш акча серебрөмнөң турды. Ол ортодо јаткан төлөстөр он эки крелү айыл бододым. Чаап турган кыралары койу төңөштиң аразында эмтир. Мен алардаң сурадым: «Слер ак јерге кырагарды салбай, мындый төңөштү јерге неерек салып јазыгар?»

Алар айттылар: Ак јерге кыра салалы дезек, јери кату, абылбыла чабарга күч, бис дезе кыра чабатан јерибисти үч јыл озо койу агашту јердиң агажын јыгындап саладыбыс. Ол јыгын үч јылга јетре јасса, анын бүрлериниң алдындагы өлөңининг тазылдары јыдып барар. Аа үзери чычкандар, момондор јуулыжып, аны каскандарында јымжак болот. Мынын учун бистиң кыраларыбыс төңөштү».

Мен база сурадым: «Бу јерге кар калын түжеди бе?» – «Бу јердиң тууларының кабортозынаң төмөни Алтын-Көлдиң бойына јетре кар түшпейтен. – дедилер, – Каа-јаа кар түшсе де, бир-эки күн јадала, јоголып барат. Анын учуч бис кой-эчки кыштадып азрап турубыс».

Бис анаң ары Алтын-Көлди јакалап барып јассабыс, Алтын Көлдиң өрөги бажына јуук, көлдиң бойынын јаказынаң ырак эмес он крелү таштар туры. Алардың ортолоры бойлорынаң ырак эмес турыжып јадылар. Мен аларга бакаттый-геле, өнөтийин аа токтоп көрдим. Бирзининг бажында агаштаң эткен крес туры; ол таштардың бүткен бүдүжи баштары ушту бийик өргөдий. Алардың өңүниң бир кады каразыман, бир кады аксыман сары, кажызы кызылзыман, је ол үч каттың бойында јик билдирбейдилер. Мен аны бойымның тенек санагамда бододым, озо јердиң үстине јайык чыкканда, суудың толкубыла јуулган кумак аныйда таш болуп кадып калган деп бодо-

дым. Аниип бис аны солынзынып көрө-геле, анаҥ ары барарыкта, Чолышманныҥ уузына јеткелекте, түн кире берди. Је бис Чолышманныҥ уузына түнибиле једип конолы деп меҥдеп барып јассабыс, Чолышманныҥ Алтын Көлгө кирген уузында орто түнде эки јерде от көрүнди. Бис аа једели деп түнибиле эжиидибис. Је ол көрүнип јаткан отко једели деп, чикезине баралбай, тайгызына тура бардик. Оттыҥ көрүнип јатканы бистеҥ јарым перисте болгодый. Аниип бис ол отко суудыҥ тайгызынаҥ баралбаганыкта, Алтын-Көлдиҥ ортозы јаар ойто эжинип келип, Чолышманныҥ кирип јаткаи уузын бедредик. Алтын-Көлдөҥ суу толкуланып турган болгон. Мениҥ үдегем ол толкулардаҥ коркып, кырга чыккынча ыйлаганча јүрди. Мен аргазын таппаганда тайгызын јакалап ээжип јүрүп, сууга агаш салып көрдим. Бир јерге салган агажым аккандый билдирерде, бис Чолышманныҥ кирип јаткан уузы бу болбой кайдат эмиш деп бодонып, эжип келзебис, Чолышманныҥ чадыныҥ бир уузы эмтир. Бис аныҥ бойынча эжинип, паа көрүнип јаткан отко келзебис, кижи јок эмтир. Бис ол оттыҥ јанына кемедеги немелерибисти тажынып алала, корыккан бойыбыс сүгүнип, ыйлаган бойыбыс күлүнип отурдыбыс. Ол түнде бис аа конуп јадып, Чолышманныҥ белтирине јартмалап, эки пел сайып алып, быжырып јидик.

Эртенгизи күн Чолышманды өрө кемелү тайанып барып јассабыс, кожогонныҥ ичинде эки кереге айыл туры. Бис ол айылга саду здерге аныҥ тужындагы сайга чыктыбыс, казан астык. Айдарда ол айылдаҥ биске эки кижи келди, бирзи өбөгөн кижи, бирзи эмеген кижи. Келди, отурды. «Не табыш бар?» – деди. Бис «Табыш јок, слерде не табыш бар?» – дедик. «Табыш јок.Не саду бар?» – дедилер. Бис айттык: «Табылар, пөстөр, тус јүри». Алар айттылар: «Садуунгды алганча мениҥ айлыма келигер, анда садыжарык!» Айдарда бис садубысты алганча келип, аныҥ айлына садыштыбыс. Ол эки тондык киис акелип, бистиҥ јаныбыска салып койоло, мениҥ табарымнаҥ эки кол пөс алып, унчукпай, бойыныҥ јанына салып койды. Айдарда мен алардыҥ јаҥын мынаҥ озо билбегенде сурадым: «Слер ол эки пөскө нени берип јазыгар?» Алар айттылар: «Сен бу јерге садулап јүрбеген кижи болорзыҥ ба? Бистиҥ кижиниҥ садуныҥ јаҥын билалбай турганыҥ. Ол сениҥ јанына салып койгон эки тондык кииске бодоп алып турган калыҥы бу эки кол пөс. Бистиҥ кижиниҥ

дезе саду баштаарда, анийда унчугышпай, баазын айдышпай, туйукка бодоп орноштрып алыжатан». Мен эки тондык киисти бодонып отурзам, онойдо сатсам, бир теңкиден эки теңки болгыдый; эки кол пӧс бойыма бир теңкее турган болгон. Аниип алыжа-геле, мен одума ойто келе, кемелерибиске кирип алып, Чолышманды өрӧ тайанып јүре бердик.

Чолышманның уузынаң ала јети перисте крелӱ јерге келдик, анда беш айыл туры. Бис ол айылдардың тужындагы сайга чыга-геле, ол айылдардагы кижилербиле паа пашкы садужыдың јаңыбыла ок садыштыбыс. Бир мунта[59] болор тусты бир койдың терезинең бердик. Бир кол пӧсти бир тондык киистең бердик. Аниип садулап јүреле, бир төлӧс кижиниң айлына кирип барзабыс, эки түңүр туры, эки кадыт, бир эр кижи отуры. Мен эзен-салам суражып эрмектеже отурганча, сурадым: «Айлыгардың ичинде эки кадыт эмине, балдар неерек јок болгондор? Эр кижи де јаңыс эмине, түңүр неерек экӱ болгондор?»

Айдарда ол эр кижи айтты: «Эки кижи алдым, бала јок болды, та кудайдың бербези болотон пидир, та бойымның ӱреним јок болотон пидир. Улу катымбыла бойым кам болуп, эки түңүр јагынган эдек, алмабыла камдазак биске тузазы јок болот».

Мен сурадым: «Слер камдаганда не кудайды кычырып јазыгар?» Алар айттылар: «Бис камдаганда јеттен туубыс деп, јери-суубыс деп, парчаның адазы Пай Ӱлген деп, база Эрликти кычырадык». Айдарда мен аларга јер бӱдерден бери калганчы чакка јетре эрмектеп бердим. Бис ол чыккан јерибиске алты коно јадып, кеме јазаарыкта, ол кам кадыт кӱниң сайын бистиң одубыска келип јӱрди.

Бис аа алты коно јадып, кемебисти бӱдӱрип алала, Чолышманның бойын кемелӱ кууп, Баш Көбӱске арай јетпей, кырга чыга-геле, андагы айылдардагы төлӧстӧрбиле садулаштык. Анда бир конып ала-геле, эртенгизи кӱн Пырың деген төлӧс кижиден эки ат сурап алып, ӱдегембиле экӱ Баш Көбӱстиң Чолышманга кирип јаткан узындагы айылдарга бардык. Аа келзебис, отус крелӱ кереге айылдар туры. Аларга кирип, калганчы табарысты садын ийдибис.

Мен Пырың деген төлӧс кижиден сурадым: «*Ол* Кемчик деген јердеги сойоң кижилерге барып саду эдерге јакшы ба?» Ол айтты:

[59] Мунта – фунт

«Сойоҥ јерине барып, орус кааннын табарын сатса, аларга кыймат-ка барар. Алардыҥ табарын орножып алганда, сүрекей оҥой келет. Орус кааннын табарынын јүс акча тургадыйын орношсо, алардыҥ беш јүске тургадыйын алар. Бир күреҥке тамкы берген кижи, бир тондык киис алар. Бир тондык киис јыш кижилерине барганда, беш јүске једет. Бир күреҥке крелү темир Кемчикте эки койдыҥ терези-не једер. Орус кааннын табарынын кандыйын да алардыйына толы-заҥ, јүс акчаныйна алардыҥ беш јүстий келер. Је андый саду јакшы да болзо, аларга барып садыжарга коркушту. Бис барганыкта јир-ме-отус кижиден јуулыжып алып барып јадыбыс, ас ла дегенде он, он беш кижи барадык. Анда да каруулдап болбой, урладып ийип ка-ладык. Көп кижи барганыкта, табарды бир јерге чокчолой сала-геле, үстине киистеҥ јаап койоло, киистиҥ куйузын јармыбыс айландыра отурзып койот. Бирүбис анаҥ удур алып садып турат. Кажы бирде урлайым дегенде, колындагы тудуп турганынды сура тартып алып, јүгүре берет, сен аны једижип тудайын дезеҥ, ол чакта кийнинде калган табарынды сура тарткылажып алып сала берерлер. Аныҥ ор-дына ордыҥнаҥ кыймыктаба! Јайзаҥдарына неме сыйлап берзеҥ, айдарда јайзаҥ саа каруун јандра сыйлап береле, садуун түгенгин-че шаҥдаа чыгарып берер. Ол шаҥдаа кылыш эзеби тайак тудынып алып, сениҥ јанында карулдап туруп јадар. Аа эмеш сый берзеҥ, ол јакшы карулдап турар, аа сый бербезеҥ ол урлап јаткан кижини көрзө дө, айтпас. Анаҥ садулап јангынча, аттарынды бир-эки кижи түште темир тужакпыла тужай-геле, карулдап јүрер, түн киргенде, акелип, одудыҥ јанына буулап койып, уйуктабай карулдап отурар. Урлайын дегенде кижилер јылаҥаштанып алала, јербиле өјөктөп ке-лип тымыксын чечип алып, кенетийин секрип минип алала, чаба бе-рер. Сен адымды алып паады деп кийнинче качырыжа барзаҥ, анда јылаҥаштанып салып, сактап јаткан кижилер база бар. Алар сениҥ барганынды көрөлө, арткан аттарынды алып сала берер. Одудагы кижи, нөкөрим кижи сыбырышты тийле, немелерин таштап ийип, аттар јаар јүгүрзе, ол чакта немелерин урлап бараралар. Мыныҥ учун Кемчикке садулап бараргa көп кижилер керек.

Урлада-геле јайзаҥнаҥ јаргы суразаҥ, јайзаҥ айдар: «Урлаган кижини колынбыла тудуп акелип бер! Јаргызын эдип берейин! Ко-

лынбыла јүзүн кижизин тутпаганыңда, кажы кижиниң урлаганын билип, јаргын эдип берейин?»

Бир кижи сойоңдорго эки атту садулап барган. Бара-геле, эки адын темир тужакпыла тужап койгон; тужактың бир учыбыла бир адының будынаң тужаган, бир учыбыла экинчи адының будынаң тужаган. Аниип тужап салала, бойы одуда казан азып отурат. Паа колбоштра тужаган аттары кобы төмөн түжире базып, көрүнбей калат. Паа садучы казанын кайнадып отурганча, јүзи көөлү, ыштанының сырканчагын түрип салган кижи келет. Аа отурат, «Не саду бар?» – деп айдат. Паа садучы кабын кодорып јаткан манда, паа кижи кылылу казанын энтере тееп ийеле, кылызынаң тудынып алып, јүре берет. Айдарда паа кижи кабын таштап ийеле, ол кижиниң кийнинче сыбырышкан, је кабалтында једишсе де јылаңаш кижини тударга јери јок. Сыбырышкан кижи калың кийимдү болгон болуп үзүге көжип, једелбей јада калган. Анаң ойто одуна келзе, капту табарын өскөлөри келип алып барыптыр. Паа садучы ачулана-геле, јайзаңынаң барып кижилер алып бедрерге, аттарына барза, бир адын өлтрүп, будын үзе кезе-геле, бирзин алып бартыр. Айдарда паа кижи ыйлаганча темичизине барып угускан. Темичизи айткан: «Бажы түктү ийт, бу јерге неерек садулап келдиң? Сениң табарыңды, адыңды мындагы кижилер алып салган, кем некеер? Аның ордына јолың кууп јан!» Ол кижи ыйлаганча јайу јана берген.

Сойоң кижи эки башка аймак деп болор. Бирзи кара сойоң деп болор, бирзи сары сойоң деп болор. Кара сойоң бери јуук јадып јадылар, сары сойоңдор ичкери јадып јадылар. Кара сойоңдордың сарызы ас, каразы көп болор. Бийигибиле алтай кижилериниң бийигинең бийик болор, јаактары алардың узун болор.

Сары сойоңдордың сарызы каборто үлештеп болор; бүткен бүдүштери андый ок кара сойоңдордый бийик болор. Алардың јармызы орус укту тежедир. Озо качан да бир чакта көп орустар качып кирген тежедир; алар сойоңноң кижи алыжып арлажа-геле, аларга сабылып барган тежедир.

Кезиктери куучындайт: кара сойоңның јармызы кыргыс укту болгон, озо сойоңдорбыла айылдаш јаткан болуп, аныйда арлажып сойоңдорго сабылып барган дежет.

Је эмди төлөс кижилерди куучындажып көрөли!

Төлөс кижилердиң кандый да байының јөөжөзин үйүнде көрбөзиң. Алардың јөжөзи дезе ончо кедери, кижи јүрбес кайалу туудың куйунда болор. Алар дезе сенибиле саду эткенде, айдадылар: «Айлымда саду јок, бир-эки күннің бажында саду болор». Айдарда «Саду кайдаң келер?» –деп сураганда, алар айдат: «Бистиң кижи јакшы јөөжөзин үйде салбайтан, кедери, кижи јүрбес кайадагы куйга суга-геле, корумдап салатан». – Кедери куйга неерек сугазыгар?» – дегенде, алар айдат: «Озо өбөгөбистиң јаңы андый болгон, озогыда дезе јуу кирип турганда, ончо кижилер јөөжөзин куйга суга-геле, корумдап салатан болгондор. Эмди бис аныйп ок јуудаң коркып, јөөжөбисти үйге салбай јадыбыс» – деп айттылар.

Алардың үч үлештиң бир үлежи јокту, эки үлежи бай болор. Аларда төрт јүзүн мал бар: јылкы, уй, кой, эчки.

Төлөстөр кара чаштулар, сарымзак чаштуларын ас көрдим. Алардың кылыктары јардак, улу күндүлер, аш-туска сыйчылар, кижи көрзө, элекчилдер. Аракы ичкенде, мактанчык, урушчаңдар.

Бай кижилер эки кадыттулар. Улу каты үй ичин башкарар, күчү каты мал башкарып, одун алар. Алардың јаңдаган јаңы; тууларга, сууларга, Улгенге, Эрликке, озогы өбөкөлөрине мүргүүр.

Чолышман деген өзөктиң бажы Јылдыс-Көлдөң түшкен. Аның эки јанынаң түшкен суулары бийик тайкалардаң түшкен, өзөктөриниң эки јаны капчал кайалу болор. Чолышманның бойының белтрине јетре эки јаны бийик кайалу капчал туулу болор. Озөгиндеги айылдың ичинең отурып, түүнүктең өткүре көргөндө, туунын баштары көрүнип турар. Тууларының көп сабазы таштуу, кайалуу болор; кажы тууларының бажындагы карлары јай ортозына јетре эрибей туры. Кышкыда Чолышманың бүгүне кар калың түшпес, аның учун јылкы, кой, эчки, уй јаланда кыштап чыга бередилер.

Эмди мен ол јердиң јүзүн-јүрлү тындуларын, анда бүткен агаштарын саа айдайын:

1) Суунын балыктары: чараган, пел, корты, туулы, пүдүре, сары балык, кызык. Алтын-Көлгө кирген узында: чаба, чортон, алабуга. Алардаң башка балык пилбедим.

2) Јеринің алдылары: айу, чөө, бөрү, јекен, шүлүзин, кой шүлүзин, түлкү, тооргы, јумга, кочкор, ак кийик, суун, пулан, элик, киш,

тийиҥ, сарас, агас, күзен, киштиҥ сузары, јыдуу ас, көрүк, терсек, номон, эрлен, камду, койон, порсук, чычкан.

3) Јериниҥ агаштары: јүрүк, карагай, кайыҥ, апсак, чиби, тиген, терек, јүдерек, ала каак, сары тал, куба тал, эчки тал, кара тал, ак тал, караган, парал, табылгы, соскон, кара кат, казыр кат, кызыл кат, јыра, туу артыжы, таш арчыны, јымырыт, палан, ээне, үзүт агаш, тегенек, саргат, пеле, эмеген сөөгү. Алардаҥ башка агаш көрбөдим.

Бис садып алган киистерибисти, койдыҥ терелерин, курускаларыбысты ончо не ле тапканыбысты үч кемее салып алала, Чолышманды төмөн агып ийдибис. Ол аккан күнде Алтын-Көлдиҥ бойына једип кондыбыс. Эртенгизи күн Алтын Көлдиҥ сол јанын јакалап келин јассак, күн отургуш јанынаҥ түшкен Чарыш деген өзөктиҥ белтри орто көлдө јаан пелдер ойноп јадылар. Бис аа јууктай эжинип келеле, турзабыс, отус крелү бар ошкош суудыҥ үстине чыга-геле, өлүп брааткан ошкоп, туйлап турадылар. Кажызы узун кижи крелү бар ошкош. Бис оны көрүп турганча, көлдиҥ куйундагы ташка бир камду чыгып отурганын көрүп, адайын тегеним, нөкөрим камду деп кыйгыра берерде, сууга кире берди. Ол тушка түшкен Чарыш деген өзөктиҥ эки јанына бүткени кузук агаш. Је аныҥ кузугын кижи албай, тегин јерге түжүп јадагалат. Аныҥ алтыгы јанында база өзөк бар, аныҥ кузугы аниип ок кижи албай јадагалат. Анаҥ төмөн Колдор деген өзөктиҥ уузына јеттибис, ол Колдор деген өзөктиҥ эки јаны койу кузук агашту, тигилме туулу капчал јер эмтир. Суунын јаказындагы кумакта камдудыҥ јолдоры көп јадыр, аны көрдибис. Ол Колдордыҥ бажындагы тууда көл бар деп уктым, аа пулан, айу, суун көп кирет тежет. Бис ол Колдордыҥ белтрине отурып курсактанып алала, Самыш деген өзөктиҥ үстиги јанына конуп алып, эртенгизи күн паа Алтын-Көлдиҥ белтриндеги балыктаган јерибиске јеттибис. Ол одубыска конуп алала, Өөниҥ бойына кирип алып, кемелү Кебизендеги айылга јеттибис.

Эмди Јыштагы јаткан кижилердиҥ кылык – јаҥын саа айдайын.

Андагы јаткан кижилер тиргеш јон деп болор. Алар Толой, Пилечек, Кебизен, Өртөк, Арту Ажы, Пиже деген өзөктөрдиҥ бойында јуртап јадылар.

Алардың ичип јаткан ажы арба, пудай, јерисе. Пудайбыла јерисени көп салбайдылар, көбүзин арба саладылар. Арбадаң талкан эдип јийдилер, пудайбыла јериседең теертмек эдип јадылар. Арбаны кургушка куруп алала, соккоо салып, согуп, ийеле, пасмакка базып алып, сууга, ол эмезе сүтке чейип јийдилер. Пудайды, јерисени курудып алала, пасмакка базып алып, суубыла јурап, теертмек эдип, оттың күлине көмүп быжырып јийдилер. Јай күнде уйларын саай-геле, сүт казанга кайнадып алып, уйдың терезинең эткен аркытка урып койодылар. Ол аа турып ачып барза, аны бажына тос кадаган сапту бышкыбыла бышканда, үстине сары май келер. Ол сары майын алып ийеле, аркытта чеген калар. Чегенин аракы азып ичерлер. Аракыдаң арткан казандагы иригенин алып, теертмектеп алала, учукка тизип курудып алар, анызы курут деп болор. Кажызын терее јайып курудып алар, анызын ааручы деп айдар. Ол ааручын уйдың куугына ура-геле, аа сарју кожо уруп тоңурып алып, аңдап јүргенде, азык эдедилер.

Бүдүштери алардың ончо кара чаштулар, сары кижи јүс кижиденң бир-эки кижи болор бо, јок по. Кылыгы алардың јобош, коркунчак, аракы ичкенде, урушчаң, уружып алзалар, некешпес; урчы кижилери ас. Курсак быжырганда, курсак јиирде, колдорын јунбас. Көчөзин јаан казанга кайнада- геле, чыгарып алып, үстин јаппай тургызып койор, анызы сууп барганда, ийттери анаң иче берет, бойлоры, ийттерин качырып ийеле, анаң ок иче бередилер.

Аракы ичерде сабарының учыбыла төр јаар, эжик јаар чачып алала, «Кайракан» тийле, ичедилер. «Аны неерек чачып ичезиңдер?» – дегенде, алар айдадылар: «Бойыбыстың јаңыбыспыла эжик сакчаа, јер-суудың эзине, Үлгенге чачпагынча ичпейтеник».

Кийген тондоры көп сабазы киис тон; кийген өдүктери көп сабазы кеден конышту, ичине ороп кийгени ойоңот теген өлөң. Јоктуларының кышкыда јамынарга тон једишпегенде, алдына көп ойоңоттоң төжөй-геле, анын үстине чого јадып койоло, самтар-сумтар тоннон јамынып койып уйуктай бередилер. Кажылары оттың јанына јадып койып, от јаргы јанын јамынбай уйуктап јададыр; үйинде отурганда, курын чечинип салып, төжин отко изидип отурадылар. Иш иштеерге јалкулар. Мен алардың эр кижилери иш иштегенин ас көрдим; одынды, пиченди кадыттары алат. Јаскыда абылбыла кыра

чапганда, көп сабазын кадыттары, балдары чабадылар. Кажы бай кижилери иш иштедерге болуп, эки кадыттаҥ аладылар.

Алардыҥ мылтыктулары күскүде тийиҥдеп јүредилер. Көп тийиҥдү јылда бир кижи күнине отус, кырык тийиҥнеҥ адып јадыр, тийиҥ јок јылдарда экиденҥ, үчтеҥ адып јадыр. Мылтыгы јок кижилер чергибиле аҥдап јадыр; јүс крелү черги тургусканда тийиҥдү јылда бежон, алтон тийиҥнаҥ бир күнде аладылар. Сарасты, кишти ийтпиле аҥдап јадылар. Айуды, пуланды, кочкорды, јумганы, эликти мылтыкпыла адып јадылар. Кышкыда пуланды, сыгынды, эликти чаналу качырып өлтүрүп јадылар. Јайгыда көлгө сактал адып јадылар. Камдуды аҥдаганда, кажы сууда камду јүрзе, аа кабу сугуп аҥдап јадылар. Кишти аҥдаганда,ийтпиле истеп келеле, кирген јерин отус, кырык кулаш уубыла айландра тартып койоло, кирген јерин ыштаганда, киш чыга јүгүрген бойынча, ууга капканда, каруулдап турган кижи тайакпыла кагып өлтүрүп јадыр.

Кузуктыҥ көп чыгатан јери: Сары Көпшү, Кара Көпшү, Үймен, Пыже, база Алтын-Көлдиҥ бойына түшкен сууларыныҥ бойында. Паа суулары–ончо Бийге келип кирген суулар. Ол суулардыҥ бойында төрт јайзаҥныҥ улузы јадыр; тиргеш, јүс, комдош, күзен. Бу төрт јайзаҥныҥ улузы јаҥдаган јаҥы, кылынган кылыктары, кийген кийимдери, кирген үйилери – ончо јаҥызлык.

Бийдиҥ оҥ јанынаҥ түшкен Ку деген өзөктиҥ бойында чалканду кижилери јуртап туры. Алар јобош кылыкту, коркунчак аймак; алардыҥ јаҥдаган јаҥы, ичкен ажы, кирген үйлери тиргештердий ок.

Куманды теген аймак эки јайзаҥныҥ јоны туры; алар ол Ку теген өзөктиҥ белтиринеҥ ала, Бийди төмөн Чепчее јетре јадылар. Јармызы Кадынга түшкен Ыжы теген суудыҥ бойыбыла, аа түшкен айрыларында јуртап јадылар. Алар казак ошкоп салдабыла кыра сүрүп турылар, кирген үйлери пастап кескен күчү үчектер, кажыларыныҥ үйлери өрмөлөп эткен јер үйлер. Кеденди бойлоры согуп јадылар; эр кижилериниҥ кийимдери орустыҥ ок кийиминдий. Кадыттарыныҥ кийимдери көкси пүрмелү, јаказы саймалу полот, тулуҥдары төзинеҥ ала учына јетире таралгалу болот. Јаҥдаган јаҥдары өрө чийилген аймактардыҥ ок јаҥындый. Бүткен бүдүштери кара чаштулар, сары чаштулары ас, бийик кижилери ас, јабыстары көп, чичке сын-

дулары ас, туралгыштары көп. Иш иштеерге, аң аңдаарга кичемелдүлер. Кылыгы алардың кыракай, андый да болзо коркынчактар.

Је эмди мен Кебизеннең Улалуга јанайын. Мен Алтын Көлдиң белтиринде сал јазап алып, шүүп алган балыктарымды, садып алган кузуктарымды салга салып алып, кижи јалдап Кебизенге агыстрып келдим. Анда анбарга тажып салала, бойыбыс јанып ийдибис.

Анаң јанып клаадып, Үйечекпиле Ыж деген эки өзөктиң ортодо бийик богочыбыла аштыбыс. Ол богочының ажуда јыш аймактың салган обоозын көрдүбис. Аның јааны јаан буул крелү болор деп көрдим. Мен аны јыш кижилеринең сурадым: «Ол богочының ажуда обооны не учурлу салган?» Алар айттылар: «Бистиң улустың јаңы андый. Бийик богочы ашканда, ады, бойыбыс эзен чыктыбыс деп, эм анаң ары түжеринде чеберлезин деп, аа аттың кылынаң, агаштың бүрүнең эбеш сала-геле, ол богочының эзине бажырып барадык. Бис улу суу кечерде мүргүйдибис, кечкен кийнде база мүргүйдибис».

Бис ол богочодоң бери Улалудагы үйибиске бир конуп једе-гелдик. Аниип Алтын-Көлгө јүрүп келгенинең бери пыйлга төртүнчи јылы болды. Кудайга баш, эмди амыр энчү, үйлү, ашту, үч кысту Улалу теген айылда јуртап јадым. Үч кысты азрап алып, үчүбиле катка үретрип, улуун кижее бердим. Эмди кудай колында курсагыбыс азранып јадыбыс, эм алдындагы конокты кудай бойы билер.

Пыйлгы јылда мен Седечөп деп бийбиле Алтайга барып тилмеш болуп, үч недели јүрүп, үйүме келеле, мен бир недели болдым-болбодым, слер бистиң айылга келеле, мени түшкен үйүне кычыртып, маа кижи идигер. Слер мени бистиң тилбиле айттыгар: «Мен сени тилмештеерге үренген деп кижилердең уга-геле, өнөтийин кычыргам. Мен дезе Алтайбыла Кыдайдың обоо јетре јүрүп, ончо бу аймактың тилин, кылыгын, јаңын чийип алдым. Эмди мен јакшылыкка алардың тилине келиштире үзүк бүдрерге санан јадым. Анын учун сен менибиле Парнаулга кел» тедигер.

Айдарда мен де бистиң кайыш курлу, кара алманду аймакка тузалуды бүдрерге эки баламды, алган кижимди ыйладып, слербиле кожо Парнаулга келип, үч айдың туркунына јадып, теленгеттиң сөстөрин јууп, үзүк бүдүрдибис. Је эмди бу бүдүрген иштерибис өрө каан кудайга, төмөн улу бий пачаа јарамыкту болгодый болзо, слер,

Пазылай Пазылайбыч, ада балазын эзегендий мени эзен алыгар! «Сулу кижи-сууна, јерлӱ кижи-јерине!» – деген. Мен эмди јанайын.

Слер мени не укканымды, нени көргөнимди, бойыҥныҥ јажыҥа не болгоныҥ маа чийип бер деп сурайрыгарда, мен чийбейин тегеним.

Је слер маа чийип бер деп кӱниҥ сайын эреп айдыгарда, мен бу бойымныҥ јӱрӱмимди слерге чийип бердим. Је бу чийген киниге кайыш курлу, кара алманду, кара эттӱ аймактардыҥ бирзи ак Теленгет теген аймактаҥ мен баштап чийдим. Бу мениҥ чийгеним јарамыкту эмес, јаҥылчы бар болзо, слер мени ол буруумды таштагар, јакшылык укту Пазылай Пазылайбыч! Маа тезе бу кинигеде чийген аймактардыҥ, јердиҥ учурын теленгеттиҥ тилине мадактап чийерге кӱч болды. Је кӱч те болзо, слердиҥ кичегенигердиҥ бойынча мен не-немениҥ учурын чийерге баштадым.

Мыкайлы Чӧбӧлкӧп

TSCHIWALKOW'S LEBEN

TSCHIWALKOW'S LEBEN

Wohlgeborner Wassili Wassiljewitsch!

Sie fragten mich, wo das Land, in welchem ich geboren und aufgewachsen, wie ich vom Kindes[alter] zum Manne gereift, was ich während meiner ganzen Lebenzeit gehört und gesehen, nach welchen [Ereignissen] ich zum Christenthum übergegangen, was ich auf meinen Reisen zu andern Völkerstämmen gesehen und kennen gelernt. [Alles dies] fragten Sie mich.

Nun gut, jetzt will ich, was ich gesehen habe, Dir mittheilen.Des Himmels Höne habe ich nicht erfahren, der Erde Weite habe ich nicht ausgemessen; seitdem ich von der Mutter geboren, sind 40 Jahre verflossen, und sind diese Jahre wie ein Tag [an mir] vorübergegangen. Was ich Bitteres während dieser Jahre geduldet, was ich Süsses genossen, was ich mit Weinen, was ich mit Freude zugebracht, Alles dies ist gleichsam mit dem Wasser [auf einem Flosse] von mir weggetrieben und meinem Auge entschwunden, allein die Spur davon ist meinem Herzen, wie ein Wachsabdruck, zurückgeblieben.

Nun will ich Dir erzählen, was ich von den Alten über meine Abstammung gehört habe. Als früher die 60,000 Teleuten, die goldene Horde, in Ruhe und Frieden ihre Jurten bewohnten, war der Herrscher der vier Stämme der Törböt Oirod Kan. Als die Auflösung unter den vier Stämmen ausbrach, flüchtete der Kan und begab sich zur Jurte des Künkär Kan; die zurückgebliebenen Söhne des Kans, die Soltonen, und die Söhne des Grossen, die Mursa's führten unter einander Krieg und zerstreuten sich in alle Länder, einige nach Nordosten, andere nach West, noch andere nach Süden. Die übriggebliebenen Teleuten schlugen ihre Jurten am Ak Umar und in den Ebenen des Stromgebiets des Irtisch auf. Als sie aber auch dort sich nicht friedlich hielten, und unter einander sich bekriegten, überzogen sie, als das Volk sich verminderte, von der einen Seite die Mongolen, von der andern Seite die Kirgisen, mit Krieg. Darauf begaben sich Mamyt und Palyk (Fisch), zwei Teleutische Unterfürsten, an der Spitze ihrer eigenen Völker nach Kusnetsk aus eigenem Antriebe und versprachen dem weissen Zaren Tribut zu zahlen. Derjenige meiner Vorfahren, welcher zu dieser Zeit mit einwanderte, hiess Tschöbölök. Darauf gingen diese (Teleuten) zum Batschat und schlugen dort ihre Wohnsitze auf. Das Geburtsland meines Vaters ist (auch) der Batschat.

Von dort siedelte mein Vater in seinem elften Jahre zu einer Kara Su genannten Gegend über, die etwa dreissig Werst von Biisk seitwärts liegt; dort ist das Land, wo ich geboren. (Aber schon) in meinem siebenten Jahre verlegten wir mit Vater und Mutter unsern Wohnsitz zum Ulalu genannten Flusse (Lande). Mit uns standen damals am Ulalu nur vier Gehöfte. Im zweiten Jahre nach unserer Ankunft zum Ulalu siedelte eine Bürgersfrau aus Biisk mit ihren Kindern zum Ulalu über. Diese Bürgersfrau hatte drei Söhne, von denen der jüngste Jakob hiess. Indem ich nun mit diesem Jakob oft zusammen spielte, erlernte ich die russische Sprache. Wenn dieser in seinem Hause etwas essen wollte, so verneigte er sich, und wenn er nach dem Essen aufstand, so verneigte er sich ebenfalls. Da mir dies auffiel, so fragte ich den Jakob selbst: "Weshalb verneigst du dich vor und nach dem Essen? " Er sagte: "Vor dem Essen verneigen wir uns, indem wir den Segen Gottes erbitten, nach dem Essen verneigen wir uns, indem wir Gott unsern Dank darbringen." Als ich diese Gott wohlgefällige Handlung gesehen und gehört, sagte ich zu mir in meinem Herzen, indem mir mein eigener Glaube verächtlich vorkam: "Vor dem Essen bittest du nicht um den Segen Gottes, nach dem Essen sagst du Gott nicht Dank, sondern nach dem Essen machst du es wie der Hund, stehst auf und läufst davon und ehrst nicht den Gott, der dies Essen gegeben."

Zu dieser Zeit war ich neun Jahr alt.

Als ich wiederum eines Tages mit Jakob spielte, lagen wir auf dem Rücken und betrachteten das Himmelsgewölbe (den Busen des Himmels). Da fragte ich den Jakob: "Was ist denn da im Himmel?" Jakob sagte: "Da ist Gott." Ich sagte: "Wie heisst dieser Gott?" Jakob sagte: "Jesus Christus. Er hat alles, was auf dieser Erde sich befindet, erschaffen, alle Menschen, allerlei Vieh, allerlei Wild und Vögel hat er in sechs Tagen geschaffen; jetzt befindet er sich im Himmel." Ich sagte: "Sieht uns dieser Gott von dort?" Jakob sagte: "Dieser Gott sieht uns vom Himmel Tag und Nacht, und Alles, was wir thuen; die Menschen, welche ihn anbeten, liebt er, diejenigen aber, welche ihn nicht anbeten, liebt er nicht."

Wiederum fragte ich: "Was macht er mit den Menschen, welche er nicht liebt?" Er sagte: "Wie ich von meiner Mutter gehört, wird er die Menschen, welhe er nicht liebt, zur Hölle hinabstossen!"

Da fing ich an von mir selbst schlecht zu denken, und wenn mein Vater und meine Mutter den Schaman schamanisiren liessen und zufällig ein Russe hinzukam, so schämte ich mich vor ihm, indem ich meinen eigenen Glauben verachtete.

Jedesmal, wenn mich mein Vater ausschickte, die Kühe auf die Weide zu treiben, stieg ich auf den mit Niesswurz bewachsenen Felsen des Üttü-Kaja genannten Berges und verneigte mich vor Gott nach Sonnen-Aufgang. Da ich aber beim Verneigen Gott kein Gebet zu sagen wuste, so sagte ich das Eine: "O Gott Jesus Christus, stoss mich nicht von dir, nimm mich bei dir auf!" so stand ich wiederholt betend.

Als ich wiederum einmal zu meinem Freunde Jakob gegangen war und in seinem Hause sass, trat ein Mann in schwarzer Kleidung zu ihnen ein. Als ich ihn sah, fürchtete ich mich, und suchte zu entwischen. Er hielt mich auf, setzte mich neben sich auf einen Stuhl und gab mir ein Stück Johannisbeerkuchen. Ich sass da und wusste nicht, ob ich den Kuchen essen sollte oder nicht. Da streichelte er mir den Kopf und sagte: "Wie heist du?" Ich erwiederte: "Mein Name ist Cyprian". Er sagte: "Nun gut, so will ich dir eine Geschichte erzählen".

Eintsmals war ein grosser Schaman, Namens Cyprian, der hatte auf den Bergen die Sprache der Teufel und ihre schwarze Schrift gelernt; als er diese gelernt hatte, geschah Alles, was er wollte, dass geschehen sollte. Da er einst eine Christin, Namens Usminia, durch seine Zauberkünste nicht bezwingen konnte, wunderte er sich, und fragte die Abgesandten seines Teufels. Da sagten ihm die Abgesandten desselben: "Wir fürchten uns vor dem Gotte derselben (des Mädchens), wir nähern uns nicht nur nicht ihr selbst, sondern bleiben sogar fern von ihrem Hause". Der Schaman fragte jetzt das Mädchen selbst: "An was für einen Gott glaubst du?" Usminia unterrichtete darauf den Cyprian in der Lehre Jesu Christi. Der Schaman ging fort und liess sich taufen. Nach der Taufe wurde er ein grosser Priester, und that durch die Macht Gottes viele Wunder; nach seinem Tode aber lebte er in Ewigkeit in dem lichten Reiche Gottes fort."

Als ich das vernommen, fragte ich ihn: "Was bist du für ein Mensch und wie heisst du?" Er erwiederte mir lächelnd: "Ich bin ein Priester, und mein Name ist Makarii. Du, lass dich taufen, dann wirst du wie ein Kind Gottes sein. Die nicht getauften Menschen kommen nicht in das Reich Gottes, sondern werden ewig mit Teufel zusammen in der Hölle im Feuer sich befinden. In dieser Weise erzählte und lehrte er mir noch Vieles, was mit den in Gott Gläubigen, und mit den Ungläubigen geschehen werde. Ich hörte diese Erzählungen und Lehren, und hielt kaum die Thränen in meinem Auge zurück, aber mich taufen zu lassen, fürchtete ich mich vor meinem Vater und meiner Mutter.

Zu dieser Zeit war ich elf Jahre alt. Als ich nach Beendigung des zwölften Jahres ins dreizehnte trat, warben mein Vater und Mutter mit ihrem Segen

eine Braut für mich; in demselben Jahre starb mir meine Mutter am hitzigen Fieber. Nach dem Tode meiner lieben, guten Mutter war des Lächelns wenig, des Weinens aber viel. So brachte ich, beide Augen mit Thränen gefüllt, zwei Jahre zu, im dritten Jahre gab mein Vater meine Braut mir zur Frau. Zu dieser Zeit liessen alle Einwohner des Ulalu sich taufen. Da mit uns nur noch zwei Familien ungetauft blieben, sagte Vater Makarii: "Wenn ihr Ungetaufte in der Mitte dieser jungen Christen wohlt und den Schamanen schamanisiren lasset, so wird es die jungen Christen abwendig machen!" sagte er. "Wenn ihr euch also nicht taufen lasset, so kehrt in euer Land nach Kusnetsk zurück" sagte er. Und so schickte mich mein Vater am dritten Tage nach meiner Hochzeit (nachdem ich meine Braut zu mir genommen) mit meinem Schwiegervater zum Batschat. Damals war ich 16 Jahre alt. Als ich so übersiedelte, dachte ich: "Ich fürchte mich nicht vor Gott, dem Vater im Himmel; vor dem Vater (hier) auf der Erde fürchte ich mich aber, weshalb lasse ich mich nur nicht taufen und siedle zum Batschat über?"

Im Frühling des Jahres, in welchem ich zum Batschat gekommen, kam eines Tages, als ich in Gedanken versunken dasass, ein Kaimak genannter Mann zu mir und sagte: "Zehn Werst von Schandi, in dem **Wolost**[60] Batschat, wird morgen in dem Tempel Gottes ein dem heiligen Vater Nikolai geweihter Gottesdienst abgehalten werden.

Ich ging am andern Morgen dorthin, um zu beten. Dort angekommen, stellte ich mich an die Thür der Kirche. Als ich dort stand, und die Sänger Gottes Wort vortragen hörte, wurde mein Herz gerührt und mein Sinn freudig gestimmt. Als ich darauf zurückgekehrt war, drängte sich meinem Sinn die Heimath auf, und ich sagte tief gerührt, weinend zu mir selbst: "Weshalb gehst du nicht zu einem Glauben über, der so herrliche Gesänge hat? weshalb hast du das Land verlassen, in dem du aufgewaschen und erzogen bist, und bist hierher gekommen?"

Mein Vater, der am Ulalu zurückgeblieben war, kam fünf Monate nach mir in Batschat an. Als ich meinen Vater sah, fing ich an zu weinen. Mein Vater fragte: "Weshalb weinst du, mein Kind?" Ich antwortete: "Du bist ausgezogen, um hier zu wohnen, ich aber kehre zum Ulalu zurück, lasse mich taufen und will dort wohnen". Als mein Vater mich weinen sah, traten auch in seine Augen Thränen. Eine Woche später kehrten wir zum Ulalu zurück, und im Herbst, zur Zeit der Heuernte, gingen wir zum Christenthum über. Mein Vater erhielt den Namen Basilius, mich nannte man Michael, und meine Frau wurde Alexandra

[60] Gerichtsdorf

getauft. Mein jüngerer Bruder hatte schon früher den Namen Andrian erhalten. Da der ältere Bruder meines Vaters keine Kinder hatte, hatte ihn mein Vater in seinem zweiten Monat seinem ältern Bruder an Kindes Statt übergeben. Er war mit seinen Pflegevater früher als ich zum Christenthum übergegangen.

Sein Pflegevater hatte ihn dem Vater Makarii übergeben, um ihn im Schreiben unterrichten zu lassen. Da ich mir sagen musste, dass mein Vater mich nicht das Schreiben lehren lassen würde, betrübte ich mich, und es wurmte mich, dass mein jüngerer Bruder die Schrift lernen und das Wort Gottes wissen, und Alles, was gut oder böse sei, daraus erfahren würde, ich aber jetzt, wie der Schlechteste unter den Menschen, als ganz stumpfsinniger Mensch mein Leben dahinbringen musste. So mich betrübend, sagte ich in meinem Herzen zu Gott: "O! mein Gott Jesus Christus, dein Wille geschehe; wenn es dir wohlgefällig ist, dass ich darauf sinne, die Schrift zu lernen, so erleuchte mich und belehre mich!"

Eines Tages, als ich am Abend meine Pferde gefüttert, besuchte ich den Vater Makarii. Dieser erklärte mir das Word Gottes und seine Worte über Gott erschienen mir süsser als Honig und prägten sich meinem Herzen ein, so dass ich, ebenso wie eine Biene, die an einem Orte den Honig fertig gefunden (stets diesen Ort aufsucht), meine Wanderungen zum Vater Makarii wiederholte. Als ich so beim Vater Makarii verweilte, sagte ich zu seinen Schreibern: "Lehret mich doch die Schrift!" Sie antworteten: "Komm du am Tage zu uns, so wollen wir sie dich mit deinem Bruder zugleich lehren." Ich ging darauf zwei Tage nach einander Mittags dorthin und fing zu lernen an. Da fragte mich mein Vater: "Wo gehst du nur immer hin?" Ich antwortete: "Ich gehe zum Vater Makarii und leme dort schreiben." Da schalt mein Vater und sagte: "Wenn der jüngere Bruder es lernt, wird's wohl genug sein. Du wisse deine Arbeit! Die Schrift pflegen die faulen Leute zu lernen. Du bist (nur) deine Arbeiten zu thun überdrüssig", sagte er. "Die Leute spotten (schon) deiner; mir selbst haben schon einige Leute gesagt, dass ich meinen Sohn dadurch, dass ich ihn wiederholt zum Priester liesse, nur zur Faulheit anhielte." Da verbarg ich mich vor meinem Vater und vor meiner Frau, ging auf den Hof und weinte.

Darauf sagte ich zu meinem Bruder Andrian, dass er zur Essenszeit nach Hause kommen, und sein Alphabet, aus welchem er lerne, mit sich bringen möchte. Als Andrian, meiner Rede gemäss, zur Essenszeit (dieses) mit nach Hause nehmend zu uns kam, sich hinsetzte und lernte, setzte ich mich an seine Seite und dachte (mit) zu lernen. Mein Vater aber sagte: "Weshalb arbeitest du nicht deine Arbeit und sitzest mit aufgehobenen Augen da?" Da beschäftigte ich

mich mit keinen Arbeiten im Hause und lernte (das Alphabet) aufhorchend, auf die Stimme meines Bruders, wie man einen Gesang lernt. Manchmal sah ich auch ins Buch und lernte auf diese Weise das Alphabet wie einen Gesang auswendig, prägte ich mir mit dem Ohre alle bis aus Buchstaben zusammengesetzten Wörte ein, und dennoch kannte ich nicht einen einzigen Buchstaben (Wort).

Als einst zu dieser Zeit der Desjatnik von mir die Podwoden (Pferde) forderte, um den Vater Makarii zum Maima zu bringen, schirrte ich zwei Pferde und begab mich zum Vater Makarii. Als ich eintrat, band er grade etwa dreissig Lesebücher (Alphabete) zusammen. Da bat ich den Vater Makarii: "Ach, Vater Makarii, gieb mir doch mit deinem Segen eins dieser Lesebücher." Da lächelte er, trat nah zu mir heran und sagte: "Du bist ein Mehsch, der Frau und Kinder hat, wirst du etwa zum Lernen Zeit haben?" Ich aber sagte: "Wenn Gott mich erleuchtet, werde ich schon lernen." Vater Makarii nahm darauf eins dieser Lesebücher in die Hand, trat nah zu mir heran und sagte lächelnd: "Wenn du aus diesem Alphabet drei Worte erkennst, so gebe ich es dir mit meinem Segen, erkennst du sie aber nicht, so werde ich dir keins (Lesebuch) geben." Da nahm ich das Alphabet in die Hand, und wenn ich auch keinen Buchstaben kannte, so las ich dennoch, wie ich es dem Hören nach wusste.

Als er dies hörte, sagte Vater Makarii: "Wer hat dich unterrichtet?" Ich sagte: "Mich hat Niemand unterrichtet. Wenn Andrian sein Alphabet laut las, so habe ich aufhorchend gelernt, während ich an seiner Seite meine Arbeiten verrichtete." Da sagte Vater Makarii: "Du sage ja nicht: Ich habe es selbst gelernt! denn der Mensch selbst kann, wenn Gott nicht hilft, nichts machen, nicht lernen. Wenn du etwas arbeiten willst, so sage: "Ach, mein Jesus Christus, dein Wille geschehe! Wenn es dir wohlgefällig ist, dass ich diese Arbeit anfange, so gieb mir deinen Segen!" So frage! Wenn die Arbeit, die du zu unternehmen beabsichtigst, Gott wohlgefällig ist, so wird Gott helfen, wenn er nicht hilft, so bleibt sie liegen. Wenn du Gottes Segen bittest, so bitte im Glauben, wenn du gebeten hast, so hoffe!" sagte er. "Gott wird ihn geben, giebt er ihn nicht, so bleibt sie (die Arbeit) liegen. Wenn nun Gott deine Bitte erfüllt hat, so sage nicht in deinem Herzen: "Von mir selbst ist es gekommen." Wenn du meinst, dass es von Dir selbst gekommen, so wird der Teufel, wie ein Vöglein die Weizenkörner aufliest, den Samen deiner guten Werke auflesen und davon gehen."

So sprechend und lehrend legte er seine Hand auf mein Haupt und stand schweigend auf. Darauf gab er mit seinem Segen mir das Lesebuch. Ich nahm es und steckte es freudig in meinem Busen. Vater Makarii sagte darauf: "Nun, jetzt

bringe mich nach Maima!" Ich trug jetzt alle seine Sachen in den Schleifschlitten, half ihn selbst sich hinsetzen, und brachte ihn zum Maima. Auf dem Wege unterrichtete er mich noch. Als ich von dort zurückkam, verbarg ich mein Lesebuch.

Wenn ich darauf ins Heu fuhr, nahm ich es mit, und lernte unterwegs die Worte erkennen. Wenn mir auf dem Wege irgend Jemand begegnete, so schämte ich mich vor ihm und steckte mein Lesebuch in den Busen. Wenn er aber vorübergegangen, so holte ich das Buch aus dem Busen hervor und begann wieder von Neuem. Manchmal liess ich mir etwas von meinem Bruder zeigen, manchmal, wenn ich am Abend frei war, liess ich mir etwas von den Schülern des Vater Makarii zeigen.

Eines Abends trat ich beim Vater Makarii ein. Als ich mich bekreuzigt, und ihm entgegen gekommen, gab mir Vater Makarii seinen Segen und fragte: "Nun, hast du das Alphabet gelernt?" Ich antwortete: "Gott sei Dank, ich kenne es jetzt ein wenig." Da brachte er mir das Evangelien-Buch und hiess mich lesen. Als ich fünf oder sechs Zeilen gelesen, richtete er seine Augen nach oben und sagte: "Der Schöpfer des Himmels und der Erde möge dich von Zion herab segnen!" darauf gab er mir jenes Buch. Dann führte er mich zu einem Stuhl, hiess mich niedersetzen, setzte sich selbst an meine Seite und begann mir das Wort Gottes zu erklären. Ich lauschte seinen Worten, die mich mehr erquickten, als süsser Zellenhonig, denn er sprach: "Wer Bitteres erdultet, wird Süsses finden; wer geweint, wird erfreut werden! Räche dich an Niemand, weil er dir Schmerzen bereitet! räche dich an Niemand, weil er dich weinen machte und dir Böses that!" sagte er. "Unserer Sünden halber ist Gott vom Himmel zur Erde niedergestiegen, und hat sich ans Kreuz schlagen lassen und hat geduldet. Er rächte sich nicht an denjenigen, welche ihn gepeinigt", sagte er. "So hat unser Gott Jesus Christus, indem er sein eigenes heiliges Fleisch ans Kreuz schlagen liess, indem er sein eigenes Blut vergoss, uns vom ewigen Tode, vom ewigen Feuer erlöst. Was auch jetzt der Mensch Bitteres um Gottes Willen erdulden möge, er wird auf dem Wege Gottes zu seinem hehren Lichte aufsteigen" sagte er. "Gott sprach selbst: ""Nimm mein Kreuz und folge mir nach!"" und abermals sagte er: ""Wer seine Seele um meinetwillen verliert, der wird sie wiederfinden."""

Als ich diese Worte, die süsser als Honig, gehört, fühlte ich mich wie von einer süssen Speise gesättigt, empfing seinen Segen und kehrte nach Hause zurück. Als ich von dort nach Hause zurückgekehrt war, fragte mein Vater: "Wo kommst du her?" Ich holte mein Buch aus dem Busen hervor, zeigte es ihm und

sagte: "Ich war beim Vater Makarii zum Besuch, er hat mir dieses Buch zum Lernen gegeben." Da sagte mein Vater: "Nun lass sehn! und lies." Stotternd und stammelnd las ich etwas. Als dies mein Vater gehöhrt hatte, sagte er: "Da du (nun schon) so viel weisst, lerne in der freien Zeit." Als mir so mein Vater seinen Segen zum Lernen gab, freute sich mein Sinn und wurde erhellt, wie wenn in dunkler Nacht (plötzlich) ein Feuer aufleuchtet, oder an einem bewölkten Tage die Sonne sich zeigt.

Als ich so vom Vater den Freudebringenden Segen erhalten, ging ich des Abends, wenn ich mein Vieh gefüttert, zu den Schülern des Vater Makarii und lernte. Waren sie manchmal beschäftigt, so sass ich, wartete und kehrte nach Hause zurück.

Zu der Zeit lebte dort ein Priester, welche mir wiederholt sagte: "Hast du etwa zu Hause nichts zu thun, was kommst du den immer hierher?" Wenn er so redete, gign ich weinend nach Hause zurück und sagte zu mir selbst: "Ich muss doch ein zum Unglück geborner Mensch sein, darum ist mir hier alles hinderlich!" so sprechend betrübte ich mich.

Einst trat ich wiederum beim Vater Makarii ein. Er sass grade und trank Thee. Ich ging auf ihn zu, empfing seinen Segen und trat wieder zurück zur Thür hin. Da sagte Vater Makarii: "Setze dich doch auf einen Stuhl." Ich verneigte mich und setzte mich nieder. Er goss mir Thee ein, ich nahm ihn und fing an zu trinken. Da fragte er mich abermals: "Befindest du dich wohl?" Ich antwortete: "Gott sei Dank, ich befinde mich ganz wohl." Wieder fragte er: "Betest du (auch) des Morgens zu Gott dem Herrn?" Ich sagte: "Freilich bete ich." Er sagte: "In der That betest du? aber nachlässig pflegst du zu beten. Nicht in deinem Herzen, sondern im Angesicht der Menschen pflegst du wohl zu beten. Wie die Menschen beten, so will ich auch beten, sagst du. So bete nicht! Aber so bete! Tritt in das Innere deines eigenes Hauses, schlisse dich ein und bete in deinem Herzen, nicht um dich zu zeigen, zu Gott dem ewigen Vater", sagte er. "Wenn du so zu ihm betest, so wird Gott der Vater vom Himmel her dir sein Reich zeigen. Indem du betest, bete mit Furcht, als ob du Gott selbst sähest: ""O, mein Gott Jesus Christus, errette mich, den sündhaften Menschen; vor deinem Angesichte habe ich viel gesündigt, errette mich! unsichtbar siehst du mich und kennst meines Herzens Gedanken."" So denkte bei dir!" sprach er.

Darauf stand er auf, holte ein neues Testament und indem er sich vor mich hinstellte, sagte er: "In diesem Buche ist das Leben unseres Herrn, seine Lehre und die Thaten und die Lehre seiner Jünger. Hieraus lies jeden Tag ein Kapitel

mehrere Male! Wenn du es im Glauben lesen wirst, so wird es sein, als ob du es aus dem Munde Gottes selbst vernommen." So sprechend gab er es mir, nachdem er mich damit bekreuzigt und es mich hatte küssen lassen. Als ich so seinen Segen empfangen hatte, freute ich mich, wie wenn ich einen selbstleuchtenden Stern gefunden, kehrte nach Hause zurück und zeigte mein neues Testament meinem Vater. Mein Vater sprach: "Wenn dein Verstand genügt, um das Wort Gottes zu verstehen, so mögest du aus diesem Buche die Leute belehren, reicht dein Verstand nicht hin, so wird dieses Buch unnütz zur Erde geworfen werden und dort liegen bleiben. Nun jetzt bitte Gott! Gott möge dir helfen!"

Gott flehe ich an, möge Gott der Herr, welcher Himmel und Erde geschaffen hat, sein dreifach gelobtes hehres Licht dem Vater Makarii verleihen! denn wie das Vögelchen in seinem Kropf die Weizenkörner sammelt, so sammelte ich in meinem Herzen mit seinem Segen das Wort Gottes. Jedesmal aber, wenn, wie beim Vögelchen, die gesammelten Weizenkörner zu Ende gehen, das Wort Gottes in meinem Herzen sich verlor, so ging ich zum Vater Makarii. Der aber entliess mich wie mit Wachshonig genährt, vom Worte Gottes erquickt, nach Hause. So pflegte ich im Verlauf dreier Jahre, wie eine Biene, die an einer Stelle den Honig fertig gefunden und an denselben Ort zurückkehrt, mich zum Vater Makarii zu begeben. Wenn ich eine Gott nicht wohlgefällige Handlung begangen, so rührte er mich zu Thränen, hiess mich aufs Knie fallen und zu Gott beten. Gott der Herr möge ihm sein hehres Licht verleihen, denn Böses hat er mich nicht gelehrt, nur in Lehren, die meiner Seele heilsam waren, hat er mich unterwiesen.

Als ich eines Tages zum Vater Makarii eintrat, sassen daselbst zwei Menschen, von denen der eine Joseph, der andere Paul hiess. Als Vater Makarii mir entgegen gekommen und mir seinen Segen gegeben hatte, setzte ich mich auf einen Stuhl. Alle drei sassen da und übersetzten das Leben Josephs. Ich hörte zu und sie übersetzten, da wussten sie das Wort "denn" nicht (wieder zu geben). Da kam Vater Makarii auf mich zu und fragte mich: "Wie heist denn das Wort "denn" in eurer Sprache?" Ich aber sagte: "Gebet mir ein Beispiel in eurer Sprache." Da sagte er mir ein Beispiel und ich erwiederte: "Dies ist das Wort "тäзä". Da meinte Vater Makarii: "Du, komme doch öfter an freien Tagen zu mir und lass uns beide das Leben Josephs übersetzen! für dich selbst wird's ja auch gut sein, du wirst die heilige Schrift Gottes kennen lernen." Darauf pflegte ich an freien Tagen hinzukommen, bis das Leben Josephs vollendet war. Als das Leben Josephs beendigt war, gab mir Vater Makarii das Bild des heiligen Mitrophan

und sagte: "Du sei jetzt bei mir Dolmetscher bei den Uebertragungen des Wortes Gottes." Von der Zeit ab war ich fünf Jahr Dolmetscher beim Vater Makarii; wir beide übersetzten die Gebete zu Gott und auch einen Theil des neuen Testaments. Im Verlauf dieser fünf Jahre lehrte er mich viel Gutes.

Als ich so Uebersetzter war, zankte mein Vater mit mir und sagte: "Du läufst immer zum Priester und verrichtest nicht deine Arbeiten." Da starb der Pflegevater meines Bruders Andrian und (jener) kam zu uns, zu seinem leiblichen Vater zurück. Garauf verabschiedete mich mein Vater, indem er auf den jüngsten Sohn seine Hoffnung setzte.

Eines Tages als ich um Holz zu fällen mich auf den Weg machen wollte, da sass und meinem alten Armjak anzog, fragte mich mein Vater: "Wohin willst du denn fahren, dass du dich zurecht machst?" Ich antwortete: "Zum Holzfällen." Darauf sagte mein Vater: "Wenn du Holz fällen willst, so fälle es nur für dich selbst!" Ich sagte: "Versteht sich, werde ich für mich es fällen, meinst du, dass ich für (andere) Leute fälle!" Mein Vater sagte: "Ich sage ja, du sollst es für dich selbst thun; sage ich denn, du sollst es (andern) Leuten fällen? Zum Priester gehst du wiederholt, deine Arbeiten verrichtest du nicht ordentlich. Jetzt lebe an einem andern Orte, in deiner eigenen Wirthschaft! (wörtl.: wo anders hingehend, unter deinem eigenen Fette liege)." Da sagte ich: "Ich habe kein Haus, um dort einzutreten, keine Speise zum Essen, wo soll ich hingehen?" Mein Vater sagte: "Du bist jung, du wirst selbst deine Wohnung finden, selbst dein Haus bauen. Wenn du es selbst nicht bauen kannst, wird dein Priester es für dich bauen."

Da war mir, als wenn heisses Wasser auf mich herabgegossen würde, ich konnte meinem Vater kein Wort sagen und weinte. Da sprach mein Vater: "Was sitzt du denn da und weinst? Geh und suche dir noch heut eine Stelle, wo du wohnen kannst!" Da sagte ich: "Wenn du mir gar nichts giebst, wie soll ich denn da fortkommen?" Da sprach mein Vater: "Ich habe für dich den Kalym bezahlt und dir eine Frau genommen, was soll ich dir denn noch geben? In der Kleidung, mit der du da sitzst, geh' fort!" Da sagte ich: "Wenn nichts anderes, so gieb mir doch wenigstens einen Napf und Löffel." Mein Vater sagte: "Nichts gebe ich dir. Doch vielleicht wird dir mein eigener überzogener Pelz für den Winter zum Ankleiden nothwendig sein." So sprechend warf er mir ihn (den Pelz) zu. Als ich den Pelz in die Hand genommen, gab ich ihn meinem Vater zurück und sprach: "Dieser Pelz wird mir nicht Haus, nicht Nahrung sein, nimm ihn zurück. An seiner Stelle gieb mir deinen Segen!" Da fing mein Vater an zu weinen, segnete mich mit dem Bilde Jesus Christi und schenkte mir dieses Bild. Als ich so den

Segen meines Vaters empfangen, ging ich zu meinem Schwager Alexander, bat um seinen Speicher, um den Sommer darin zuzubringen und bezog ihn.

Darauf verschloss ich meinen Sinn und weinte vier ganze Tage und grübelte darüber nach, was ich jetzt arbeiten solle. Da liess mich am fünften Tage Vater Makarii zu sich rufen. Als ich zu ihn gekommen, sagte Vater Makarii zu mir: "Weshalb ist denn dein Gesicht so düster, was ist denn geschehen?" Ich verschwieg (ihm), dass ich von meinem Vater fort an einen andern Ort gezogen, und sagte nur: "Nein, ich weiss nichts, was vorgefallen ist." Nachdem Vater Makarii eine Zeitlang dagestanden und mich betrachtet, ging er fort, holte das neue Testament, legte es auf den Tisch und sagte: "Lass uns jetzt aus diesem Testament übersetzen." Da trat ich zu ihm und setzte mich an die Seite des Stuhles. Vater Makarii las in dem Testament und fragte mich dann, ich übersetzte es in meine eigene Sprache. Als wir nun ein Stück übersetzt hatten, fragte er mich wiederum: "Was hast du denn Böses gethan, verbirg es nicht vor mir und sprich! Es liegt auf deinem Gesichte, als ob du irgend etwas gemacht hättest." Da schnürte sich meine Kehle zu und indem ich nicht gut sprechen konnte und weinte, sagte ich: "Mein Vater hat mir nichts gegeben und mich aus dem Hause gestossen." Da stand Vater Makarii auf von dem Orte, wo er gesessen und sprach: "Gott sei Lob! Weine nicht! Wenn dir dein irdischer (nährender) Vater nichts giebt, so wird dir dein himmlischer Vater geben. Wer das Bittere nicht geduldet, geniesst nicht das Süsse. Wer am Abend nichts warmes anzuziehen hatte, weinte, wird sich am Morgen erfreuen, wenn er in der Kälte nicht erfroren ist." Nachdem er so gesprochen, fragte er mich: "Wo wohnst du jetzt?" Ich antwortete: "Bei meinem Schwager Alexander wohne ich im Speicher."

Darauf gab er mir vier Pud geröstetes Gerstenmehl. Am zweiten Tage gab er mir ein rothes Bankbillet im Werthe von 10 Rubeln, um Näpfe und Löffel zu kaufen. Ich nahm es und kaufte mir Näpfe und Löffel. Am dritten Tage liess er mich rufen und gab mir einen Topf zum Kochen und ein Beil. Darauf kaufte er mir eine Stute und ein Wohnhaus. Von dieser Zeit an arbeitete ich theils für mich, theils ging ich zum Vater Makarii und übersetzte das Word Gottes in meine Sprache.

Eines Tages liess mich Vater Makarii vom Felde her rufen. Als ich zu ihm kam, sassen dort viele Leute. Vater Makarii sagte: "Jetzt reise ich nach Russland, von dort werde ich hierher nicht zurückkommen; ihr betet fur mich Sündhaften zu Gott, dem uns alle liebenden Vater Jesus Christus; ich werde euch nicht vergessen und für euch dort beten." Als er so sprach, traten ihm die Thränen in

die Augen. Als wir seines Auges Thränen sahen, konnten wir uns nicht halten, sondern weinten mit einander. Als wir so mit einander weinten, sagte Vater Makarii: "Brüder, weinet nicht! Unser Alle Vater ist Jesus Christus, von diesem mögen die Menschen sich nicht trennen! Wenn wir uns von ihm trennen, so ist das sehr schmerzhaft, dann wird der Schmerz (in der That) Schmerz sein. Niemals wird man aufhören zu weinen, niemand wird dann trösten; ewig wird das Zähnklappern sein. Aus diesem Leiden wird niemand erretten. Auch weinet ihr, indem ihr meint, ich fahre jetzt fort und wir würden uns niemals wiedersehen, ich aber denke, dass wir uns wiedersehen werden im Himmelreich," sagte er. "Betet auch für einander zu Gott! Liebet Euch unter einander; denn Gott ist die Liebe, er liebt alle, so liebet auch ihr alle Menschen, wie euch selbst. Ich denke, dass wir im Himmel (einst) zusammen sein werden."

Als er so gesprochen, glänzten die Thränen in seinem Auge. Als wir seine Thränen sahen, konnten wir uns nicht halten und weinten ebenfalls. Darauf sprach Vater Makarii zu uns: "Jetzt möge euer Vater der Vater Stephan sein! Ich setze (ihn) an meine Stelle und gebe ihm meinen Segen, im Namen das Herrn möge er euch in allem Guten unterweisen. Höret auf ihn, wie ihr mein Wort gehört habt." So unterwies uns Vater Makarii noch vor seiner Arbeise in allem Guten, wie ein Vater im Sterben seinen Kindern sein Vermächtniss macht und dann fuhr er ab. Wir aber blieben weinend zurück, wie Waisen, die von ihrem Vater getrennt sind.

Als Vater Makarii nach Russland abgereist war, beschäftigte ich mit dem Askerbau. Was Ebene in unserem Lande war, war bald zu Ende gebracht (d.h. bebaut) und von Bergabhängen konnte ich mit aller Mühe nicht viel beackern und das betrübte mich. Die reichen Leute spannten viele Pferde an und pflügten es. Ich aber, der wenig Pferde hatte, konnte die Bergabhänge nicht beackern und mühete mich nur ab.

Einst, als ich in der Nacht nicht schlafen konnte, dachte ich darüber nach, wie ich der Schwierigkeit der Bergabhänge wohl abhelfen könnte, so dass, wenn ich pflügte, es gut gehen möchte. (Der Bergabhänge Rettung auf welche Weise findend wenn ich pflügte, gut möchte es sein was? sagend sann ich nach). Als ich so da lag und sann, wie man den Pflug brauchbar einrichten könne, dass seine Pflugfurche zur Niederung herab sich aufwerfen lasse (wörtl. dessen Pflugfurche zur Niederung herab zu dem umdrehen lassen, was für ein Pflug, wenn ich mache, es möchte gut sein was? sagend) zeigte er (der Pflug) sich gleichsam vor meinem Augen und stand deutlich vor meinem Geiste (wörtl. drang in meinem

Sinn ein). Darauf verfertigte ich ohne Verzug den Pflug, wie ich ihn erfunden, mit dem man hin und zurück in einer Linie die Pflugfurche zur Niederung abwärts augwerfen kann. Als ich zur Probe pflügte, war es dem Pferde leicht und auch mir leicht, was ich auch für Bergabhänge durchackern mochte; darüber freute ich mich sehr.

Darauf errichtete ich eine Mühle, als es mit meiner Mühle gut ging, war ich darüber erfreut. Das Schmieden des Eisens erlernte ich, das Gerben erlernte ich, die Holzarbeit erlernte ich, mit der Säge Holz zu Brettern zu schneiden erlernte ich und die Pocken zu impfen erlernte ich. Ja, vielen armen Leuten habe ich sie eingeimpft, da ich aber kein Geld erhielt, so hörte ich damit auf. Wenn auch alles dies, was ich erlernte, mir nützlich gewesen, so liess mich doch meine eigene Veränderlichkeit (wörtlich Doppelsinn) nicht reich warden.

Einst liess mich Vater Stephan rufen und sagte zu mir: "Lass uns zusammen das Wort Gottes übersetzen und sei bei mir Dolmetscher, ich will dir im Jahre vierzig Rubel Silber geben." Ich antwortete ihm: "Ich bin ein Mencsh, der Frau und Kinder hat, vierzig Rubel wird für mir (zu) wenig sein." Da sagte Vater Stephan: "Im ersten Jahre lebe so! Ich werde dir jedes Jahr zulegen." Da lebte ich vier Jahre bei ihm als Dolmetcsher. Was er mir im Verlauf von vier Jahren zugelegt, war zehn Rubel Silber.

Als ich so Dolmetcsher war, übersetzten wir vier Jahre lang aus der heiligen Schrift in die Teleuticshe Sprache. Manchmal, wenn Leute kamen und wollten sich taufen lassen, so lehrte ich sie mit den Segen des Vater Stephan die Gebete in Teleutischer Sprache und berichtete ihnen den Inhalt des heiligen Glaubens Gottes. Manchmal, wenn Vater Stephan selbst aus der heiligen Schrift sie belehrte, so übersetzte ich (seine Worte). Einige unterrichteten wir eine Woche lang, andere zwei Wochen lang. Noch andere, die gekommen waren, um sich taufen zu lassen, sagten sich wieder los und kehrten (nach Hause) zurück.

Im zweiten Jahre meiner Dienstzeit als Dolmetscher stieg ein Beamter Names Nikolai Iwanowitsch Ananjin, welcher in Kusnetsk selbst wohnte, im Hause des Vater Stephan ab. Noch an dem Tage, an welchem er angekommen, liess er mich kommen und sagte zu mir: "Die Sitten und Gebräuche, Lieder, Sprichwörter, Erzählungen von Stämmen, welche dieselbe Sprache sprechen als ihr, und das, was ihre Schamanen zu schamanisiren pflegen, frage ich aus und schreibe es auf. Jetzt habe ich so manches von den Stämmen bei Kusnetsk ausgefragt und aufgeschrieben. Kein Mensch findet sich aber dort, dieses ins Russische zu übersetzen. Nun habe ich vernommen, dass du das Uebersetzen

verstehst, deshalb habe ich dich rufen lassen. Du übersetze mir dieses." Ich antwortete: "Ich bin bei dem Vater Stephan Dolmetscher, ich bin selbst nicht mein eigener Herr, frage den Vater Stephan." Darauf sagte er: "Ich habe dich schon von ihm erbeten, er hat dich mir überlassen." Als wir so dastanden, kam Vater Stephan von einem Hause her zu uns herein, und sagte mir: "Ich reise nach Biisk, du übersetze diesen während dieser Zeit." Da übersetzte ich mit diesem Ananjin über eine Woche lang ins Russische. Da kam Vater Stephan zurück; jener Beamte sagte zur mir: "Die Sitten der hier wohnenden Stämme, ihre Sagen, Gesänge und Alles was nur von früher her an Mythen überliefert ist, schreibe mir auf und schicke es mir." So sprechend gab er mir zwei Rubel und kehrte selbst nach Kusnetsk zurück. Darauf übergab ich Alles, was ich gesammelt, dem Vater Stephan, dieser schickte es mit der Post an Nikolai Iwanowitsch.

Im zweiten Jahre kam er wieder. Da nahm er mich mit nach Biisk und übersetzte mit mir neun Tage lang. Als wir von dort zurückkehrten, gab er mir drei Rubel. Nach drei Monaten kam von Nikolaii Iwanowitsch ein Brief an der Vater Stephan, welcher mich zu ihm berief. Nach fünf Tagen langte ich Kusnetsk bei Ananjin an. Als wir nach zwei Monaten Alles zu Ende übersetzt hatten, kehrte ich zurück. Nikolai Iwanowitsch sagte bei meiner Abreise zu mir: "Da du mir geholfen, werde ich dich nicht leer ausgehen lassen, ich werde dir jetzt 10 Rubel Silber geben" und gab mir das Geld. Ich nahm das Gegebene und kehrte zurück. Von der Zeit ab habe ich ihn bis jetzt nicht wieder gesehen.

In dem Frühling, als ich von Kusnetsk zurückgekehrt war, waren junge Leute und Kinder eines Tages bei mir versammelt, um die Gesänge Gottes zu erlernen. Dieser Tag war nämlich ein Feiertag. Als ich sie so in den Gesängen Gottes unterwies, krachte (plötzlich) mein Häuschen. Da meinten einige lachend: "Hat's nicht vielleicht gekracht, weil viele Leute hier eingetreten sind?" Andere meinten: "Hat nicht vielleicht das Wasser sein Untertheil abgespült", denn das Wasser war draussen mit dem Ufer von gleicher Höhe und mein Haus stand nah an dem Bette des Flusses. Einige sagten: "Lass uns draussen nachsehen!" Da gingen einige hinaus, um nachzusehen. Als ein Theil zur Thüre hinausgegangen, ein Theil noch drinnen geblieben, senkte sich das Haus schief gegen den Fluss zu. Da stürmte ein Theil durch das Fenster, ein anderer durch die Thür hinaus, alle unsere Sachen, die sich im Hause befanden, zogen wir durch das Fenster heraus, des Hauses Balken aber schleppten wir bei Seite, damit das Wasser es nicht fortreisse, denn wir waren viele Leute und so blieben die Balken ohne Ordnung liegen. Am Morgen dieses Tages sassen wir und sangen, am Abend

sassen wir und weinten. Da ich so ohne Haus war, ging ich zum Vater Stephan. Dieser kaufte für mich ein noch nicht ganz beendetes Haus für mein Gehalt als Dolmetscher. Dieses schleppte ich an Ort und Stelle und stellte es auf.

Einstmals schickte mich der Vater Stephan mit den Vater Arsintii nach Kusnetsk zu den Teleuten und Schoren. Da langten wir am fünften Tage (viermal übernachtend) bei einem oberhalb von Kusnetsk liegendem Dorfe der Schoren an. Ich bemerke, dass die Lebensweise der in diesem Dorfe befindlichen Schoren eben so war, wie die der Russen, denn ihre Wohnhäuser und Kleidung waren wie die Russischen, nur die Kleidung der Frauen war anders. In ihren Häusern sah ich Gottesbilder stehen, und in einigen Häusern auch Schamanentrommel. Als ich in ihren Häusern auch Schamanentrommeln gesehen, fragte ich: "Seid ihr etwa nicht getauft? In eurem Hause steht ja eine Schamanentrommel." Sie antworteten: "Wenn wir auch getauft sind, wie sollen wir denn unsere Schamanen fortwerfen und sie nicht schamanisiren lassen?" Ich fragte sie: "Verehrt ihr denn Gott mit dem Glauben der Russen?" Sie antworteten: "Wohl verehren wir ihn." Ich sagte: "Wie heist dieser Gott?" Sie antworteten: "Das Väterchen Mukolo (Nikolai) und Ilia der Prophet", einige sagten: "Jesus Christus ist Gott." Ich sagte: "Jesus Christus ist der einzige Gott; ausser ihn giebt es keinen Gott. Mikolo und Ilia Prorok, sie sind nicht Gott. Sie waren Gott wohlgefällige Menschen; jetzt sind sie im lichten, freudevollen Lande Gottes. Wenn Jemand sie um ihre Hülfe bittet, so helfen sie ihm." Da sagten einige von ihnen: "Wir haben zwar gehört, dass der wahre Gott Jesus Christus sei, aber trotzdem verehren wir ihn nur wenig." Darauf theilte ich ihnen vielerlei von dem heiligen Glauben Gottes mit; ohne zu streiten hörten sie schweigend zu.

Ich fragte sie abermals: "Sind alle Leute, die in diesem Dorfe wohnen, getauft?" – "Wir sind getauft", sagten sie. Wieder fragte ich: "Unterweisen Euch denn die Priester im Worte Gottes" –"sie unterweisen uns", sagten sie. Ich fragte: "Was lehren sie euch denn?" Sie sagten: "Sie lehren uns, uns vor Gott zu verneigen." – "Und dies nur lehren sie?" fragte ich. Sie sagten: "Was sollen sie uns denn noch lehren, da wir ja doch die russische Sprache nicht vollständig kennen?" Einige sagten: "Manche Weiber und Kinder kennen sie gar nicht."

Wir übernachteten an jenem Tage in diesem Dorfe und ritten Tags darauf den Mras aufwärts. Da begegnete uns ein junger Schore, der auf einer Schleife Birkenrinde überführte. Das vom Vater Arsintii bestiegene Pferd scheute sich vor der Schleife mit Birkenrinde, bäumte sich und ging durch. Der Führer und ich, die wir das Pferd desselben aufhalten wollten, konnten nicht heran. Vater

Arsintii glitt herunter, blieb im Steigbügel hängen, fiel zur Erde und blieb liegen. Da sprangen wir vom Pferde herab und wollten dem Vater Arsintii aufhelfen, er sagte aber: "Wartet, ich möchte ein wenig liegen." Da fragten wir ihn: "Wie? bist du unversehrt?" Er antwortete: "Fürchtet nichts, ich bin unverletzt." Da ritten wir dem Pferde, welches sich losgerissen, nach, fingen es ein, brachten es zurück, und nachdem wir ihm hinaufgeholfen, ritten wir weiter.

Darauf langten wir in dem von Schoren bewohnten Dorfe Mys an. Ich fragte die in Mys wohnenden Schoren: "Seid ihr getauft oder ungetauft?" Sie antworteten: "Wir sind alle getauft." "Kennt ihr den Namen Gottes?" fragte ich. "Wir kennen ihn", war die Antwort. "Was ist denn der Name Gottes?" fragte ich. Sie sagten: "Jesus Christus." Einige sagten: "Mukolo." Nachdem ich ihnen darauf mancherlei über Gott und Mukolo erzählt, gingen wir weit den Mras hinauf zu einem andern Dorfe. Den Namen dieses Dorfes habe ich vergessen. An der Stelle, wo das Dorf steht, ist zu beiden Seiten, dichter Schwarzwald. In diesem Dorfe wohnte ein Masterovoi (Bergarbeiter), der die Pferde für die Post zu den Bergwerken einzutreiben hat. Als wir bei ihm abgestiegen und uns dort niedergelassen hatten, kamen zu ihm zwei Männer. Ich fragte diese beiden: "Giebt es in dem Lande, wo ihr wohnt, etwa kein Land, welches man beackern könte, womit ernährt ihr euch denn?" Sie antworteten: "Wir fangen im Sommer Fische, bringen sie in Booten nach Kusnetsk, verkaufen sie daselbst. Für das für dieselben eingelöste Geld nehmen wir Brot, so nähren wir uns. Einige von uns suchen wilde Bienen, verkaufen den Honig für Brot und ernähren sich so. Die Reichen nähren sich vom Handel." Als sie so mit mir gesprochen hatten, gingen sie fort und kehrten (nach Hause) zurück. Da sagte Vater Arsintii: "Du gehe in diesem Dorfe zu Gaste umher! Wenn du einen nicht Getauften findest, so überrede ihn, sich taufen zu lassen, wie du es selbst (ja schon) weisst." Da ging ich zu Gast und trat in fünf oder sechs Häuser ein. In einigen Häusern, in die ich eintrat, waren Gottesbilder, in einigen Schamanentrommeln. Als ich Schamanentrommeln erblickt hatte, fragte ich: "In euren Häusern sind ja Gottesbilder, weshalb stehen denn auch Schamanentrommeln da?" Sie antworteten: "Sind wir denn Russen, die keinen Schamanen haben? Wenn bei heftigen Krankheiten der Schaman nicht schamanisirt, wie wird's denn da dem Menshen ergehen?" Nachdem ich ihnen darauf die zehn Gebote Gottes und mancherlei vom heiligen Glauben mitgetheilt, ging ich hinaus. Als ich so auf der Strasse entlang ging, schnitten vier Leute auf der Strasse Bretter; ich setzte mich an ihre Seite. Als sie so neben mir sassen, fragten sie mich, woher ich

gekommen sei. Ich erzählte, wo mein Wohnsizt (mein Land und mein Fluss) sei und weshalb ich reise. Als wir so sprachen, versammelten sich bei uns wohl zwanzig Menschen, welche auf der Strasse sich aufhielten. Da fragte ich die versammelten Leute: "Seid ihr getauft?" Sie antworteten: "Die Leute, die hier wohnen, sind alle getauft." Ich fragte: "Kennt ihr den Namen Gottes?" "Wir kennen ihn", sagten sie. Da sagte ich: "Wie nennet ihr denn Gott, wenn ihr betet?" Sie antworteten: "Mukolo Batuschka oder Ilja Prorok beten wir an." Ga fragte ich: "Jesus Christus betet ihr nicht an?" Sie antworteten: "Wir haben wohl gehöhrt, dass Jesus Christus Gott sei; dennoch kennen wir ihn nicht gut." Da sagte ich: "Kommen denn zu euch Priester?" Sie sagten: "Der Priester kommt hierher, und nachdem er die Abgaben eingesammelt, hält er sich nicht mehr auf, sondern kehrt zurück." Ich sagte: "Lehrt euch denn der Priester nicht das Wort Gottes?" Sie antworteten: "Wie soll denn der Priester uns, die wir die russische Sprache nicht gut kennen, unterrichten?" Da erzählte ich ihnem Alles von Adam bis zur Geburt Jesu Christi und die Rückkunft Christi am Ende der Welt. Sie sagten: "Unsere Vorväter hat irgend ein Priester mit Soldaten mit Gewalt getauft und ist dann wieder zurückgekehrt; wir aber, die Nachkommen dieser Getauften, wissen nichts und sind in allem ungewiss. Da nun jetzt kein Mensch da ist, um uns im Worte Gottes zu unterrichten, von wem sollen wir da lernen? Deshalb lassen wir die Schamanen schamanisiren." Ich antwortete: "Glaubt nicht an die Worte des Schamenen! Das sind alles Lügenworte, die Schamanen selbst kennen ja den Glauben des wahren Gottes nicht, songern glauben an den Teufel und schamanisiren mit ihm." – "Von altersher haben wir unser Land, unser Wasser, unsern Himmel geehrt, wie sollen wir nun selbst uns nicht fürchten, wenn wir keine Gaben darbringen?"

Nachdem ich ihnen darauf noch mancherlei von dem reinen Glauben Gottes mitgetheilt und erzählt hatte, wie Gott die mit Krankheit Behafteten geheilt und die Todten auferweckt, und nachdem ich zu dem Hause gekommen war, in dem wir vorher abgestiegen waren, kamen ungefähr dreissig Leute mit Booten den Mras abwärts, um Fische zu fangen. Als ich sie erblickte, stellte ich mich an ihre Seite; als sie ihr Netz herausnahmen, zogen sie drei Netze hintereinander heraus. Mit dem vordersten Netze kamen acht Taimene (Salmo Taimen), Barsche, Tschebake und Hechte heraus, in den hinteren Netzten waren sehr viele Tschebake; andere Fische habe ich nicht bemerkt.

Als ich so dagestanden und zugesehen hatte und darauf wieder in unser Absteigequartier gekommen war, kehrte ich mit dem Vater Arsintii noch an

demselben Tage zürück; wir fuhren in einem Boote den Mras abwärts; stiegen in dem oberhalb Kusnetsk belegenen Ulus aus, bei dem weitern Verlauf der Reise liessen wir die Podwod-Pferde an unsern Wagen spannen und kamen (so) nach Kusnetsk. Dort übernachteten wir und erreichten am zwei Tage (den folgenden Tag einmal übernachtend) die in Batschat wohnenden Teleuten.

Unter jenen Teleuten fanden wir Leute, die von Getauften abstammen. Es hatten nämlich Vater und Mutter dieselben nicht taufen lassen uns so die Mädchen an Männer gegeben, den Söhnen aber Weiber genommen. Obwohl wir diese nicht kannten, so kannte sie dennoch ein Mensch, der vom Vater Stephan getauft war und im Ulu ail (grosser Ulus) genannten Dorfe wohnte. Dieser Mann hiess Alexander. Dieser erzählte uns folgendes: "In der Mitte der hier wohnenden Teleuten sind von Getauften abstammende Leute; mancher von ihnen lebt jetzt mit Weib und Kindern, und auch die Mädchen haben sich mit Ungetauften verheirathet und ebenfalls Kinder." Da sagten wir: "Wenn ihr Vater und ihre Mutter getauft waren, wie sind sie denn ungetauft geblieben?" Alexander sagte: "Wenn der Priester früher kam, um die Kinder der Christen zu taufen, so liessen diese die Kinder aus irgend welcher Ursache vom Priester nicht taufen. Denn wenn sie auch getauft waren, so hatten sie dennoch das Wort Gottes und die Lehre des reinen Glaubens nicht gelernt, und lebten mit einander in Mitten der Jurten Ungetaufter; da sie nun das Wort Gottes nicht kannten, liessen sie ihre Kinder nicht taufen. Jetzt sind ihre Väter und Mütter gestorben und die Kinder haben wiederum Kinder."

Da versammelten wir alle diese Leute und befragten sie (darüber). Da sagten dieselben: "Wie sollen wir wissen, ob wir von Getauften abstammen? Wir selbst wissen es nicht." Einige sagten: "Von unserm Vater und unserer Mutter haben wir gehöhrt, dass es wahr sei." Darauf erzählte ich ihnen vom Worte Gottes und den Lehren des reinen Glaubens. Am dritten Tage tauften wir sie; im Ganzen waren es 32 Menschen gewesen, von ihnen tauften wir 31, einer von ihnen liess sich nicht taufen, sondern lief davon. Als wir dort einige Zeit gelebt und sie im Worte Gottes unterrichtet hatten, kehrten wir zu unserer Heimath zurück.

Als ich nach meiner Rückkunft noch einige Zeit als Dolmetscher gelebt hatte und das Gehalt, das ich bezog, zum Essen und Kleiden fürs Jahr nicht hinreichte, verliess ich meinen Posten als Dolmetcsher und beschäftigte mich mit dem Handel. Jetzt, Gott sei Dank, nähre ich mich vom Handel. An freien Tagen übersetzte ich aus der (heiligen) Schrift Gottes und lese meine Uebersetzung

denjenigen Leuten, die die russische Sprache nicht kennen, vor; diejenigen, die Wort Gottes lieben, kommen und hören zu.

Einst miethete ich zwei Diensleute und reiste mit meiner Frau und meinem Schwiegersohn zum Teletzkischen See, um dort zu fischen.

An dem Tage, an welchem wir unser Haus verlassen, erreichten wir einen Yshyg genannten Fluss. Dort hatte ein Beamter die Unterthanen dreier Saisane versammelt und hielt Gericht. Die versammelten Leute hatten in Gruppen zu drei und vier am Fusse der Bäume Platz genommen. Als ich zu ihnen gekommen war, sagte ein Altaier, Namens Japjyk, zu mir: "Gott sei Dank, dass du gekommen bist. Diese Tuba-Leute helfen ihrem Diebe. Es scheint nämlich, als wenn sie sich mit dem Beamten befreundet hätten und über meine Angelegenheit nichts entscheiden. Denn kein einziger hier ist auf meiner Seite. Du steh mir um Gotteswillen bei, denn der Dolmetscher kennt unsere Sprache nicht ganz gut."

Da übersetzte ich dem Beamten die Unbill, die jenem zugefügt. Der Beamte liess ihn dieselbe ersetzen. Die beiden Tuba-Demetschi's mit ihren Leuten umringten mich alle und wollten mich schlagen, weil ich dem Altaier als Dolmetscher heholfen. Da aber der Krons-Dolmetscher da war, konnten sie mich nicht schlagen.

So ist die Sitte derselben, Wassili Wassiljewitsch. Wenn du einmal in den Schwarzwald fahren wirst, so wirst du ihre Gebräuche selbst sehen. Denn sie sind wie Schafe ohne Hirten; wer bei ihnen reich ist, ist bei ihnen wie ein Herr, wer aber arm ist, der ist wie ein vor dem Urtheil und vor dem Beamten sich fürchtender Sclave. Die meisten der Armen fragen nicht Entscheidung ihrer Unbill, sondern lassen Alles ruhig geschehen.

Wenn man sie frägt, weshalb sie nicht auf Entscheidung ihrer Unbill dringen, so antworten sie: "Wenn deine Hand keine Pferdeherde hat, wenn in deinem Beutel kein Geld ist, wie kannst du Entscheidung verlangen. Wir zind furchtsam wie die Hasen und können nicht für uns reden, wie die Fische, wir ein Volk, das das Gesetz nicht kennt, was können wir wissen? Die Sprache desjenigen Menschen, der einen schwarzen Zobel getödtet hat, oder einen fetten Hirsch getödtet hat, ist dem Herrn wohlgefällig."

Ja! Wassili Wassiljewitsch, höre dies Sprüchwort, ich will es dir sagen: "Der Raum zwischen Wahrheit und Lüge ist vier Finger breit!" Glaube nicht an Alles, was du mit deinen Ohre gehört, sieh selbst diese Tuba-Leute mit deinem Augen an. Ich glaube nich meiner eigenen Einsicht.

Doch jetzt will ich den weiteren Verlauf meiner Reise erzählen.

Jenseits des Flusses Yshyg einmal übernachtend, erreichten wir das Dorf Yngyrgy, wo Neugetaufte wohnen. Als wir in die Häuser der dort wohnenden Neugetauften eintraten, standen alle leer. Sie bewohnten nämlich nicht die ihnen vom Priester gegebenen Häuser, sondern hatten sich Birkenrinden-Jurten gebaut und sassen um das Feuer, das sie in der Mitte angemacht hatten. Ich fragte sie: "Weshalb wohnt ihr nicht in dem vom Priester gegebenen Häusern, sondern verderbet eure Augen in diesem Rauche und beschmutzet euch selbst mit Staub?"

Sie antworteten: "Wir verstehen nicht in russischen Häusern zu leben; da wir Innere derselben nicht wie die Russen einzurichten wissen, so leben wir in ihnen nicht, den für uns zum Tabakrauchen, zum Gerste Trocknen und zur Bereitung und zur Verzehrung des Talchan ist eine solche Rinden-Jurte gut genug." Wieder fragte ich sie: "Pflüget ihr die Aecker mit Pferden, wie die Russen?" Sie sagten: "Nein, wir bearbeiten sie an weichen Stellen mit der Hacke und säen dann unser Brot. Einige von uns arbeiten für Russen, und lassen sich (von ihnen) dann ein wenig (Land) bearbeiten." Da fragte ich: "Warum machet ihr selbst keinen Pflug und pflüget?" Sie antworteten: "Da uns kein Mensch gelehrt hat, wie man einen Pflug macht, wie sollen wir ihn verfertigen?" Darauf sagte ich: "Ihr seid faul und so lernen ihr nicht. Wenn ihr wie die Russen den Acker bearbeiten würdet, so würdet ihr des Brotes wegen nicht in Schulden gerathen." Sie sagten: "Wenn wir russische Pflüge verfertigen und pflügen würden, das wäre wohl schön; in der That, wir selbst sind faul." Jch sagte: "Ihr bebauet nicht viel Acker, die Arbeiten der Russen verrichtet ihr auch nicht; da dies so ist, wie gewinnet ihr denn den Tribut an den Keiser und euren eigenen Lebensunterhalt?" Sie sagten: "Wenn der Sommer kommt, mähen wir Heu für unser weniges Vieh; in einem Jahre, wo es viel Nüsse giebt, sammeln wir Nüsse; wenn der Herbst kommt, jagen wir Wild." Da fragte ich wiederum: "Erwerbet ihr viel mit eurem Nüssesammeln und Wildjagen?" Sie sagten: "In einem Jahre, wo es viel Nüsse giebt, finden wir so viel, als für unsere Nahrung nöthig ist. In einem Jahre, wo es keine Nüsse giebt, reicht das, was wir durch die Jagd erwerben, kaum für den Tribut hin; bei manchen von uns reicht es zum Tribut für den Kaiser nicht einmal hin; deshalb gehen manche von uns zu den Russen und vermiethen sich."

Nun will ich von der Beschaffenheit des von ihnen bewohnten Landes reden. Das von ihnen bewohnte Land ist ringsum Schwarzwald (черень), die Stelle, wo die Häuser stehen, ist an der Mündung zweier Flüsse, von denen der

eine Yngyrgy, der andere Kara Köptschü heist. Der Yngyrgy genannte Fluss fällt von Osten von einem Kara Kaja (Schwarzer Felsen) genanntem hohen Berge herab. Rund um diesen wohnt der Tuba genannte Stamm. Sie pflegen ihm (dem Berge) jährlich Getraide darzubringen. Daher fragte ich sie: "Weshalb bringt ihr diesem Berge jährlich Getraide dar?" Sie sagten: "Als unsere Vorfahren ehemals von den Mongolen bekriegt wurden, war dieser unser Berg unser erhabener Schutzgeist und jetzt noch nährt er uns mit seinen Nüssen und seinem Wilde und giebt uns den Tribut für den Kaiser und deshalb bringen wir ihm auch jetzt noch Getreide dar." Da sagte ich: "Dieser Kara Kaja genannte Berg war wohl ein Anführer des Heeres und beschützte so eure Vorfahren?" Da sagten sie: "Nein! Als das Heer der Mongolen uns verfolgte, flüchtete sich unser Volk auf ihn und drang in ihn ein, da wurde er plötzlich ein von Menschen undurchdringlicher Schwarzwald und das Mongolenheer konnte nichts finden und zog sich zurück."

Doch jetzt wollen wir dem Laufe des Kara Köptschü folgen. Der Kara Köptschü genannte Fluss kommt von Süden her und ergiesst sich in die Bija; seine Quelle entspringt aus einem See, der sich auf der Höhe der zwischen Katunja und Bija sich hinziehenden Berge befindet. Wenn das Eis dieses Sees im Frühling am Rande herum aufthaut, so kommen die Fische, die sich in demselben befinden, am Abend auf das seichte Ufer und spielen. Darauf kommen die Bären und werfen mit den Vorderpfoten die Fische heraus und verzehren sie; so sagt man. Wenn das Eis ganz geschmolzen ist, so gehen die Fische in die Untiefen. Das habe ich von einigen Leuten gehört.

Der Schnee, der sich auf den Gebirgen der Quelle des Kara Köptschü befindet, thaut bis zur Mitte des Sommers nicht. Der Schwarzwald dieser Gebirge beginnt von der Hälfte (der Höhe) und begleitet die Flüsse, die in den Kara Köptschü fliessen. Dieser Schwarzwald hört ein wenig eher (weiter aufwärts), als der Zusammenfluss mit dem Yngyrgy auf. Zwei kleine Flüssen fallen in dem Kara Köptschü, der eine heisst Jan Kösö (der grosse Kösö), der andere heisst Kütschü Kösö (der kleine Kösö); in einen dieser beiden Kösö ergiesst sich ein Flüsschen, Namens Külbüsch. Die Quelle desselben entspringt auf dem hohen Waldberge Ongon. Der grösste Theil der Bäume, die sich bei den vom Ongon herabfliessenden Flüsschen befinden, sind Zirbelfichten (Pinus Cembra, Nussbäume), auch der Wald, der die Ufer der in den Kara Köptschü fallenden Flüsse bedeckt, besteht zur Hälfte aus Zirbelfichten.

In einem Jahre, wo die Nüsse gerathen sind, liefern die besten Bäume wohl anderthalb Pud Nüsse, die schlechtesten fünf Pfund wohl gar noch weniger.

Jetzt will ich das jenen Flüssen lebende Wild aufzählen (wörtl. den Haaren nach nennen). Von den kleinen Thieren ist das verbreitetste von allen der Burunduk (das gestreifte Eichhorn), nach diesem das Eichhörnchen (russ. Bjelka), nach dem Eichhörnchen der Feuermarder; Zobel giebt es nich viel. Das meist verbreitetste vom grossen Wilde ist das Reh, nach diesem das Maral, nach dem Maral der Bär, nach dem Bären der Fuchs, nach dem Fuchs der Haase; Vielfrasse giebt es wenig; anderes Wild giebt es nicht.

Von den im Wasser befindlichen Fischen kommt am meisten die Aesche (Salmo Thymallus) vor, nach der Aesche der Kuskutsch (Salmo Lenoc), nach dem Kuskutsch der weisse Kuskutsch, nach diesem der Taimen, nach dem Taimen die Quappe; Piskare (Cyprinus Gobio) sind wenig. Andere Fische giebt es nicht.

Nachdem wir am Yngyrgy dreimal übernachtet hatten, stiegen wir zu Pferde und ritten am Köptschü entlang bis zu seiner Mündung in die Bija und übernachteten dort. Am folgenden Tage setzten wir über die Bija und erreichten das Dorf der Neugetauften, welches am Flüsschen Käbisän liegt. Das Flüsschen Käbisän liegt aufwärts von der Mündung des Köptschü in die Bija wohl vier Werst. Dieser Käbisän genannte Fluss fliesst von einem am rechten Ufer der Bija gelegenen hohen Berge herab; an den Flüssen, welche von diesem Berge herabfliessen, wohnt der Stamm der Tirgesch.

Wir waren im Frühling zur Zeit des Pflügens gekommen und suchten am Käbisän bis zum Feiertage des Elias Bienen. Während unseres Aufenthaltes hierselbst fanden wir neun Bäume Bienen; von diesen Bäumen Bienen erhielten wir elf Schwärme. Alle Schwärme, die wir in diesem Sommer fanden, waren zwanzig.

Nach dem Feiertage des Elias machten wir unsere Netze zurecht, begaben uns zu der zwanzig Werst aufwärts belegenen unteren Mündung des Teletzkischen See's und fingen dort Häringe (der Kysyk von den Eingeborenen genannte Fisch heisst bei den Russen телетская селедка). Die Fische, die wir ungefähr in der Zeit eines Monats fingen, machten 40 Pud aus. Die dort wohnenden Tirgesch kamen in jeder Nacht fischen. Ihre Netze mochten nicht über 10 Faden lang sein. Obgleich sie mit so kurzen Netzen fischten, fingen sie dennoch mehr, als wir mit unserm 50 Faden langen Netze. Denn beim Fischen banden zwei Leute an die beiden Enden des Netzes Stricke, die Enden der Stricke banden sie zusammen und steckten den Fuss hinein. So mit dem Fusse es haltend, traten sie ins Boot und auf lange Stangen sich stützend zogen sie es wohl 100 Faden

vom Ufer ab. An der Stelle, wo sie das Netz herausholten, sassen sie am Feuer. Jedesmal, wenn sie das Netz herausgezogen hatten, setzten sie sich an die Seite des Feuers und rauchten mit einander Tabak.

Indem sie so fischten, hörte ich von ihren Gesängen einen:

Der mit weissem Nebel bedeck ist,
Des Gold-See's Schönheit (preise ich),
Die das Volk ernähren,
Seiner Fische Geschmack (preise ich).

Die mit dichtem schwarzen Walde bedeck sind,
Der Berge Schönheit (preise ich),
Die das wohnende Volk ernähren,
Des dort lebenden Wildes Fett (preise ich).

Als unsere Nahrung zu Ende ging, sattelte ich mit meiner Frau zwei Pferde und ritt zum Dorfe am Käbisän; dort hielten wir uns zwei Tage auf und besorgten unsere Lebensmittel. Am dritten Tage ritten wir fort und traten auf dem Wege in die am Ufer der Bija befindliche Jurte eines Tädüshek genannten Mannes ein. Dort sass ein Greis mit weissem Haar und wackelndem Kopfe. Ich fragte diesen Greis, wie alt er sei. Der Greis antwortete: "Ich bin sieben und neunzig Jahre alt." Da fragte ich ihn: "Wie viel Jahre wirst du wohl noch leben, Alterchen?" Der Greis sagte: "Ach, mein Kind, was werde ich jetzt noch viel leben, wenn ich vielleicht nicht heute sterbe, so werde ich morgen sterben. Siehst du mich denn nicht? Ich sitze am Rande des Grabes, mein Kind, täglich erwarte ich den Tod."

Da sagte ich: "Jetzt erwartest du den Tod, wo wirst du denn aber nach dem Tode sein? erzähle mir doch dies, Alterchen!"

Der Greis sagte: "Ach, mein Kind, wie soll das wissen? Denn wir sind ja wie das Wild des Feldes aufgewachsen; vielleicht möget ihr das wissen, die ihr die Schriften Gottes sehet, die ihr mit Gottes selbst redet." Da sagte ich: "Ich werde dir von der Schrift Gottes erzählen, wirst du aber auch glauben?" Da sagte der Alte: "Wenn man Gott nicht glaubt, wem soll man denn glauben?"

Ich sagte: "Der Himmel und Erde erschaffen, der die fliegenden Vögel erschaffen, der das laufende Wild erschaffen, der alle lebenden Wesen und alle Menschen erschaffen, es ist der einzige Gott Jesus Christus, einen andern Gott als ihn giebt es nicht. Wer an ihn nicht glaubt, der kommt nicht in sein freudevolles, hehres, dreifach gelobtes Licht (Reich). Denn Gott ist das hellste

von allem Hellen, das erhabenste von allem Erhabenen. Sein Licht wird nie dunkeln, seine Freude wird nie verschwinden, von Ewigkeit zu Ewigkeit wird sie währen. Diejenigen Menschen, die an ihn nicht glauben, werden in seiner freudevollen Seligkeit nich leben."

Da sagte der Alte: "Wir glauben ebenfalls an Gott, wir glauben auch an den Asa (bösen Geist)." Ich sagte: "An was für einen Gott glaubt ihr? Wie heist denn dieser Gott? Sage mir doch dies." Der Greis sagte: "Den Altai-Fürsten, den Himmels-Fürsten beten wir an und opfern ihm Vieh. Auch den erhabenen Bergen und den Flüssen, die uns wie eine Mutter ernähren, bringen wir Getreide dar."

Ich sagte: "Welcher Gott ist von diesen denn der höchste?" Der Greis sagte: "Der höchste von allen ist der Vater aller, Pai Ülgän, nach diesem Ärlik." Ich sagte: "Wenn es so ist, zu welchem von diesen werden denn eure Seelen nach dem Tode kommen?" Da sagte der Alte: "Zu dem Vater aller, zu dem Vater, dem Greise Ärlik werden wir gehen." Ich sagte: "Die übrigen gehen also leer aus?"

Der Alte sagte lächelnd: "Alle Menschen stammen vom Vater Ärlik ab, wie sollen sie nicht zu ihm kommen? Denn von diesen stammen alle Menshen ab; wir sind seine Nachkommen, wo er sich jetzt befinden wird, da werden wir auch sein."

Ich sagte: "Ärlik ist nicht Gott, auch Ülgän ist nicht der alles Sichtbare und alles Unsichtbare erschaffen, der einzige Gott Jesus Christus ist Gott! Alle übrigen sind nicht Gott. Ihr betet die Berge und das Wasser an, sie sind nicht Gott, sie sind die geschaffenen Werke des wahren Gottes. Anstatt diese Berge und diese Flüsse anzubeten, betet zu dem Gotte Jesus Christus selbst, der diese Berge und Flüsse erschaffen und danket ihm dafür, dass er diese Berge und Flüsse erschaffen hat."

Der Alte sprach: "Wie muss man denn zu ihm beten? Sage mir doch dies." Ich sagte: "O mein Gott Jesus Christus, du hast allerlei Flüsse geschaffen, die erhabenen Berge hast du erschaffen, den Himmel und die Erde und Alles, was sich daranf befindet, hast du geschaffen, zu dir möge dein Dank gelanfen! So bete!" sagte ich. Er schwieg; ich sagte weiter: "Denn wenn ein Mensch für einen Andern ein mit Sachen gefülltes Haus zurichtet und es ihm giebt, wem wird der Mensch, der dies empfangen hat, danken? Dem Hause oder dem Geber?" Der Greis sagte: "Potztausend, wem denn anders, als dem Menshcen, der das Haus mit den Sachen zugerichtet und gegeben hat; soll er etwa dem Hause seinen Dank darbringen?" Da sagte ich: "Weshalb danket ihr nicht dem Gotte, der

Alles, was dem Menschen auf Erden und im Himmel nöthig ist, geschaffen, sondern glaubet an das von ihm Geschaffene, an den Himmel und die Erde?"

Der Greis sagte: "Wir sind wie das auf dem Felde aufgewaschene Vieh, was werden wir wissen? Ihr, die ihr die Schrift Gottes in der Hand haltet, die ihr mit Gott selbst geredet, ihr werdet es wissen." Ich sagte: "Du lass dich taufen! du wirst wie ein Kind Gottes sein; Gott wird sein erhabenes Licht verleihen!" Er sagte: "Wenn du mich taufen willst, so sage mir, weshalb man sich eigentlich taufen lassen muss. Denn wenn ich auch ungetauft den Christus genannten Gott anbeten möchte, wie du es mich lehrst, so denke ich dennoch, dass ich wohlgefällig sein werde." Ich sagte: "Gott hat selbst gesagt: ""Welcher Mensch nicht wiederum vom Wasser und vom heiligen Geiste Gottes geboren wird, der kommt nicht in das Licht Gottes.""

Der Greis sagte: "Wie soll der Mensch im Wasser geboren werden? Die Erklährung davon theile mir doch mit, mein Kind!" Ich sagte: "Der wahre Gott Jesus Christus ist um der Sünden aller Völker willen vom Himmel zur Erde herabgestiegen, in den Leib eines heligen Mädchens eingetreten, hat das sündige Fleisch der Menschen auf sich genommen und nachdem er am Kreuze gelitten und gestorben, ist er am dritten Tage auferstanden und am vierzigsten Tage auf den Himmel gefahren. Wenn man von der Zeit an einem Menschen tauft und Auferstehung Jesu Christi nach dreitäglichem Tode nachahmend den Menschen dreimal im Namen Gottes in's Wasser taucht, so wird dieser vom Wasser und vom heiligen Geiste Gottes wiedergeboren. Die Seele des Menschen, welcher so wiedergeboren ist, wird durch das Licht Gotes erleuchtet, und wird dieses wieder ausstrahlen (diesem ein Reflex wird sie sein). Denn der so getaufte Mensch zieht Christus an. Deswegen wird dieser Mensch wie ein Kind Gottes sein."

Der Alte fragte: "Weshalb sind denn die nicht getauften Mencshen schuldig und kommen nicht in das Licht Gottes?" Darauf erzählte ich ihm, beginnend mit dem Sündenfall Adam's und Eva's, die Geburt Jesu Christi, alle seine Leiden, wie er gestorben, am dritten Tage wieder auferstanden und am vierzigsten Tage aufgefahren und wie er am jüngsten Tage kommen wird, um alle Todten und Lebendigen zu richten. Nachdem der Alte dies Alles schweigend mit angehört, sagte er: "Ich werde vielleicht heute oder morgen sterben, mein Kind! Wer wird mich taufen, wenn kein Priester da ist?" Ich sagte: "Mit einer Gelegenheit werde ich dem Priester einen Brief senden, du lerne hier die Gebete Gottes!" Da sagte der Alte: "Nun, so mache mir das Zeichen Gottes und dei eigenes Kreuz." Ich

lehrte ihn die Gebete Gottes, nahm mein Kreuz von meinem Halse und legte es um seinen Hals.

Nachdem ich so den Alten, der Ülüschtäi hiess, zur Taufe vorbereitet hatte, lud ich mit meiner Frau den für uns zurecht gemachten Proviant auf und wir begaben uns zu unserm Hause am Teletzkicshen See. Als ich dort hingekommen war und Fische fing, schickte am vierten Tage Vater Stephan von Käbisän aus einen Menschen zu mir und liess mich rufen. Da sagte er: "Als ich diesen von dir zur Taufe vorbereiteten Alten taufen wollte, sagte er: "Wenn derjenige, der mir das Kreuz gegeben, nicht selbst (hierher) kommt, so lasse ich mich nicht taufen. Deswegen habe ich zu dir einen Menschen geschickt." Da fragte ich den Alten: "Weshalb lässt du dich von diesem Priester nicht taufen?" Der Alte sagte: "Ich meinte, dass mich ein falscher Priester zum Truge taufen wolle und liess mich nicht taufen."

Ich sagte: "Dieser Priester ist der in unserm Dorfe Ulalu wohnende, Vater Stephan genannte Oberpriester." Da sagte der Alte: "So möge er mich taufen." So taufte ihn der Vater Stephan und nannte ihn Peter.

Am zweiten Tage kam Vater Stephan mit mir zu meinem Hause. An dem Tage, an welchem wie gekommen waren, fanden meine Dienstleute, als sie bei meinem Hause Holz fällten, einen Baum mit Bienen. Wir hieben ihn um und verzehrten den Honig. Vater Stephan gab mir am folgenden Tage sechs Kreuze und sagte: "Mit meinem Segen gebe ich dir die Kreuze, gieb sie Leuten, welche sich ebenfalls taufen lassen wollen. Nachdem mir so Vater Stephan seinen Segen ertheilt, kehrte er zum Ulalu zurück. Ich begleitete ihn bis zur Ueberfahrt über die Bija, welche sich 20 Werst abwärts vom See bei dem Dorfe Käbisän befindet; und als er übergesetzt war, kehrte ich wieder zu meinem Hause zurück.

Als ich eines Tages um Mittagzeit in meinem Hause sass, kamen zwei Menschen dorthin. "Bist du wohl?" sagten sie. "Ich bin wohl", sagte ich. "Was hört man Uebles", sagte sie. "Nichts. Aber was giebts bei euch Uebles zu hören?" sagte ich. "Nichts. Gerüchte, die den Leuten interessant zu hören sind, giebst nicht", sagten sie. Tabak rauchten sie, die Pfeife gaben sie mir. Des einen Pfeife nahm ich und gab sie dem andern und dessen Pfeife wieder nehmend, gab ich sie dem, der mir die Pfeife gegeben hatte.

"Findest du viel Fische?" sagten sie. "Ich finde wohl. Wohin geht ihr aber, Brüder?" sagte ich. Sie sagten: "Bis hierher sind wir gekommen. Wir sind hungrig, hast du getrocknetes Brot?" Ich sagte: "Ich habe, doch wartet, ich werde für euch Fische kochen lassen, getrocknetes Brot allein macht nicht satt."

"Gut", sagten sie. Ich liess für sie Fische kochen. Wie vorher plauderten sie laut mit mir. Wieder fragte ich: "Von hier aus wo werdet ihr hingehen?" Sie sagten: "Wir werden von hier aus einem Bote zum Tscholyschman fahren." Ich fragte: "Was habt ihr denn am Tscholyschman so nothwendig zu thun, dass ihr nicht Nüsse sammelt und dorthin eilt?" Sie sagten: "Im Unglück ziehen wir dort hin." Ich sagte: "Was ist euch denn für Unglück passirt?" Der eine sagte: "Im vergangenen Winter ist mein Vater und dieses meines Freundes Frau gestorben. Deswegen gehen wir zum Tscholyschman, denn dort giebt es einen Schamanen, der Nijas heisst, zu dem fahren wir, wollen ihn her holen und das Schwarze unseres Hauses von ihm vertreiben lassen. Ich fragte: "Was ist denn das, was ihr des Hauses Schwarzes nennt?" Sie sagten: "Nach dem Glauben unseres Volkes bleibt in dem Hause desjenigen Menschen, bei welchem Jemand gestorben ist, das Schwarze des Verstorbenen, der Todesbringer, in jenem Hause. Wenn man sein Haus nicht reinigt, indem man diesen vom Schaman vertreiben lässt, so wird er jenem Menschen auch Böses zufügen."

Ich sagte: "Giebt es denn in diesem Volke der Tirgesch keinen Schamanen, um ihn zu vertreiben?" Sie sagten: "Es giebt in dem ganzen Vater Schwarzwald nicht einen Schamanen, der dem Nijas der Tölös-Leute gleich kommt."

Da erzählte ich ihnen: "Der Gott Jesus Christus, der den Himmel und die Erde erschaffen konnte, der allein kann das Unreine des Menschen reinigen und des Hauses Teufel vertreiben. Kein anderer als dieser, was es auch für ein Schaman oder Mensch sei, kein Anderer als Gott kann es reinigen." Sie sagten: "Unsere berühmten Schamanen können auch Gott rufen und vertreiben." Ich sagte: "Was für einen Gott können denn eure Schamanen rufen?" Der einer sagte: "Den Vater aller, den Pai Ülgän, und mit diesem zugleich den Wirth der Erde und der Flüsse." Ich sagte: "Land und Flüsse, alles Sichtbare und Unsichtbare, alle lebenden Wesen, Himmel und Erde und diese ganze Welt, alles dies hat der eine Gott Jesus Christus in fünf Tagen fertig geschaffen und am sechsten Tage hat er den Vater aller Völker, einen Adam genannten Menschen erschaffen; einen andern Gott giebt es nicht. Der Gott, an welchem ihr glaubt, ist nich Gott. Gott ist nicht Land, nicht Himmel, nicht Sonne, nicht die erhabenen Berge, nicht Meer und Flüsse, er ist nichts Körperliches; der wahre Gott ist Jesus Christus, der immer gewesen ist und immer sein wird, er hat dies Alles in Allem in fünf Tagen erschaffen und am sechsten Tage hat der Vater aller Menschen den Adam erschaffen."

Da sagte der eine junge Mensch: "Du erzähle mir doch, wie dieser Vater aller Menschen, der Adam erschaffen worden ist! Ich will auch heute in der Nacht für dich Fische fangen." Da sagte ich: "Wenn ich zu faul bin, einem Menschen, der mich bittet, das Wort Gottes zu erzählen, so wirds' für mich Sünde sein. Denn Gott hat gesagt: "Vertreibe nicht den, der zu mir kommt!" Deswegen, wenn ich faul bin, dem Menschen, der mich bittet, das Wort Gottes zu erzählen, wird es für mich Sünde sein. Für denjenigen aber, der das Wort Gottes gehört hat, ist es Sünde, wenn er nicht daran glaubt." Darauf sagte jener: "Wenn ein Mensch, der die Schrift Gottes gesehen und gelernt hat, sie mittheilt, weshalb soll man daran nicht glauben". Da erzählte ich ihm von Adam anfangend alles bis zur Geburt Jesu Christi und berichtete ihm, wie am jüngsten Tage Christus kommen werde, um über die Lebendigen und die Todten Gericht zu halten.

Der Abend brach herein, jener Jüngling blieb in meinem Hause zurück, der andere ging davon, um in einem andern Hause zu übernachten. Als die Nacht hereinbrach, begannen wir die Fische, die wir zu fangen pflegten, zu fischen. Jener Iwan genannte junge Mensch war mit uns zusammen da.

Am andern Tage sagte jener Iwan: "Nacht zwei oder drei Tagen will ich die Meinigen hierher bringen; wirst du ihnen da das Wort Gottes mittheilen?" Ich sagte: "Weshalb soll ich es nicht mittheilen? Bringe sie hierher!"

Iwan ging nicht zum Schaman am Tscholyschman, sondern kehrte nach Hause zurück. Sein Freund, der mit ihm gekommen war, begab sich zum Tscholyschman. Iwan, der nach Hause zurückgekehrt war, kam, nachdem er dreimal übernachtet hatte, am vierten Tage und brachte seine Mutter, seine jüngere Schwester und jüngern Bruder mit.

Bei ihrer Ankunft liess ich ihnen Fische kochen. Ich selbst theilte ihnen die Lehre der heiligen Schrift Gottes mit. Sie hörten mit Wohlgefallen die Worte der Schrift Gottes mit an. Der Abend brach an, sie übernachteten. Am andern Tage sagte Iwan: "Heute ist das Erntefest (Hülfeleistung)[61] des Oroshok Saisan. Wir werden zu den Erntefest desselben gehen. Damit mich die Leute nicht schlagen, weil ich zum Christenthum übergehen will, so komm du hin, Michael Wassiljewitsch, und sieh auf mich." Nachdem er so gesprochen, gingen sie fort.

Als ich mein Gewehr auf die Schulter genommen und zu dem Felde, wo sie das Getraide mähten, auf Jagd auf Hasselhühner gegangen, schnitten ungefähr

[61] Момочы heisst Hüfeleistung aus dem Russischen помощъ, weil die Nachbaren bei der Ernte zur Hüfeleistung herbeikommen.

dreissig Leute Gerste. Einige schnitten mit Sicheln, andere rissen das Getraide aus, traten mit dem Fuss auf die Wurzeln und schnitten es mit dem Messer ab. Ich sagte: "Weshalb mähet ihr nicht alle mit Sicheln und quälet euch nur auf diese Weise ab?" Sie sagten: "Unter uns giebt es einige Leute, die seit der Geburt von der Mutter keine Sichel in der Hand gehalten haben, deshalb reissen wir es nach der frühern Sitte aus und schneiden es mit dem Messer ab." Ich sagte: "Kann man denn nicht lernen mit der Sichel zu schneiden?" Sie sagten: "Wenn die Kumandinen die Sichel nicht hierher gebracht und verkauft hätten, so würden auch diese Sicheln nicht hier sein. Da wir unsere frühere Arbeit erlernt hatten, so haben wir auch bei unserm Aufenhalte bei den Russen keine gekauft."

Von da kam ich nach meinem Hause zurück. Als die Sonne sich bis zu den Spitzen der Berge herabgesenkt hatte, kamen von dem obenerwähnten Oroshok Saisan Leute mit einem Boote zu mir und sagten: "Der Saisan ruft dich zu sich; lass uns fahren!" Ich setzte mich mit meiner Frau in das Boot der Leute, die gekommen waren und wir fuhren zur Jurte des Saisan.

Als wir ankamen, sassen wohl 40 Menschen betrunken da. In der Mitte hatten sie ein Feuer angemacht und kochten in einem grossen Kessel die ganzen Knochen von Pferden, ohne sie zu zerbrechen. Als der Saisan uns kommen sah, führte er uns bei den Händen zu dem Teppich, auf welchem er selbst sass und hiess uns niedersetzen. Er nahm eine Lederflasche Branntwein und bewirthete uns. Ich trank, meine Frau trank aber nicht. Sie nahmen das gekochte Fleisch aus dem Kessel und assen es. Ich sah zu; nicht einer hatte die Hände gewaschen, sie assen und hielten das Fleisch mit den Händen, die noch ganz schmutzig waren vom Getraidemähen. Als das Fett des Fleisches mit dem Schmutz der Hand vermischt herabfloss, leckten sie die Hanhflächte ab und lutschen an den Fingern. Branntwein tranken sie. Jemehr die Nacht zunahm, um destomehr nahm auch der Lärm zu. Einige fingen an zu singen, einige fingen an sich zu prügeln. Die Hälfte ging hinaus, zog sich nackt aus und prügelte sich; einem Theil wurden die Zöpfe abgerissen, andere schlugen mit Feuerbränden auf einander los. Als sie sich so geprügelt hatten, setzten sie sich wie Kinder, die sich im Spiele geprügelt, zusammen nieder und fingen an, ohne gegen einander aufgeregt zu sein, zusammen Branntwein zu trinken. Als wir so da sassen, brach wieder ein Lärm los. Als ich nachsah, umringten sie den Iwan und wollten ihn schlagen, da er sich taufen lassen wollte; da stellte ich mich auch auf meine Füsse.

Als Iwan mich erblickt hatte, sagte er: "Oben Gott, unten den erhabenen Herrn (Kaiser) anrufend, denke ich mich taufen zu lassen; diese wollen mich deshalb schlagen. Um Gottes willen schütze mich vor diesen!" Ich sagte: "Ihr rühret diesen nicht an! Wenn ihr diesen schlagen würdet, so würde ich dem Gericht eine Schrift einreichen." Der Saisan sagte: "Redet im Guten, schlaget ihn nicht!" Da setzten sich einige von ihnen nieder, andere umarmten und küssten den Iwan. Als sie so da sassen, ging Iwan hinaus und machte sich davon; ich wartete und wartete; als er nicht kam, kehrte ich in mein Haus zurück und fand den Iwan in meinem Hause sitzen.

Es war noch nicht eine halbe Stunde nach unserer Ankunft im Hause verflossen, als hinter uns her acht Leute anlangten. Iwan hatte zu der Zeit seine Stiefel ausgezogen und sich hingelegt. Der eine von diesen acht Leuten, welcher Tanila hiess, sagte zu jenem Iwan: "Dich ruft der Saisan; zieh schnell deine Stiefel an! Lass und gehen!" Iwan sagte: "Was will denn der Saisan in der Nacht mit mir machen? Ich fahre nicht." Sie sagten: "Der Saisan lässt dich rufen, um dich an Stelle deines Vaters zum Temitschi einzusetzen." Iwan sagte: "Weshalb hat denn der Saisan eine Armee gesendet, um mich zum Temitschi einzusetzen? Ihr wollt mich täuschen, weil ich mich taufen lassen will und wollt mir vom Saisan Vorwürfe machen lassen; ich komme nicht." Sie zogen dem Iwan mit Gewalt die Stiefel an. Iwan nahm sie und warf sie fort. Jener Tanila sagte: "Lasset uns diesen mit Stricken binden und lasset uns gehen."

Wir lagen und sahen zu, was wohl geschehen würde. Sie nahmen einen Strick von irgendwoher und banden den Iwan. Iwan schrie: "Um Gottes willen, rettet mich von diesen!" Ich sagte zu meinem Schwiegersohn und zu meinem Dienstleuten: "Prügelt diese Leute mit der Peitsche!" Mein Schwiegersohn Jakob und meine Dienstleute sprangen von ihrem Lager auf und jene entflohen wie scheue Pferde. Einige traten ins Boot, einige entflohen über die Berge. Sie kehrten zurück, wir legten uns hin und schliefen.

An andern Tage kamen wiederum Leute vom Saisan, acht Männer und vier Weiber. Sie sagten zum Iwan: "Du Iwan bist doch ein dem Volke nothwendiger Mensch, wir gedachten dich an Stelle deines Vaters zum Temitschi einzusetzen. Du hast dich von uns gleichsam entfernt; wenn du dich taufen lässt, so werden wir dir nicht mehr Verwandte sein, denn dein Herz (eigentlich deine Leber) wird von uns entfremdet sein." Iwan sagte: "Sterbe ich denn, dass ich mich von euch entferne und mein Herz sich entfremdet? Wenn ich mich auch taufen lasse,

werde ich denn euch vergessen und wie ein Vogel davonfliegen, oder wie ein Maral davoneilen? Was weint ihr denn über mich?" Einige von den Weibern weinten, andere verfluchten den Iwan. Einige sagten: "Du Bruder, weshalb sinnst du denn so darauf, dich taufen zu lassen? Reicht deine Speise nicht hin? Reich deine Kleidung nicht hin? Haben deine Verwandte dich erzürnt? Weshalb grollst du so, stösst uns von dir und willst dich taufen lassen? Wenn dir irgend etwas abgeht, verbirg es nicht, sage es uns! Wir wollen in dem, was dir fehlt, dir beistehen. Alle Leute, die hier sind, sind doch deine Verwandte; wenn du sie siehst, hast du kein Mitleid? Ach Bruder, lass diesen deinen Gedanken fahren!"

Iwan sagte: "Oben Gott rufe ich an, unten meinen Keiser! Ihr werdet mich nicht davon abbringen; statt dessen kehret in eure Jurten zurück und kommt mich mehr zu mir!" Da fingen alle Weiber und Männer an mit einander zu weinen. Die Mutter und jüngere Schwester Iwan's, als sie sie weinen sahen, konnten sich nicht halten und fingen ebenfalls an zu weinen.

Iwan sagte: "Nun, jetzt schicke einen Brief zum Priester! Er möge kommen und uns taufen!"

Am zweiten Tage legte ich die Kreuze, welche der Vater Stephan mir gegeben, um den Hals dieser vier. Als darauf nach zwei oder drei Tagen ein Mirop genannter Mann aus Maima, einem etwa 7 Werst abwärts von unserm Ulalu gelegenen Dorfe, in mein Haus kam, schrieb ich dem Vater Stephan einen Brief und schickte ihn mit diesem Menschen zum Ulalu. Nach Abgang dieses Briefes war wohl mehr als ein Monat verflossen, als Vater Wasilii und Vater Smaragd kamen und sie tauften. Iwan erhielt den Namen Johannes, seine Mutter erhielt den Namen Anna, seine jüngere Schwester wurde Awdotja genannt und sein jüngerer Bruder Simeon.

Nachdem wir die gefangenen Fische eingesalzen, einen Speicher gezimmert und sie dort untergebracht hatten, nahm ich für 230 Rubel Banko Waaren mit mir und fuhr mit meiner Frau und meinen Dienstleuten in zwei Böten den Teletzkischen See entlang zu den am Tscholyschman wohnenden Tölös und trieb Handelsgeschäfte.

Wir fuhren von der Mündung des Teletzkischen Sees aus, am rechten Ufer entlang, erreichten die Mündung des Kamgy genannten Flusses und übernachteten daselbst. Ungefähr 7 Werst abwärts vom Kamgy befindet sich ein Bach, welcher sich in den Teletzkischen See ergiesst und Jailu Ashy genannt wird. Die Uferbeschaffenheit desselben ist eine mit kleinen Hügelchen besetzte

Niederung. Das Ufer ist mit Birkengestrüpp, Fichten, Lärchenbäumen und einigen wenigen Espen bewaschen. Ich fragte: "Weshalb ist denn hier so dichtes Gestrüpp gewaschen?" und die Leute vom Artu Ashy antworteten mir: "Früher hat das Volk der Tirgesch dort gewohnt; als bei ihrem dortigen Aufenthalte viele Leute am hitzigen Fieber gestorben waren, zogen wir Teletzkischen See abwärts und wohnen jetzt vom Artu Ashy an an den FLüsschen, die sich in die Bija ergiessen. Diese niedrigen Bäumchen sind an der Stelle unserer Aecker gewachsen", sagten sie.

Der Kamgy fällt von Nord-Osten in die Teletzkischen See. Zur linken Seite desselben sind waldige und steinige Berggruppen, die Gipfel dieser Berge sind steinig und ohne Bäume, auch an einigen Stellen sind Bergstürze. Der dort befindliche Schnee thaut bis zur Mitte des Sommers nicht vollständig. Am rechten ofer sind buntscheckige, mit Schwarzwald bedeckte Berge. Zu beiden Seiten dieses Flüsschens Kamgy sah ich Spuren, die den Spuren des Wildes (blauen Viehes) gleichen. Einige Spuren erkannte ich, andere erkannte ich nicht. Als ich die Tölös fragte: "Was sind denn das für viele Spuren?" so antworteten sie mir: "Da giebt es viele Elenthiere, Antilopen und Bären. An den Uferebenen dieses Kamgy sind Seen, zu denen die Elenthiere und Antilopen sich zu begeben pflegen, denselben aufzulauern und sie zu schiessen, ist gefährlich, denn die Bären schleichen sich wie Menschen zum See heran. Wenn im Frühling die baumlosen Bergabhänge zu beiden Seiten desselben aufthauen und das Grün hervorspriesst, so kommen die Bären in Heerden zu diesen baumlosen Abhängen und suchen ihre Nahrung. An den baumlosen Abhängen des Teletzkischen Sees selbst giebt es ebenfalls viele (Bären). Um seine Bären zu schiessen, befahren wir in Böten den See entlang und spähen sie aus und dann schiessen wir sie. Im Kamgy selbst sind viele Fischottern und Fische. Im Walde bei den Bächen, die in demselben fliessen, sind viele Bienen.

Nachdem wir zwei Nächte an der Mündung des Kamgy übernachtet und von dort weiter gefahren waren, stand nah beim Ufer des Sees ein aus dem Wasser hervorragender Stein; wir fuhren durch die Mitte desselben zu Boote hindurch. Die Tölös nannten diesen Airy Tasch (gespaltenen Felsen). Sie erzählten uns, dass ehedem Mongolische Soldaten auf Flössen den See abwärts befahren hätten und hier untergegangen sein. Nachdem wir hier hindurch gefahren waren, ruderten wir am Ufer entlang. An einer Stelle fällt vom Felsen das Wasser zum See herab, die Höhe, von der es herabfällt, mag, meiner Meinung nach, wohl

dreissig Faden betragen. Als wir an seiner Seite enlang vorbeifuhren, konnte man, obgleich wir in einem Boote sitzend uns unterhielten, vor dem Geräusch des Wassers nicht die menschliche Stimme vernehmem, und ein Luftzug traf uns beim Vorüberfahren wie ein Wind. Als wir von dort aus weiter gefahren waren, sahen wir, wie ein von Osten herfliessender Fluss zwischen zwei Felsen herabfällt. In dem Wasser dieses Flusses zeigen sich dicht aneinanderliegende grosse Steine. Wenn auch ein Mensch zu Fuss auf diesen hohen Steinen den Fluss zu Fuss überschreitet, sieht er doch an manchen Stellen den Grund des Wassers nicht. Als ich die Tölös nach dem Namen dieses Flusses fragte, nannten sie ihn mir Köptschü. An seiner Quelle sind Marale, Elenthiere, Bären und Antilopen sehr viel. Die Berge, die bei den Quellen des Köptschü sind, sind höher als alle übrigen Berge des Teletzkischen Sees. Denn der auf diesen Bergen befindliche Schnee thaut bis zum Herbst nicht gänzlich ab. Ich selbst habe mit meinem Augen gesehen, dass auf den Gipfeln dieser Berge keine Bäume waren, sondern bunte Schneemassen.

Von der Mündung dieses Köptschü fuhren wir nicht weit und übernachteten. Am folgenden Tage erreichten wie die Tölös, welche am Tschölüsch wohnen und übernachteten daselbst. Am folgenden Tage machten wir mit ihnen Handelsgeschäfte, ich kaufte von ihnen zwölf Pud Nüsse, das Pud kam mir fünfzehn Kopeken Silber zu stehen. Ich schätze die dort wohnenden Tölös auf ungefähr zwölf Jurten. Die von ihnen bebauten Felder befinden sich zwischen dichtstehenden Baumstümpfchen. Ich fragte sie: "Weshalb leget ihr eure Felder nicht auf baumlosen Stellen, sondern auf so dicht mit Baumstümpfen besetztem Lande an?" Sie sagten: "Wenn wir auf baumlose Stellen die Aecker verlegen wollten, so ist das Land dort hart und es ist schwer, es mit der Hacke zu bearbeiten. Daher pflegen wir, um Ackerland einzurichten, drei Jahre vorher die Bäume von dicht mit Bäumen bewachsenem Lande zu fällen. Wenn die umgefällten Bäume drei Jahre lang liegen, so verfaulen die Wurzeln der Pflanzen, die sich unter den Blättern dieser (Bäume) befinden. Ausserdem sammeln sich daselbst Mäuse und Maulwürfe, und indem diese dort graben, wird (das Land) weich. Deshalb sind unsere Aecker mit Baumstümpfen besetzt."

Wieder fragte ich: "Fällt in diesem Lande der Schnee hoch?" Sie sagten: "Auf den Bergen dieses Landes von der Hälfte bis herab zum Teletzkischen See selbst pflegt kein Schnee zu fallen und wenn er auch einmal fällt, so verschwindet

er, nachdem er ein oder zwei Tage gelegen. Deshalb halten wir auch Schafe und Ziegen den Winter hindurch und füttern sie.

Als wir von dort am Ufer des Teletzkischen Sees enlang fuhren, standen nah an den obern Ende des Sees, nicht weit vom Ufer desselben, ungefähr 10 Steine; der Abstand zwischen ihnen war nicht gross. Da sie mir merkwürdig vorkammen, hielt ich besonders (ihrethalben) dort an und besah sie. Auf dem Gipfel des einen stand ein aus Holz verfertigtes Kreuz; was die Form jener Steine betrifft, so sind ihre Gipfel zugespitzt, wie eine hohe Kirche. Was ihre Farbe betrifft, so ist eine Schicht schwärzlich, eine andere weisslich gelb, bei einigen röthlich; bei diesen drei Schichten ist aber keine Naht zu bemerken. Ich dachte mir in meinem eigenen närrishen Sinne, dass, als einst die Ueberschwemmung über die Erde herausgetreten, des Wassers Welle den Sand zusammengetrieben habe und dieser dann hart geworden sei und in einem Stein sich verwandelt habe. Nachdem wir so bewundernd dies betrachtet hatten und weiter gefahren waren, brach die Nacht ein, ehe wir noch die Mündung des Tscholyschman erreicht hatten. Als wir aber uns beeilten, um bei Nacht die Mündung des Tscholyschman zu erreichen und dort zu übernachten, wurde bei der Mündung dieses Flusses in den Teletzkischen See an zwei Stellen Feuer sichtbar; um dies zu erreichen, ruderten wir bei Nacht fort. Da wir nun so das Feuer, das wir erblickten, zu erreichen strebten, konnten wir nicht grade fahren, und fuhren auf dem seichten Ufer fest. Wo das Feuer sich uns zeigte, mochte wohl noch eine halbe Werst entfernt sein. Als wir so zu jenem Feuer von der seichten Stelle aus nicht grade fahren konnten, ruderten wir wieder der Mitte des Teletzkischen See zu und suchten die Mündung des Tscholyschman. Da begann das Wasser des Teletzkischen Sees Wellen zu schlagen. Meine Frau fürchtete diese Wellen, stieg ans Ufer und weinte. Da ich keine Rettung fand, ruderte ich am Rande der seichten Stelle entlang, legte Holz ins Wasser und sah zu. Als das Holz, das ich an einer Stelle hineingelegt hatte, fortzuschwimmen schien, meinten wir, dass dies wohl die Mündung des Tscholyschman sein möchte. Als wir hinruderten, war es in der That die Mündung eines Armes des Tscholyschman. Als wir ihn entlang ruderten und das vorher gesehene Feuer erreichten, war kein Mensch dort. Wir schleppten alles im Boote Befindliche zu jenem Feuer und was wir uns gefürchtet, das freuten wir uns jetzt, was wir geweinet, das lachten wir jetzt. Wir blieben daselbst diese Nacht, leuchteten in der Nacht an der Tscholyschman-Mündung Fische, stachen zwei Taimene, kochten und verzehrten sie.

6 Заказ 2621

Am folgenden Tage fuhren wir den Tscholyschman aufwärts, indem wir in Böten uns mit Stangen fortstiessen; auf einer Flussinsel standen zwei Gitterjurten. Um in diesem Hause zu handeln, stiegen wir am seichten Ufer dem Hause gegenüber aus und besorgten unsern Kessel. Da kamen aus jenem Hause zwei Menschen zu uns, ein alter Mann und eine alte Frau. Sie kamen, setzten sich. "Was giebst zu hören?" fragten sie. "Nichts ist zu hören, was giebst aber bei euch?" sagten wir. "Nichts", sagten sie. "Was habt ihr zu verkaufen?" sagten sie. Wir sagten: "Daba (ein Baumwollenzeug), Nankin, Salz." Sie sagten: "Nimm deine Waaren und komm in mein Haus. Dort wollen wir handeln." Darauf nahmen wir unsere Waaren, gingen zu dem Hause und handelten.

Er brachte zwei Pelze Filz und legte sie an unsere Seite. Darauf nahm er von meinem Waaren zwei Lagen Nankin, sprach kein Wort und legte sie an seine Seite. Da ich nun ihre Sitten nie vorher erfahren hatte, fragte ich: "Was gebt ihr für die beiden Lagen Nankin." Sie sagten: "Du bist wohl ein Mehsch, der niemals in diesem Lande Handel getrieben? Du kennst die Sitten unseres Volkes beim Handeln nicht. Den Preis, den ich für diese beiden Pelze Filz, die ich an deine Seite gelegt, abgeschätzt habe, sind diese beiden Lagen Nankin. Denn unser Volk pflegt beim Anfange des Handels so eintauschend zu nehmen, indem man schweigt und den Preis nicht ausspricht, sondern in seinem Innern abschätzt." Als ich die beiden Pelze Filz abschätzte, mochte ich wohl, wenn ich auch billig verkaufen würde, von einem Rubel zwei Rubel gewinnen, die beiden Lagen Nankin hatten mich einen Rubel gekostet. Nachdem wir so getauscht, ging ich zu meinem Zelte zurück, darauf stiegen wir in unsere Böte und fuhren den Tscholyschman weiter aufwärts.

Von der Mündung des Tscholyschman an, ungefähr sieben Werst, kamen wir zu eine Stelle, wo fünf Häuser standen. Auf dem Uferkiese diesen Häusern gegenüber stiegen wir aus und handelten auch mit den in diesen Häusern wohnenden Leuten in der Art, wie wir vorher gehandelt. Ungefähr ein Pfund Salz gaben wir für ein Schaffell, eine Lage Nankin gaben wir für einen Pelz Filz. Als wir so gehandelt hatten, traten wir in die Jurte eines Tölös. Da standen zwei Schamanentrommeln, sassen zwei Weiber und ein Mann. Als ich sie begrüsst hatte und mit ihnen mich unterhielt, fragte ich: "In eurer Jurte sind doch zwei Frauen, warum sind keine Kinder da? Es ist doch nur ein Mann da, weshalb sind zwei Schamanentrommeln da?"

Da sprach jener Mann: "Zwei Frauen habe ich gemommen, Kinder sind aber nicht da. Entweder giebt nun Gott (mir) keine, oder ich selbst habe keinen Samen. Meine erste Frau und ich selbst sind Schamanen, und wir haben swei Schamanentrommeln zugerichtet, und wenn wir auch abwechselnd schamanisirten, hätten wir doch keinen Nutzen davon."

Da sagte ich: "Wenn ihr schamanisirt, welchen Gott ruft ihr denn an?" Er sagte: "Beim Schamanisiren rufen wir unsere siebzig Berge, unser Land und unser Wasser, den Vater Aller, den Pai Ülgän und den Ärlik an. Da erzählte ich ihnen alles von der Vollendung der Erde an bis zum Untergang der Welt. Sie hörten die Lehre dieses heiligen Glaubens mit Wohlgefallen an. An dieser Stelle, wo wir übernachtet, blieben wir sechs Wochen und besserten unsere Böte aus. Da kam diese Schamanin jeden Tag in unser Haus und fragte die Lehren des göttlichen Glaubens. Jedesmal, wenn sie kam, berichtete ich ihr. Wenn zu jener Zeit dort ein Priester gewesen wäre, so wären sie zum Christenthum übergegangen. Da aber kein Priester da war, so blieben sie so.

Als wir sechsmal übernachtend unsere Böte fertig gemacht hatten, folgten wir dem Laufe des Tscholyschman zu Boote, landeten ein wenig diesseits der Mündung des Baschkans und handelten mit den dort wohnenden Tölös. Dort übernachteten wir einmal; am folgenden Tage bat ich von einem Tölös, Namens Pyryng, zwei Pferde und ritt mit meiner Frau zu den an der Mündung des Baschkans in den Tscholyschman liegenden Jurten. Als wir hingelangt waren, standen dort ungefähr 30 Gitterjurten. Bei ihnen verkauften wir die noch übriggebliebenen Waaren.

Ich fragte den Tölös Pyryng: "Ist es vorheilhaft zu den Sojonen am Kemtschik zu fahren und dort Handel zu treiben?" Er sagte: "Wenn man zu den Sojonen fährt und dort russische Waaren einhandelt, so haben sie einen hohen Preis (ihnen gehen sie theuer). Wenn man aber ihre Waaren eintauscht, so kommen sie sehr bilig zu stehen. Wenn man von russischen Waaren das einen Rubel Kostende verkauft, so wird man von ihnen fünf Rubel Kostendes erhalten. Wer ungefähr ein Pfund Tabak verkauft, erhält einen Pelz Filz. Ein Pelz Filz kostet, wenn man zu den Schwarzwald-Tataren fährt, bis zu fünf Rubeln. Ungefähr ein Pfund Eisen kostet am Kemtschik bis zu zwei Schaaffellen; was du auch für Waaren gegen die ihrigen umtauschen mögest, was einen Rubel kostet, wird auf 5 Rubel zu stehen kommen.

Wenn nun auch der Handel gut ist, so ist es doch gefährlich zu ihnen zu fahren und zu handeln. Den wenn wir dorthin gehen, gehen wir zu zwanzig und dreissig Menschen zusammen; zum wenigsten aber gehen zehn bis fünfzehn Menschen; denn wenn man da nicht Wache hält, so lässt man sich bestehlen. Wenn wir grosser Anzahl dort hingegangen, so häuten wir an einer Stelle alle Waaren auf, decken sie mit Filz zu, treten den Rand des Filzes herunter und setzen die Hälfte von uns rund herum nieder. Ein Theil von uns geht von dort ihnen entgegen und handelt. Mancher zieht, um zu stehlen das, was du in deiner Hand hältst, fragend an sich und läuft davon. Wenn du diesen einzuholen und festzuhalten denkst, so werden sie während dessen die hinter dir zurückgebliebenen Waaren auseinanderreissen und davonlaufen. Anstatt dessen rühre dich nicht von der Stelle. Wenn du ihren Saisanen etwas schenkest, dann wird der Saisan dir als Gegengeschenk zurückgeben, dass er dir, bis dein Handel beendigt ist, einen Schangda giebt. Dieser Schangda hält an Stelle eines Schwertes einen Stock und wird an deiner Seite als Wache stehen. Wenn du ihm ein Weniges schenkest, wird er gut Wache halten, wenn du ihm aber nichts schenkest, so wird er, wenn er auch den Dieb sieht, nichts sagen. Bis zu deiner Rückkehr vom Handel müssen ein bis zwei Menschen deine Pferde mit eisernen Fesseln zusammenfesseln und Wache halten und beim Anbruche der Nacht müssen sie sie herbeiführen und an der Seite des Hauses anbinden und ohne zu schlafen Wache halten. Leute, die stehlen wollen, werden sich entkleiden und an der Erde auf dem Bauche herbei gekrochen kommen, sie leise losbinden und nachdem sie heraufspringend sie besteigen, sich davon machen. Wenn du hinter her laufen wirst, weil man dein Pferd genommen, so sind dort ebenfalls Leute, die sich entkleidet haben und warten; diese werden, nachdem sie gesehen, dass du fortgegangen, deine übriggebliebenen Pferde nehmen und davon gehen. Wenn die Leute, die sich im Hause befinden, alles liegen lassen und zu den Pferden laufen, weil ihr Freund jemanden verfolgt, so wird man indessen Alles stehlen. Deshalb sind viele Leute nothwendig, wenn man zum Kemtschik fahren will, um Handel zu treiben.

Wenn man sich hat bestehlen lassen und vom Saisan Urtheilsspruch erfragt, so wird der Saisan sagen: "Halte denjenigen, der sich bestohlen, mit deiner Hand fest und bringe ihn her, so will ich Urtheil sprechen. Wenn du mit deiner Hand den Menschen nicht festgehalten, wie soll ich wissen, wer gestohlen, und Urtheil sprechen?"

Ein Mensch ritt mit swei Pferden zu den Sojonen, um zu handeln. Als er hingeritten, fesselte er seine beiden Pferde mit eisemer Fussfessel. Mit dem einen Ende fesselte er das eine Pferd an einem Fusse, mit dem andern Ende das andere Pferd. Als er sie so gefesselt, richtete er in seinem Zelte den Kessel zu. Die beiden zusammengefesselten Pferde gingen ins Thal abwährts und verschwanden. Während dieser Handelsmann seinen Kessel zun Kochen brachte, kam ein Mensch mit russigem Gesichte, der nackt war, und den Saum der Hosen aufgerollt hatte. Er setzte sich zu ihm und sagte: "Was hast du zu verkaufen? Zeige mir!" Während der Zeit, dass der Kaufmann seinen Sack hervorholte, stürzte dieser Mensch den Henkel-Kessel um, fasste ihn beim Henkel und lief davon. Da warf dieser seinen Sack bei Seite und lief jenem Mensch nach. Wenn er ihn auch anfangs erreichte, konnte er dennoch den nackten Menschen durchaus nicht festhalten. Der Verfolger war dick bekleidet und da er vor Hitze nicht Athem holen konnte, holte er jenen nicht ein und blieb züruck. Als er von dort nach Hause züruckkam, waren andere Leute gekommen und hatten den Sack mit Waaren fortgetragen. Da wurde der Kaufman traurig und ging zum Saisan, um Leute zu nehmen und zu suchen; als er zu seinen Pferden kam, hatte man sein eines Pferd getödtet und einen Fuss desselben abgehauen, das andere aber davongeführt. Da weinte jener Mensch, ging zum Temitschi und zeigte es an. Der Temitschi sagte: "Du Hund mit behaartem Kopfe, weshalb bist du hierher handeln gekommen? Wenn die hiesigen Leute deine Waaren und dein Pferd genommen haben, wer wird sie verfolgen? An Stelle dessen folge deinem Weg und geh nach Hause." Jener Mensch weinte und kehrte züruck.

Die Sojonen sind zwei verschidene Stämme, der eine die schwarzen Sojonen, der andere die gelben Sojonen. Die schwarzen Sojonen wohnen hierher nah. Die gelben Sojonen wohnen landeinwärts. Bei den schwarzen Sojonen giebt es wenig blonde, viele schwarze. Ihre Grösse ist bedeutender als die der Altaier, ihre Gesichter sind lang.

Die gelben Sojonen bestehen zur Hälfte aus blonden Leuten. Ihre Grösse und Gestalt ist der der schwarzen Sojonen gleich. Die Hälfte derselben soll aus Russen bestehen. Es sollen nämlich früher einmal viele Russen dorthin geflohen sein. Sie haben jetzt Sojonische Weiber genommen und nachdem sie sich vermischt, sollen sie diesen ganz ähnlich geworden sein.

Einige erzählen, die Hälfte der schwarzen Sojonen sei vom Geschlechte der Kirgisen; diese sollen ehemals als Nachbaren gelebt haben und so sich mit ihnen vermischend, sollen sie in ihnen aufgegangen sein.

Doch jetzt wollen wir von den Tölös erzählen. Wie reich auch ein Tölös sein mag, sein Eigenthum wirst du in seinem Hause nicht sehen, denn sein Eigenthum wird alles abseits in einer Höhle eines von Menschen unbetretenen Felsenberges sein. Wenn sie nämlich mit dir handeln, sagen sie: "In meiner Jurte ist jetzt nichts zum Handeln, nach zwei oder drei Tagen wird etwas zum Handeln da sein." Wenn man fragt, woher denn die Sachen kämen, so sagen sie: "Unser Volk pflegt die guten Sachen nicht im Hause zu halten, sondern legt sie abseits in Höhlen auf unbetrebenen Felsen und deckt diese mit Steinen zu. Wenn man sie fragt: "Weshalb legt ihr denn eure Sachen in abseits gelegene Höhlen?" so antworten sie: "Früher waren unsere Vorfahren Sitten der Art, denn da früher Krieg gewesen, so steckten alle Leute ihre Sachen in Höhlen und deckten diese mit Steinen zu. Jetzt fürchten wir noch ebenso den Krieg und halten unsere Sachen nicht im Hause."

Der dritte Theil von ihnem ist arm, zwei Drittel sind reich. Sie halten vier Arten Vieh: Pferde, Kühe, Schaafe und Ziegen.

Die Tölos sind schwarzharig, blondliche habe ich wenig gesehen. Ihre Gemüthsart ist lebhaft, aber stolz; sie sind gastfrei, wenn sie Jemand zum ersten mal sehen, sind sie spöttisch. Wenn sie Branntwein getrunken, sind sie prahlerisch und zänkisch.

Die Reichen unter ihnen haben zwei Frauen, die ältere befielt im Hause, die jüngere hat das Vieh unter sich und holt Holz. Sie beten die Berge, die Flüsse, den Ülgän, den Ärlik und ihre Vorfahren an.

Die Quelle des Tscholyschman genannten Flusses entspringt aus dem Jyldys Köl (Stern-See). Die von beiden Seiten in ihn sich ergiessenden Flüsse fliessen von hohen Bergmassen herab. An beiden Ufern seiner Nebenflüsse sind unwegsame Felsen. Beide Ufer des Tscholyschman selbst bis zur Mündung sind mit hohen Felsen und unwegsamen Bergen besetzt. Wenn man in einer Jurte, die am Flusse sich befindet, sitzt und durch das Rauchloch hindurchblickt, so sind die Gipfel der Berge sichtbar. Der grösste Theil der Berge ist steinig und felsig, der Schnee auf den Gipfeln einiger derselben schmilzt nicht bis zur Mitte des Sommers. Im Winter fähllt der Schnee in der Flussebene des Tscholyschman

nicht hoch, deshalb überwintern die Pferde, Schaafe, Ziegen und Kühe in der Ebene.

Jetzt will ich die verschiedenen Thiere jenes Landes und die dort wachsenden Bäume aufzählen:

1) Die Fische des Wassers:

Die Aesche (Salmo Thymallus), Taimen (Salmo Taimen), die Quappe (Gadus Lota), Kuskutsch (Salmo Lenoc Pall.), Piskar (Cobitis Barbata), Sterlätt, Omul (Salmo autumnalis Pall.). Bei der Mündung in den Teletzkischen See: Tschebak (Cyprinus lacustris) Hecht und Barsch. Andere Fische kehhe ich nicht.

2) Des Landes Wild:

Der Bär, Steinwolf, Wolf, Vielfrass, Luchs, Schaaf-Luchs, Fuchs, Moschusthier, Steinbock, Argali, Antilope (Antilope Saiga), Maral (Cervus Elaphus), Elenthier, Reh, Zobel, Eichhörnchen, Feuermarder, Hermelin, Iltis, Zobel-Zieselmaus, Zieselmaus, Burunduk, Maulwurf, Ratte, Hamster, Fischotter, Hase, Dachs und Maus.

3) Des Landes Bäume:

Die Ceder (Pinus Cembra), Tanne, Birke, Espe, Pichte (PinusPichta), Rothtanne, Lärchenbaum, Pappel, Schwarzpappel, Ala Kak (Buntblatt), gelbe Weide, bleiche Weide, Geisweide, schwarze Weide, weisse Weide, sibirische Eberesche (Robinia Caragani), Paral, Spierstaude, Söskön (Strauch auf Felsen), schwarze Johannisbeere, Kasyr Kat (mit grüner Beere), rothe Johannisbeere, Felswachholder, Steinwachholder, Faulbaum (Prunus Padus), Masholder, Änä, Üsüt agasch, Hagebutte, Sanddorn, Eberesche, Berghollunder. Andere Bäume als diese habe ich nicht gesehen.

Nachdem wir die von uns gekauften Filze, Schaaffelle, Lammfelle und alles, was wir erhandelt, in drei Böte gepakt hatten, fuhren wir den Tscholyschman abwärts. An dem Tage, an dem wir abgefahren, erreichten wir noch den Teletzkischen See selbst und übernachteten dort. Als wir folgenden Tages am linken Ufer des Teletzkischen Sees entlang fuhren, spielten grosse Taimene (Salmo Taimen) im See bei der Mündung des Flusses Tschyrysch, welcher von Westen her strömt; wir ruderten näher heran und betrachteten sie. Es mochten ungefähr dreissig sein. Sie kamen an die Oberfläche des Wassers hervor, wie wenn sie gestorben wären und im Todeskrampf sich wänden. Mancher war von der Grösse eines grossen Mannes. Als wir sie so betrachteten, sahen wir, wie eine Fischotter von dem Boden des Sees auf den Fels hervorkam. Ich wollte sie

schiessen, mein Arbeiter fing aber an zu rufen: "Eine Fischotter!" und so ging sie in's Wasser. Die Ufer des Flusses Tschyrysch, welcher an jener Stelle herabfliesst, sind mit Cedernholz bewaschen, die Nüsse derselben nimmt niemald, sie fallen unnütz zur Erde und bleiben dort liegen. Vor diesem ist noch ein anderer Fluss, dessen Nüsse ebenfalls niemand nimmt, und die liegen bleiben. Weiter abwärts erreichten wir die Mündung des Flusses Koldor. Die beiden Ufer des Flusses Koldor sind dicht mit Cedern bewachsen und ist das Land unwegsam und mit steilen Bergen besetzt. In dem Ufersande sind viele Spuren von Fischottern, diese haben wir gesehen. Auf dem Berge, wo die Quelle des Koldor sich befindet, ist ein See, wie ich hörte. Zu diesem sollen viele Elenthiere, Bären und Marale kommen. Nachdem wir bei der Mündung jenes Koldor ausgeruht und Nahrung zu uns genommen, übernachteten wir an der obern Seite des Flusses Samysch und erreichten am folgenden Tage die Stelle an der Mündung des Teletzkischen Sees, wo wir Fische gefangen. Nachdem wir in unserm Hause dort übernachtet, fuhren wir zu der Bija selbst und erreichten zu Boot das Dorf am Käbisän.

Jetzt will ich einiges von dem Charakter und den Gebräuchen der im Schwarzwalde lebenden Leute erzählen.

Das dort wohnende Volk sind die Tirgesch; sie wohnen an den Flüssen Toloi, Pilätschäk, Käbisän, Örtök, Artu Ashu und Pishä.

Die Nahrung, die sie zu sich nehmen, ist: Gerste, Weizen und Roggen. Weizen und Roggen säen sie wenig, meistens säen sie Gerste. Aus der Gerste machen sie geröstetes Gerstenmehl und essen es, aus Weizen und Roggen machen sie kleine Kuchen und essen es. Die Gerste rösten sie auf Blechpfannen, zerstossen sie im Mörser, zerreiben sie auf den Mahlsteinen, rühfen sie dann in Wasser oder Milch und essen dies. Weizen und Gerste trocknen sie, zerreiben sie auf den Mahlsteinen, kneten sie dann mit Wasser zu kleinen Kuchen, welche sie in der Asche des Feuers verscharren und dann essen.

Am Sommertagen, wenn sie ihre Kühe gemolken, kochen sie die Milch im Kessel und giessen sie in grosse Lederflaschen aus Kuhfell. Wenn diese dort steht und sauer wird, durchschlagen sie sie mit einem Schläger, der einen Stiel hat, an dessen Ende ein Stück Birkenrinde befestigt ist, und dann steigt die Butter nach oben.

Wenn man die Butter abgenommen, so bleibt in der Lederflasche Kumys. Aus Kumys machen sie Branntwein und trinken ihn. Den vom Branttwein im Kessel übriggebliebenen Quark nehmen sie und kneten ihn zusammen, reihen

ihn auf einen Faden und trocknen ihn, dies ist der Käse. Manchmal breiten sie ihn auf einem Felle aus und trocknen ihn, dies ist Artschi. Diesen Artschi füllen sie in eine Kuhblase, tnun Butter dazu und wenn er dick geworden, nehmen sie ihn als Proviant mit, wenn sie auf die Jagd gehen.

Was ihr Aeusseres betrifft, so sind sie alle schwarzhaarig, von hundert Menschen ist wohl nicht einer oder zwei mit gelben Haaren. Von Charakter sind sie friedfertig und furchtsam, wenn sie Branntwein getrunken, sind sie zänkisch. Wenn sie sich aber gezankt, sind sie nicht nachtragend. Diebe giebt es wenige. Beim Bereiten der Speisen und beim Essen waschen sie sich nicht ihre Hände; wenn sie Grütze im grossen Kessel gekocht haben, nehmen sie diesen vom Feuer ab und stellen ihn hin, ohne ihn zuzudecken; wenn diese nun kalt geworden, so fressen die Hunde davon; sie selbst, nachdem sie die Hunde fortgetrieben, essen selbst davon.

Wenn sie Branntwein trinken wollen, spritzen sie mit der Fingerspitze davon gegen die vordern Winkel und gegen die Thür, rufen Kairakan und trinken dann. Wenn man sie fragt: "Weshalb spritzet ihr davon und trinket?" so sagten sie: "Nach unserer eigenen Sitte trinken wir nicht, wenn wir nicht dem Thürhüter, dem Wirth des Wassers und der Erde, dem Ülgän gespendet haben.

Die Pelze, in die sie sich kleiden, sind zum grössten Theil Filz-Pelze, die Stiefel, die sie anziehen, zum grössten Theil mit Leinewand-Schäften, inwendig umwickeln sie die Füsse mit Schuhheu. Wenn bei den Armen im Winter der Pelz nicht hinreicht, um sich zu bedecken, breiten sie unten viel Schuhheu aus, stecken sich in dieses oben hinein, bedecken sich wie es geht mit dem Pelze und schlafen so ein. Einige legen sich zur Seite des Feuers, bedeckten die Seite, die dem Feuer zugekehrt ist, nicht und schlafen so ein; wenn sie im Hause sitzen, legen sie den Gürtel ab, und die Brust am Feuer sich erwärmend, sitzen sie da. Zum Arbeiten sind sie zu faul, die Männer habe ich bei ihnen wenig arbeiten sehen, Holz und Hen besorgen die Frauen. Wenn sie im Frühling den Acker mit der Hacke bearbeiten, pflegen meistentheils die Frauen und Kinder zu arbeiten. Mancher Reiche unter ihnen nimmt zwei Frauen, damit sie die Arbeit verrichten mögen.

Wer von ihnen ein Gewehr hat, geht im Herbst Eichhörnchen schiessen; in einem Jahre, wo es viele Eichhörnchen giebt, schiesst ein Mensch in einem Tage dreissig bis vierzig Eichhörnchen, in einem Jahre, wo es keine Eichhörnchen giebt, schiesst er zwei bis drei. Wer kein Gewehr hat, jagt mit Fallen; wenn

man ungefähr 100 Fallen aufgestellt hat, so kann man in einem Eichhornreichen Jahre 50-60 Eichhörnchen fangen. Den Feuermarder und den Zobel jagen sie mit Hunden; den Bären, das Elen, das Maral, den Argali, den Steinbock und das Reh schiessen sie mit Gewehren. Im Winter hetzen sie das Elen, das Maral und das Reh mit Schneeschuhen und tödten sie. Im Sommer lauern sie ihnen am See auf und schiessen sie. Die Otter jagen sie, indem sie irgendein Wasser, in welchem sich Ottern aufhalten, absperren, ein Netz dort hineinlassen und sie fangen. Den Zobel jagen sie, indem sie ihn mit Hunden aufspüren, den Ort, wo er hineingekrochen, rundherum mit einem 30-40 Faden langen Netz umspannen; nachdem sie dann die Stelle, wo er hineinkroch, durchräuchert haben, schlagen ihn Leute, die auf der Wacht stehen, todt, wenn er herausspringt und im Netz sich verwickelt.

Stellen, wo viel Nüsse gedeihen, sind: Der Sary Köptschü, der Kara Köptschü, der Üimän, der Pishä und an dem Lauf der Flüsse, die sich in den Teletzkischen See ergiessen. Alle diese Flüsse ergiessen sich in die Bija.

An allen diesen Flüssen wohnt das Volk vierer Saisane: 1) Die Tirgäsch, 2) die Jüs, 3) die Kömnösch, 4) die Küsän. Die Gebräuche und der Charakter dieser vier Stämme, ihre Kleidung und ihre Wohnhäuser sind alle dieselben.

An dem Laufe des Lebed, der sich von rechts in die Bija ergiesst, wohnen die Tschalgandu. Sie sind ein friedfertiges, furchsames Volk, ihre Sitten, Nahrung und Wohnhäuser sind wie die der Tirgesch.

Das Kumandy genannte Volk sind die Unterthanen zweier Saisane. Sie wohnen abwärts an der Bija von der Mündung des Lebed bis zum Tschäptschi. Ein Theil derselben wohnt am Flusse Yshy, der sich in die Katunja ergiesst und an deren Nebenflüsschen. Sie pflügen wie die Russen den Acker mit Pflügen; ihre Wohnhäuser sind kleine, aus Balken gezimmerte Häuschen. Die Häuser einige sind geflochtene Erdhäuser. Den Hanf schlagen sie selbst. Die Kleidung der Männer ist wie die der Russen. Bei der Frauenkleidung ist der Rumpf faltig und der Kragen gestickt. Ihre Zöpfe sind von der Wurzel an bis zur Spitze mit runden Knöpfen besetzt. Ihr Glaube ist derselbe wie bei den oben beschriebenen Völkern. Was ihr Aeusseres betrifft, so sind sie schwarzhaarig, blonde giebt es wenig; hochgewachsene Leute giebt es wenig, kleine aber viel, schlanke giebt es wenig, untersetzte aber viel. Beim Verrichten der Arbeiten und beim Jagen sind sie eifrig. Von Gemüthsart sind sie streitsüchtig, aber trotzdem furchtsam.

Doch jetzt will ich vom Käbisän zum Ulalu zurückkehren. Ich richtete an der Mündung des Teletzkischen Sees ein Floss zu, packte die Fische, die wir gefangen, und die Nüsse, die wir gekauft, auf das Floss, miethete Leute und liess mich zum Käbisän bringen; dort legten wir Alles in den Speicher und kehrten selbst zurück.

Auf der Rückreise überschritten wir einen hohen Bergpass, der in der Mitte zwischen den beiden Flüssen Üjätschäk und Yshy liegt. Bei dem Passiren über jenen Bergpass sahen wir einen von dem Schwarzwaldvolke erreichteten Obo (Haufen). Seine Grösse schien mir ungefähr der eines grossen Heuschobers (Kopna) gleich zu sein. Ich fragte die Schwarzwälder: "Weshalb habt ihr auf diesem Bergpasse einen Obo errichtet?" Sie sagten: "Unseres Volkes Glaube ist so. Wenn wir über einen hohen Bergpass gegangen, legen wir ein Pferde-Haarbüschel oder einige Baumblättchen dorthin und vermeigen uns vor dem Wirthe dieses Bergpasses, indem wir sagen, die Pferde und wir selbst sind wohlbehalten heraufgekommen, nun möge er uns auch behüten, wenn wir von dort herabsteigen." Wieder sagten sie: "Auch wenn wir einen grossen Fluss passiren wollen, pflegen wir zu beten und nachdem wir ihn passirt, pflegen wir wiederum zu beten."

Gott sei Dank! Diesseits jenes Bergpass einmal übernachtend erreichten wir unser Haus am Ulalu.

Es ist jetzt das vierte jahr, seit ich von meiner Reise zum Teletzkischen See zurückgekehrt bin. Gott sei Dank, ich lebe jetzt in Ruhe und Frieden im Dorfe Ulalu und habe Haus, Nahrung und drei Töchter. Drei Töchter habe ich auferzogen und alle drei habe ich die Schrift lernen lassen; die älteste habe ich verheirathet. In der Hand Gottes fristen wir jetzt unser Leben. Die Tage, die uns jetzt bevorstehen, kennt nur Gott.

In diesem Jahre reiste ich mit einem Beamten, Namens Sedatschoff, als Dolmetscher in den Altai; als ich drei Wochen dort zugebracht und nach Hause gekommen war, lebte ich wohl eine Woche, da kamen Sie in unser Dorf, schickten mir einen Menschen und liessen mich in das Haus, wo sie abgestiegen, rufen.

Sie sagten in unserer Sprache: "Da ich von den Leuten gehört habe, dass du das Uebersetzen gelernt, habe ich dich ganz besonders gerufen. Denn ich bin durch den Altai bis zum Chinesischen Grenzposten gereist und habe die Sprache, die Sitten und den Glauben dieses Volkes niedergeschrieben. Jetzt gedenke ich

zu seinem Besten in seiner Sprache ein passendes Alphabet zu schaffen, deshalb komm mit mir nach Barnaul."

Da ging ich, um für unser den Ledergurt tragendes, den schwarzen Tribut zahlendes Volk etwas nützliches zu vollenden, obleich ich meine beiden Töchter und meine Frau betrübte, mit Ihnen nach Barnaul, wohnte dort drei Monate lang und so sammelten wir die Teleutischen Worte und vollendeten das Alphabet.

Jetzt möge nun die von uns vollendete Arbeit, oben Gott dem Herrn, unten dem erhabenen Herrn, dem Kaiser, wohlgefällig sein! Sie, Wassili Wassiljewitsch, mögen meiner gedenken, wie der Vater seines Kindes gedenkt. "Wer einen Fluss hat, gehört seinen Flusse! – Wer ein Vaterland hat, gehört seinem Lande!" sagt man. Jetzt will ich zurückkehren.

Als Sie mich baten, was ich gehört und gesehen und alles, was mir in meinem Leben begegnet, Ihnen niederzuschreiben, wollte ich nicht schreiben; als Sie aber jeden Tag mich dringender aufforderten, zu schreiben, so schrieb ich Ihnen dieses mein eigenes Leben nieder. Dies Buch schrieb ich zuerst vom Volke der weissen Teleuten, einem der Völker mit ledernem Gürtel und mit schwarzem Fleisch, die den schwarzen Tribut zahlen. Wenn diese meine Schrift nicht wohlgefällig und fehlerhaft sein sollte, so verzeihen Sie dies mein Vergehen, wohlgeborner Wassili Wassiljewitsch, denn es war mir schwer, die in diesem Buche erwähnten Völker und Gegenden in schöner Sprache zu beschreiben. Wenn es mir auch schwer wurde, so bin ich doch durch Ihre Bestrebungen dazu gekommen, über irgend etwas schreiben zu können.

Michael Tschivalkoff.

ПАМЯТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

ПАМЯТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ[62]

Дочери мои: Матрена, Мария и Елена! Вам троим передаю описание жизни моей, как завет мой на память вам и потомству вашему.

Дети мои! Я происхожу из рода Мундусов, из племени Белых телеутов; имя отца моего Андраш; отец Андраша – Килемеш, у этого отец Семеек, у Семеека отец Сёогош, – его отец Сеперек, – отец Сеперека Чёбёлёк. При Сепереке предки наши добровольно перешли в подданство «белого царя» и стали платить «алман» (дань). Я, потомок их, до 17 лет был «черной веры» (язычником); отец и мать дали мне имя «Киприан»[63]. К этому времени я был женат[64]. Имя матери моей – Каброж, а отца ее звали Кульбес. Этот Кульбес был правителем в своем обществе (бием); он был из рода (кости) Тюуты, из Кыштымского племени.

Вот, дети, я написал о моих предках, чтобы вы не забыли!

Теперь расскажу вам то, что я слышал от старых людей. В старые времена был Тёрбёт, Ойротский хан, который правил четырьмя племенами: это было тогда, когда 60 туменов Телеутов золотой орды жили между собой в мире. После этого произошел между четырьмя племенами раздор, и они стали между собой воевать.

---

[62] Предлагаемая статья есть автобиография престарелого миссионера Алтайской миссии, священника Михаила Васильевича Чевалкова, современника и ученика блаженной памяти основателя этой миссии, о. архимандрита Макария. Она написана на алтайском языке и носит заглавие: «Ундылбас кереес». Перевод сделан лично первосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Семипалатинским. Статья представляет собой богатый и не бывший еще в печати материал для характеристики личности о. архимандрита Макария, в особенности для обрисовки его внутреннего мира. Ред.

[63] Инородцы, живя в соседстве с русскими, будучи язычниками, – нередко, однако, дают своим детям христианские имена.

[64] Дословно: имел свое жилище, – потому что инородцы имеют обыкновенно в день брака своих сыновей строить им особую юрту, выделять их.

Вследствие этого Ойротский хан удалился во владения Кункерского хана. Оставшиеся после него султаны и мурзы, собравшие каждый подвластных себе людей, перекочевали в разные места земли, ища для себя спокойного места. Оставшаяся от них небольшая часть народа жила по обеим сторонам Иртыша.

Телеуты же жили по обеим сторонам реки Ак-Умара (Оби), но и они не стали жить между собой в мире. От постоянных войн и число их весьма уменьшилось; вследствие этого их постоянно тревожили, с одной стороны, Монголы, предводительствуемые Чадаком, а с другой – «Черные Киргизы» (Кара-Казак).

Тогда Телеуты, предводительствуемые Мамытом и Балыком, пришли в Кузнецк и просили начальника города (тёре-бий), говоря: мы желаем платить дань белому царю, чтобы под его покровительством жить в этой земле. Тогда мой предок Сеперек, сын Чебелека был.

От него произошли Чевалковы, живущие теперь в Улале и в Бачате.

Отец мой родился в Бачате. Его родители и братья переселились в местечко Карасу (теперь село Карасук), недалеко от города Бийска. Отец мой был тогда десяти лет. Их было 5 братьев: старший Калан, моложе его Егор, моложе Егора мой отец Андраш, моложе этого Устёпко, за ним Ярас. Отец их Клемеш, а мать Кеелеш. Я родился, когда они жили в Карасуке. Оттуда родители мои, когда мне было 7 лет, переселились в Улалу. Там вместе с нами было 4 двора.

Спустя два года в Улалу переселился некто Афанасий Коншин с женой и тремя сыновьями. Они были мещане. У этого мещанина младший сын был Яков, мой ровесник. С Яковом я вместе играл и учился русскому языку. Он, по обыкновению своему, дома перед принятием пищи молился, обратившись в передний угол. Так же молился и после принятия пищи. Удивляясь этому, я спросил Якова: зачем ты молишься перед принятием пищи и после принятия? Он ответил: перед принятием пищи мы у Бога просим благословения, а поевши, благодарим Бога. Услышав это и видя такой Богоприятный обычай, я осудил свои обычаи и сказал сам себе: ты, когда хочешь есть, не просишь благословения Божьего, когда наешься, не поблагодаришь Бога; наешься и отойдешь, подобно псу, не чтишь

Бога, дающего тебе пищу. Я скорбел в душе, что таковая вера наша нехороша. Тогда мне было 9 лет.

Еще – однажды мы пошли с Яковом вдвоем, где находится их пчельник. Поиграв, мы легли на спину вверх лицом и смотрели на небо. Я спросил Якова: что там есть на небе? Яков сказал: там есть Бог. Я спросил его: а как имя этого Бога? Яков ответил: Иисус Христос. Он создал всех людей, какие есть на земле, разного рода скот, зверей и птиц. Теперь он находится на небесах. Я спросил, а этот Бог видит ли нас оттуда? Яков ответил: он видит и нас и все, что мы делаем днем и ночью. Кто ему молится, он тех любит, а кто не молится, тех не любит. Затем я еще спросил: а что он сделает с теми людьми, которых не любит? Он сказал: я слышал от матери моей, что людей, которых он не любит, он пошлет в огонь и тьму.

После этого я стал скорбеть в душе и осуждать сам себя. Когда родители мои камлали (шаманили, приносили жертву) и если в это время заходил кто-нибудь из русских, мне становилось стыдно перед ними. Когда отец мой посылал меня пасти коров, то я иногда поднимался на Тугаю (Ӱттӱ-Кая) и, вставши на камень, на котором рос бадан (трава, которая употребляется вместо чая), и обратившись лицом к востоку, кланялся, произнося имя Иисуса Христа. Так я кланялся, какие же молитвы следует произносить, не знал, но только повторял многократно: Боже, Иисусе Христе, не оставь меня, возьми меня к себе!

Дети мои! Теперь и издалека мне это место кажется прекрасным, и до сих пор оно не изглаживается из памяти моей.

Припоминаю еше: в один день я пришел к товарищу своему Якову, сижу у них, и вот входят к ним два человека в черных одеждах, на головах шапки с накрышкой. Я, увидевши их, хотел бежать, но один из них остановил меня, посадил возле себя и дал мне пирожок с красной смородиной. Я сижу и думаю: есть или не есть? Он, погладивши меня по голове, спросил: как твое имя? Киприан, – ответил я. Он сказал: я тебе расскажу одну повесть, а ты сиди да хорошенько слушай. После этого, положив мне на плечо руки, он сказал: в старые времена был большой кам Киприан: он уходил в горы, чтобы изучать там бесовское ученье и чернокнижье. Изучивши

все это, он мог делать, что хотел, но только не мог бесовскими чарами одолеть одной крещеной девицы по имени Иустина. Удивляясь этому, он спрашивал у своих главнейших бесов, служивших ему: до сих пор вы могли делать («кубултуп» – превращать, показывать вид чего-нибудь, делать с помощью превращения) все, что хотели: как же теперь вы не можете одолеть этой девицы? Слуги сказали ему: мы боимся Бога ее, так что не только к ней самой, но даже к дому ее не можем подойти. Услыхав это, кам пришел к этой девице и спросил: в какого ты Бога веруешь? Иустина рассказала ему об Иисусе Христе. После этого кам Киприан крестился и после крещения стал великим священником (архиереем), Божьей милостью совершил много чудес, а теперь, после смерти своей, пребывает в вечном блаженстве, в свете Божьем.

Я, выслушав этот рассказ, спросил: ты что за человек? Как тебя зовут? Он, улыбаясь, сказал: я священник по имени Макарий, ты крестись и будешь как Божье чадо; некрещенные никогда не войдут в свет Божий, но с дьяволом будут, пойдут во тьму и огонь, откуда не выйдут никогда! После этого он начал рассказывать, что будет верующим в Бога и что – неверующим. *Я* слушая его рассказы, едва мог удерживаться от слез. Желал бы креститься, но боялся родителей. Мне было тогда 11 лет.

Когда мне миновало 12 и наступил 13-й год, родители мои высватали для меня невесту. Мать в тот же год умерла от горячки. После смерти любимой матери моей, мне доводилось меньше смеяться, но больше плакать. Так я с плачем провел два года. В течение этих лет я сам и коров доил, и белье мыл; сам и приготовлял всякую пищу. На третий год отец женил меня на высватанной невесте.

Мне тогда было 16 лет. Жители Улалы в это время начали принимать крещение. Когда вместе с нами еще два семейства не желали креститься, то отец Макарий сказал: вы некрещенные, если будете камлать, живя среди крещенных, то они будут соблазняться. Поэтому, если не желаете креститься, то возвращайтесь в свое место в Кузнецк. Поэтому отец мой меня с женой передал тестю моему и

отправил в Бачат[65]. Так мы отправились в путь, и, когда стали удаляться от родного места, я не мог удержаться от слез. На третий день, когда горы Алтая скрылись из глаз, мы выехали в степь. И думал я про себя: зачем ты не крестился? Зачем, не боясь отца небесного и убоявшись отца земного, переселяешься в Бачат?

Весной в тот год, когда мы приехали в Бачат, в один день я сидел на горе Елбай и скорбно было у меня на душе. В это время ко мне подошел Каймак, сын Оргона, и сказал: от этой Шанды за десять верст находится Бачатская волость, – там есть церковь, завтрашний день туда собирается много народу; завтра праздник Муколы (Николы) - батюшки, поедешь ли туда? Я сказал: дороги не знаю, а то поехал бы. Каймак сказал: из шандинских туда многие пойдут; разве не пойдешь с ними? Я обрадовался, оседлал коня. Туда отправилось много женщин, и я поехал с ними. Я не мог их догнать, потому что конь подо мной был плохой. Так я один и приехал в Бачат. Знакомых, у которых я мог бы остановиться, у меня там не было. Еду один по улице, а у самого на глазах слезы. Встречается дядя мой Чёнош из Большого улуса и говорит: ты, племянник, на праздник приехал? Да, на праздник. И он поехал со мной.

Приехали к дому крестьянина Клемешева и остановились у него: я и он.

Заблаговестили. Я спросил у дяди: что это? В колокол звонят, чтобы народ собирался в церковь, ответил он. (А я до этого церквей не видывал). Так мы с дядей пошли в церковь. К нам сбоку подошел какой-то человек и пошел вместе с нами в церковь. На верхушке шапки его – бумажные кисточки, одет он в сюртук, на плечах бумажные цветочки. Я, увидев его, спросил у дяди: это не абыз ли (священник)? Дядя сказал: это – дурачок Евсей. Я спросил: а он никому зла не сделал? Дядя отвечал: нет, этот человек никому вреда не сделает. Так он вместе с нами и вошел в церковь и с нами

---

[65] Прежнее место пребывания Чевалковых, по-алтайски – Байат, в настоящее время Беловский район Кемеровской области, а вся область Северного Алтая называется Аба-Тура. В XVII веке, когда алтайцы-телеуты впервые соприкоснулись с русскими, территория расселения телеутов и других алтайских племен простиралась до Томской земли.

Здесь и далее примечания составителя.

же вместе остановился у дверей церковных. Когда мы молились, он часто взглядывал на меня и улыбался. Стоявшие передо мной люди были выше меня, и я из-за них не мог видеть, что было впереди. Стоявшие возле меня некрещенные телеуты кланялись, не полагая на себя крестного знамения, и я также молился. В это время в передней части церкви слышно было пение многих людей, славивших Бога. Это пение услаждало мое сердце до слез.

Вышедши из церкви, мы с дядей отправились на квартиру, там пообедали. Тогда дядя сказал мне: ты что, племянник, так повесил голову? О чем ты скорбишь? Я ответил: скучаю на чужой стороне. Он сказал: здесь есть заседатель из наших телеутов – добрый человек, пойдем к нему, у него есть орган – он нам поиграет на нем. Отправились. Он провел нас в горницу и спросил у дяди: чей это сын? Дядя ответил: это мой племянник приехал с Алтая. Заседатель сказал: его надо грамоте учить.

Дядя сказал: он тоскует по родине, поиграйте для него. Он стал играть нам на органе. Я слушал, еще стало мне тоскливее, и я прослезился. После этого заседатель угощал нас чаем, налил в рюмку вина, а дядя выпил две. От него мы возвратились домой.

Вспоминая о своей родине, я говорил сам себе: зачем ты, не принявши этой веры, где прекрасно пение переехал сюда, в Бачат?

Я скорбел и плакал. Теща моя, видя мои слезы, говорила: о чем ты тоскуешь и грустить, сын мой? Не пренебрегает ли тобой жена? Ты мне скажи. Я сказал: нет, она мною не пренебрегает; я все думаю о своей родине. Теща сказала: осенью поедем в гости в Улалу – скоро отец твой приедет сюда.

От тоски я захворал и пролежал около недели. Когда я лежал в болезни, в это время вошел в дом мой отец, одетый в белую рубаху, в черной шляпе на голове. Увидевши его, я заплакал. Отец сказал: о чем ты плачешь, сын мой? Я сказал: ты переселяешься сюда жить, а я поеду опять в Улалу креститься. Отец мой, видя меня плачущим, и сам прослезился и сказал: если ты хотел креститься, сын мой, то зачем же не сказал там? Я ответил: я побоялся говорить тебе об этом. А теща сказала: я свою дочь возьму назад. Я ответил: если хотите взять, сами знаете.

Через неделю после этого мы отправились назад, в Улалу. Многие из наших родственников, пришедших проводить, плакали о нас, как о покойниках: «Ты, Андраш, – говорили они, – послушался молодого сына своего; едешь креститься, теперь ты нам не родня». Мне неприятно было слышать их причитание. Мы отправились и через пять дней прибыли в Улалу.

Осенью того года крестились. Я был наречен Михаилом; отец мой назван Василием; жена моя – Александрой; сестра моложе меня – Еленой, следующая за ней – Анной, а самая младшая – Марией. У меня еще был брат Ерок, моложе меня семью годами. Он после рождения своего, когда ему было два месяца, отцом моим был отдан в сыновья старшему брату, у которого детей не было. Когда достиг 10-летнего возраста, его отдали учиться, назван был он Андрианом: они крестились прежде нас.

На левом берегу реки Улалы находился дом Михаила Ащаулова. Отец Макарий купил его и жил в нем. Мы жили на правой стороне Улалы. Брат мой, по обычаю, ходил к отцу Макарию учиться грамоте. Я, видя, что он учится грамоте, скорбел об этом, говоря себе: мой младший брат научится грамоте, будет знать слово Божие и по нему разуметь, что добро и что худо. А теперь я буду всех хуже и глупее. Так я скорбел и молился в сердце своем: Боже мой, Иисусе Христе, да будет воля твоя! Если это мое желание учиться грамоте угодно Тебе, то ты сам вразуми и научи меня!

В одно время я, давши корму скоту, отправился к отцу Макарию. Он мне рассказывал о Боге: я слушал это, и рассказы его были для меня слаще меда.

Рассказы его неизгладимо запечатлелись в сердце моем. С тех пор я, подобно пчеле, которая нашла готовый мед, каждый день вечером приходил к отцу Макарию. Часто, посещая отца Макария, я просил его келейных, чтобы они учили меня грамоте. Они ответили: ты приходи к нам днем, мы будем тебя учить вместе с братом твоим. Так я два дня сряду ходил учиться.

Отец мой спросил: куда ты ходишь? Я ответил: хожу все к отцу Макарию учиться грамоте. Отец мой сказал с гневом: довольно, если младший брат твой научится, а ты знай свое дело: грамоте учатся ленивцы, – тебе лень работать; люди смеются над тобой, и мне

самому человека два говорили: «ты сына своего учишь лениться, вот он ходит к абысу, учится грамоте». После этого я тайно от отца и жены своей пошел в чулан и там наплакался. Потом я сказал брату моему Андриану: когда будешь приходить обедать, приноси с собой букварь. Андриан так и делал. Сходивши домой пообедать, он заходил к нам и читал букварь. Когда, я, молча, сидел возле него и смотрел вместе с ним в букварь, отец мой сказал: что ты сидишь? Работы не работаешь, а только портишь глаза? Поэтому я, исполняя в доме работы, слушал чтение; как изучают песню, так я слухом изучал чтение азбуки. Когда отца дома не было, я просматривал слова и узнавал их, спрашивая объяснения у брата; но всех слов я разбирать не мог.

В одно время пришел десятник и велел мне отвезти отца Макария в Майму. Я запряг две лошади, подъехал к дому отца Макария; захожу – отец Макарий связывает в кучу около 30-ти букварей. Я стал просить у о. Макария: о. Макарий! Благословите мне один букварь! О.Макарий улыбнулся, подошел ко мне и сказал: ты – женатый и семейный человек, разве имеешь свободное время учиться грамоте? Я ответил: если Бог вразумит, то научусь. Отец Макарий взял один букварь, подошел ко мне и сказал: если ты из этого букваря разберешь три слова, то я благословлю его тебе; но если не разберешь, то теперь не дам. Я, хотя и плохо разбирал, но начал читать по памяти. Отец Макарий, выслушавши, спросил: кто тебя научил? Я ответил: никто не учил. Я сам научился, когда Андриан читал букварь, я, занимаясь работой, прислушивался и заучил. Отец Макарий сказал: «Ты не говори, что сам научился; если Бог не поможет, то человек сам ничего не может сделать и ничему не может научиться, поэтому, когда ты хочешь чего-нибудь делать – говори: Господи Иисусе Христе, да будет воля Твоя! Если Тебе угодно мое начинание этого дела, даруй свое благословение. И тогда, если Богу угодно, что хочешь делать, Он непременно тебе поможет в этом, а благословение Божие проси с верою, а когда попросишь, надейся, что Бог непременно даст, и если прошение твое Бог исполнит, то не думай в сердце своем: «я сам это сделал». Если ты подумаешь, что это от тебя самого сделалось, то дьявол

расхитит семена твоего доброго дела, подобно птице, уносящей семена пшеницы».

Преподавши это наставление, он положил руку мне на голову и стоял молча. После того благословил мне тот букварь. Получивши этот букварь, я с великой радостью спрятал его за пазуху. Когда вынес вещи в таратайку, отец Макарий вышел и сел, сказавши: вези меня в Майму. Пока мы доехали до Маймы, он все учил меня. Возвратившись домой, я спрятал букварь под сарай. После этого, отправляясь на работу, я брал букварь с собой и дорогой учился разбирать слова. Если замечал, что кто-нибудь едет мне навстречу, то я, еще издали увидевши его, прятал мой букварь за пазуху; а когда он проезжал, то я опять продолжал учить. Иногда я просил брата указывать мне, а иногда вечером, тайно от отца, уходил к отцу Макарию и учился у его келейных.

В один день вечером я пришел к отцу Макарию. Когда я зашел, отец Макарий вышел, подошел ко мне навстречу и спросил меня: ну что, научился грамоте? Я ответил: Слава Богу! Немного знаю. Он мне вынес книгу Ветхого Завета и заставил меня из нее прочесть. Я прочитал строк пять. Он обратил взор свой к небу и сказал: да благословит тебя господь от Сиона, сотворивший небо и землю! Сказавши это, благословил эту книгу мне. После этого за руки подвел меня к столу и посадил, а сам сел возле меня и начал мне повествовать Слово Божие. Он сказал: кто терпит горькое, тот найдет сладкое, кто плачет, тот будет радоваться, – ты не обижайся, что люди оскорбляют тебя, не питай ненависти к тем, которые сделали тебе зло и довели тебя до слез. Господь за нас грешных сошел с небес на землю и претерпел за нас крестные страдания, но не мстил своим мучителям. Так, Бог наш Иисус Христос, своими страданиями, своей кровью искупил нас от вечной смерти и огня неугасимого. Кто ради Бога претерпит скорбь, тот этим путем Божьим достигнет Его блаженства. И еще сказал: кто ради Меня душу свою погубит, тот найдет ее. Выслушавши эти слова, сладчайше меда, я возвратился домой, как бы после обильного обеда. Когда я пришел домой, отец спросил: где ты был? Я достал из-за пазухи книгу и, показывая ее, сказал: я ходил к отцу Макарию, он дал мне эту книгу и велел учиться. Отец сказал: ну-ка, почитай. Я начал ему

читать с запинками. Отец мой, послушавши, сказал: «Уж если ты столько знаешь, то, пожалуй, на свободе учись». От этих слов светло и радостно стало у меня на душе, подобно тому, как в темную ночь осветит огонь или в пасмурный день покажется солнце.

Получивши столь отрадное для меня благословение отца моего, по вечерам, давши скоту корму, я стал ходить к келейным отца Макария, чтобы продолжать учение. Когда у них не было свободного времени, я после напрасных ожиданий возвращался домой.

Там был один вдовый священник, по имени отец Василий. Он мне много раз говорил: «Что, у тебя дома дела нет, что ли, – что ты шатаешься сюда?». Слушая эти упреки, я возвращался домой со слезами, говоря сам себе: должно быть, я такой уж несчастливец, что встречаю себе в этом такие препятствия.

Еще, – в один день я пришел к отцу Макарию. Он тогда пил чай. Я подошел к нему, получил благословение, потом отошел и стал у двери. Отец Макарий сказал: «Садись там на стул». Я поклонился и сел. Он налил мне чаю. Я стал пить. Он спросил меня: «Каков? Хорошо ли живешь?». Я сказал: «Слава Богу, хорошо». Он еще спросил: «По утрам молишься ли Богу?» «Молюсь же», – отвечал я. «Так ты молишься же? Значит, ты лениво молишься. Ты так не молись, но молись вот как: войди в сердце свое и молись Богу втайне. Когда ты будешь так молиться, то Отец Небесный даст тебе царства небесного явь; когда же молишься, стой со страхом, как будто видишь пред собою Бога, молясь же, говори так: Боже мой, Иисусе Христе, спаси меня грешного! Много я сделал грехов пред лицом Твоим, спаси меня! Ты незримо для меня видишь меня, знаешь помышления сердца моего!» После этого он встал, взял в руки Евангелие и, стоя передо мною, сказал: в этой книге написано житие самого Бога и Его учение, а также дела и учение учеников Его. Ты каждый день читай отсюда по одной главе. Если ты будешь читать отсюда с верою, то ты подобен будешь слышавшему слово из уст самого Бога. Сказавши это, он перекрестил меня, дал поцеловать книгу и благословил ею меня.

Принявши это благословение, я с великой радостью и облегчением пришел домой, как будто нашедши самоцветный дорогой камень. Эту книгу я показал отцу. Отец сказал: если у тебя есть смысл

разуметь слово Божие, то по этой книге ты будешь учить других, а если нет, то она напрасно будет валяться в доме. Теперь молись Богу, да поможет тебе БОГ!

Эта книга была написана на двух языках: на одной стороне по-русски, а на другой по-славянски. Да дарует Господь, сотворивший небо и землю, блаженство и свет отцу Макарию, через которого я сподобился такого блага и счастья, ибо я, подобно птице, собирающей зерна, по наставлению его, научаясь заповедям Божьим, стал проводить дни в радости. Иногда же в моем сердце начинали забываться благодеяния Божьи, тогда я, подобно птице, у которой истошились зерна, собранные ею в пищу себе, опять подходил к отцу Макарию, и он опять насыщал, услаждал и согревал меня словами Божьими. Так я в продолжении трех лет ходил к отцу Макарию, подобно пчеле, нашедшей для себя готовый мед. Иногда, когда я делал что-нибудь противное Богу, он заставлял меня плакать, ставя меня на колени, чтобы молиться Богу. Да дарует ему Господь свет и блаженство! Не худому он учил, но только доброму и полезному для души моей.

Однажды я пришел к отцу Макарию. У него сидели Осип Наурчаков и Павел Сурочаков. Отец Макарий, увидевши меня, подошел ко мне и, благословив меня, посадил на стул. Они трое переводили житие Иосифа[66], а я сидел в стороне. Переводя это житие на алтайский язык, они не могли подобрать для перевода русское слово «ибо». Отец Макарий подошел ко мне и спросил: «Как по вашему сказать «ибо»? *Я* ответил: «Вы мне скажите пример». Он представил пример. Я сказал: «Это по-нашему значит «тезе». Отец Макарий, призвавший послушника Стефана Васильевича, сказал: «Наставь-ка желтый[67] – будем на радостях чай пить: много лет необретаемое слово теперь нашлось!». После этого отец Макарий сказал мне: «В свободные дни ты приходи ко мне – мы вдвоем будем переводить житие Иосифа: тебе это будет полезно, и будешь изучать Священное Писание». После этого я в свободное время приходил к отцу Макарию до тех пор, пока не окончили переводить житие Иосифа. По окончании этого перевода, отец Макарий благословил

[66] Библия, книга Бытия, гл. 37-50.

[67] Самовар

меня образом Святителя Митрофана и сказал при этом: «С этого дня ты будешь моим толмачом для перевода Слова Божия». С этого времени я служил у отца Макария толмачом около пяти лет. Мы вдвоем переводили молитвы, а также перевели несколько и из Евангелия.

Однажды в ночное время, во время занятия переводом Евангелия, отец Макарий закрыл глаза и, положив руки на стол, сидел. Я подумал, что он заснул. Он так неподвижно сидел около часа; потом открыл глаза и показывая на устье реки Улалы, при впадении в реку Майму, сказал: «Нет ли там ключика?» (маленькой речки). Я сказал: «На той стороне Маймы есть речка, которая никогда не мерзнет». Он сказал: «Там нужно поставить избушку». После этого, по прошествии еще недели, он таким же образом посидевши и открыв глаза, спросил, указывая рукой туда же: «Нет ли там ключика?» Я ответил: «Там есть речка, которая никогда не мерзнет». Он сказал: «Там надо поставить избушку». Я подивился этим его вопросам. Это было зимой.

По прошествии зимы, весной, после Троицы, я пришел к отцу Макарию. Он, шутя, сказал мне: «Богатые люди на пирах вино пьют, а мы, бедные, на пиру будем чай пить, потом прибавил: если вместо вина будешь чай пить, то будешь здоров». После этого угостил меня чаем и сам пил. Напившись чаю, он сказал: «Пойдем в поле, походим».

Мы вышли, прошли по берегу Маймы против острова. Здесь, на берегу острова рос черемуховый куст. Отец Макарий, остановившись под этим черемошником, сорвал один листок и долго рассматривал его, перевертывая на обе стороны. Я подумал в себе: «Этот отец Макарий ровно ребенок, еще ничего не видавший; рассматривает листок с дерева и дивится, как будто в первый раз видит». Когда я так думал, отец Макарий сказал: «В этом листике есть и жилки, и семечки, нужные для самого дерева; кроме того есть еще и внутреннее устройство, которое глаз человеческий не может видеть. Все это полезно для самого дерева и всему так быть повелел создавший бог». После этого он долго говорил мне в наставление.

Потом пришли мы к устью Улалы, при впадении в Майму. Когда мы пришли сюда, он сказал: «На этой стороне нет ли ключика?» И,

поднявшись на пальцах, внимательно рассматривал: нет ли на той стороне ключика? Я отвечал: «Там есть ключик». В этом месте, где мы остановились, был остров Улалы; вода тут была небольшая. Я хотел было положить через нее переход (дерево), но отец Макарий остановил меня и сказал: «Ничего». Потом отец Макарий сказал: «Там, на ключике нужно поставить домик». И дал мне пятирублевую синюю бумажку, сказавши: «Это тебе нужно будет». Оттуда мы возвратились домой. Потом, благословляя меня, он сказал: «Ты завтра прийди ко мне чай пить».

На следующее утро я опять пришел, и, напившись там чаю, опять пошли туда же. Отец Макарий, остановившись на том же месте, с которого мы вчера смотрели, и опять приподнявши на пальцы ног, рассматривая, сказал: «Там нет ли ключика?» Я ответил: «На той стороне Маймы при подошве горы есть ключик, который не мерзнет». Он сказал: «Там надо сделать маленькую избушку» и с этим дал мне десятирублевую красненькую бумажку, говоря: «Это тебе нужно будет». Затем мы возвратились домой. Когда пришли к дверям, он благословил меня и велел идти домой, я удивлялся случившемуся. С того времени доныне это не изглаживается из моей памяти и я не понимаю: для чего он меня опрашивал об одном и том же несколько раз?

Однажды отец Макарий, отслуживши обедню, пришел домой. В это время один человек, приехавши из Маймы, зашел к нему. Отец Макарий с гневом сказал ему: «Зачем ты сегодня, не почитая праздника, нечистым приходил в церковь? Разве нет для тебя других дней, кроме этого?». Тот стоял молча и потом сказал: «Виноват я». Отец Макарий сказал: «Очисти свои грехи и впредь так не делай».

Еще в одни день вечером, напившись чаю, отец Макарий сказал Михаилу Петровичу[68]: «Ты пристрастием своим к деньгам стал ублодобляться Иуде, а Степан Васильевич[69] будет миссионером». Такой отзыв отца Макария о Михаиле Петровиче Негрицком я слышал дважды. Он был сын священника. Возвратившись к отцу, женился, потом был дьяконом, после этого, судившись с управителем, лишился дьяконского сана и стал торговать. Вскоре после этого я слышал, что он умер.

[68] Один из послушников М.Негрицкий

[69] Ландышев , впоследствии протоиерей и начальник миссии

Еще однажды – в великий пост во время говения в церкви народу было много: некоторые приехали из деревни Ерихалки. В их числе был старик Андрей Табакаев. Этот старик после приготовления к причащению к Святой Тайне, стоя в церкви, увидел таракана, ползущего по полу, пошел за ним и задавил его. Отец Макарий, увидевши это, прогневался и сказал старику: «Это Божье создание, оно идет для своей надобности, а ты, разумный человек, не заботясь о себе, зачем сделал злое дело? Поговей же неделю, а потом приступи к причащению Святой Тайне». И старик это исполнил.

Отец Макарий вечерний чай пил всегда вместе со всеми теми, кто только находился в его квартире. Чай он пил на ходу. Так, он, прохаживаясь взад и вперед, в это время преподавал находившимся свои наставления, а мы все, сидя, слушали внимательно, не оглядываясь по сторонам. Однажды отец Макарий по таковому обычаю своему говорил слово назидания из Святого Писания. Когда Михаил Петрович оглянулся к дверям, отец Макарий, переставши говорить, подошел в передний угол и остановился. Так, молча, стоял он долго. Потом, подошедши опять к нам, спросил Михаила Петровича: «Ты что увидал там у дверей?» Михаил Петрович ответил: «*Я* смотрел, как бежала мышь». Отец Макарий сказал: «Тебе Господь повелел, чтобы ты трудился по заповеди Его, чтобы ты помышлял о нем день и ночь, а ты разве не хочешь учиться Его заповедям? Смотри на эту мышь и учись у нее. Она, исполняя заповедь Божию, ищет себе пищи, а ты не желаешь разве насытить свою душу добрыми делами?» После этого он заставил его молиться Богу, а нас отпустил каждого на свои работы.

Однажды Павел Сурочаков, стоя в церкви сзади всех, над чем-то рассмеялся. Отец Макарий был в алтаре. Вышедши оттуда, он вызвал Павла от двери и сказал ему: «Люди ходят в церковь для того, чтобы плакать или радостно хвалить и славить Бога, а ты пришел смеяться. Не уходи же отсюда, не поплакавши,и поставил его на колени, заставив класть поклоны до конца службы.

Еще однажды некоторые из улалинцев отправились в Ерихалку на праздник в Николин день. Там они пили вино и пиво. Возвратились домой некоторые через два дня, а некоторые через три. Когда они возвратились и под воскресенье пришли к

вечернему богослужению – в это время служил отец Анастасий, – отец Макарий, увидевши, что сказанные люди пришли в церковь, и похвалив их за это, сказал: «Я радуюсь, что вы были на празднике Святого Николая, ибо вы ездили туда чествовать его; ради этого вы использовали своих лошадей и сами терпели холод. Святой Николай будет молиться за вас». Потом он спросил их: «А вы там молились ли Святителю Николаю: был ли там священник?» «Нет», – ответили они. Отец Макарий спросил их: «Может быть, там есть молитвенный дом в честь святителя Николая?» «Нет», – ответили они. Отец Макарий зашел в алтарь, потом опять вышел и сказал: «Я ранее радовался, а теперь от скорби плакать бы, если бы были слезы. Горе мне! Я ранее радовался, предполагая, что вы ездили чтить Святителя Николая, а вы ездили, чтобы прогневить его. Вы допьяна пили вино, пили пиво, извергали блевотину, вы сквернословили, доходили до бесчувствия на радость бесам. Вы ездили, чтобы осквернить досточтимый праздник Святителя Николая». После этого он всех их заставил класть земные поклоны, и они молились до конца службы.

Когда отец Макарии был в Майме, то там учил одного крестьянского мальчика. Этот мальчик привезен был из деревни Кокши; когда настало пахотное время, отец приехал за ним и увез его. Зимой отец его, Алексей Замятин, опять привез его. Вместе с мальчиком они приняли благословение от отца Макария. Отец Макарий этому Алексею сказал: «Ты зачем этого мальчика давал опрыскивать водой?» Замятин ответил: «Когда он хворал, одна старушка попрыскала на него водицей». Отец Макарий сказал: «Что же, он выздоровел, когда его «попрыскали водицей»?» Замятин сказал: «Когда попрыскали водицей, стало легче и он выздоровел». В это время я был тут. Отец Макарий сказал: «Ты прогневил Бога и осквернил свое дитя. Зачем ты дал окропить сына своего бесовской водой?» Замятин сказал: «Старушка наперед освятила воду, потом окропила». Отец Макарий сказал: «А какой священник освятил ее?» Алексей ответил: «Та старушка прочитала молитвы над водой и подула на нее». Отец Макарий ответил: «Ты веришь этой старухе? Не беса ли она призывала на воду?» Замятин сказал: «Если это было от беса, то мальчик не выздоровел бы, а когда окропили его этой

водой, он выздоровел». Отец Макарий сказал: «Есть бес, который принимает вид доброго. Этот бес многих ловит на уду свою и делает своими рабами, и когда товарищ его производит в каком-нибудь человеке болезнь, этот притворно добрый бес говорит товарищу: освободи этого человека от болезни; оставь его; после мы всех их введем в обман, и они всегда будут нас призывать. Они не будут верить Богу, но будут близки нам. Так хвалятся таковые бесы. Обманутые ими люди будут вместе с ними в аду. Зачем ты сына своего осквернил этою бесовской скверной?» После этого отец Макарий поставил его на поклоны.

Когда улалинцы стали креститься, то один старец – некто Борис Кочаев[70] – оставался некрещенным. Отец Макарий долго его уговаривал. Каждую неделю он ходил в его дом и рассказывал ему о Боге. Борис стал с ненавистью смотреть на отца Макария, когда он приходил к нему. Однажды, когда Борис сидел у дверей своего дома, пришел к нему отец Макарий и, усевши возле него, по обычаю стал говорить ему о Боге. Борис, ненавидя его, говорил ему напротив. Отец Макарий долго сидел и говорил с ним. Не убедив его, отец Макарий сказал: «Я тебе желаю добра, чтобы на твою голову снизошла благодать Господня. Много раз беседовал я с тобой, но ты, кажется, не желаешь сей благодати Божьей. Теперь не я, а ты будешь виноват. Мне Бог повелел говорить тебе, и я много говорил тебе о Боге, о Его правде, о благости, обо всем говорил тебе. Ты говоришь: слух мой не принимает таких слов; теперь вместо счастья от Бога прийдет к тебе несчастье, вместо милости падет на голову твою гнев Божий». Сказавши это, он погладил его по голове и ушел. С тех пор отец Макарий уже не ходил в его дом. По прошествии месяца у Бориса пропали из ящика четыреста рублей денег. Через два дня вымер у него весь скот, а его было 110 голов. Из всех лошадей остался у него чалый двухлетний жеребенок. Этот Борис Кочаев, бывши богачом, в один год обеднел. Бегая от крещенья, он переселился в Бачат. Потерявши там последнее имущество, приехал назад и поселился в Могойте[71]. По недостатку в скоте, опять перекочевал в Улалу. Здесь он

---

[70] Предок нынешних Кочеевых, фамилия произошла от имени «Кӧчӧй».

[71] Ныне с. Мыюта, второе после Улалы оседлое поселение крещенных телеутов. Этимология названия возможна от двух слов «Могойты» по-монгольски «Змеиное» – Ыланду», либо от названия Мыйтуу» – «Кошачья гора».

крестился. Этот Борис дожил до 137 лет и умер крещенным, имя ему было дано – Василий[72].

В один из вечеров отец Макарий у себя в доме с послушниками своими, напившись чаю, пел из «Лепты». Я тогда еще грамоте не учился. Я с удовольствием слушал их пение. По окончании пения отец Макарий подошел ко мне и спросил: «Здоров ли сын твой Григорий?» «Здоров», – ответил я. Отец Макарий сказал: «Отчего твой мальчик так красив?» Я молчал. А он прошел в передний угол, потом воротился назад и ставши возле меня, сказал: «Если у тебя будут дети, отдашь ли ты на служение Богу?» Я ответил: «Если будут двое, я одного отдам». Отец Макарий сказал: «Ты говори: если Богу будет угодно, то всех отдам!» Сказавши это, он спросил послушника Степана Васильевича: «Ты слышал? Вот он обещал, что если будет у него двое детей, то одного из них он отдаст на служение Богу». Он благословил меня.

Возвратившись домой, я нашел сына своего больным, а на следующий день он отошел к Господу. Когда он помер, я пришел к отцу Макарию и, только что я вошел в двери, он спросил: «Здоров ли Григорий Михайлович?» Я сказал: «Отошел к Богу». Отец Макарий перекрестился и сказал: «Слава Богу!» А мне сказал: «Ты не скорби: он за тебя будет Богу молиться; ты же после будешь радоваться. У Бога осталось милостей еще недарованных больше, чем сколько дано».

Еще однажды вечером я пришел к отцу Макарию. Отец Макарий с псаломщиками, с Анастасием и Василием в одной комнате пили чай. Подавши мне чай, отец Макарий сказал: «Ну-ка, толмач, масляные глаза, – пей чай». Я начал пить. Он мне еще сказал: «Ты не постригай свои волосы». И я с того времени отпустил свои волосы. Отец мой, заметивши это, сказал: «Почему ты не подстригаешь свои волосы?» Я ответил: «Мне так велел отец Макарий». Отец мой сказал: «Нехорошо смотреть; такие волосы носят шорцы»[73]. После этого я опять стал постригать свои волосы. Когда пришел я к отцу Макарию, он сказал: «Ты, кажется, воруешь свои волосы».

И еще однажды вечером я пришел к отцу Макарию. Он преподавал нам наставление и Слово Божье. Когда я начал уходить с бы-

[72] В отчете за 50-е годы в «Творении Отцов».

[73] Алтайцы Кузнецкого округа, ныне Кемеровской области

шими у него людьми, он сказал: «Я хочу просить тебя у отца твоего; не желаешь ли быть моим?» Я сказал: «Буду, если отец благословит». После этого в один вечер он призвал отца моего и долго продержал его у себя. Отец мой, пришедши от него, сказал. «Говорит, отдай мне сына своего, и потому долго меня продержал. Я сказал, если желаешь, возьми Андриана, а отец Макарий настаивал, чтобы тебя взять. Если я тебя отдам, пойдешь ли ты?» Я сказал: «Он меня хочет везти в Россию». Отец сказал: «Пусть Андриан едет: у него нет жены и детей».

Когда я служил у отца Макария толмачом, отец начал гневаться на меня, говоря: «Ты постоянно ходишь к отцу Макарию и оттого плохо работаешь. После этого, когда усыновивший Андриана отец его – Николай – помер, Андриан возвратился к родному отцу и стал жить с нами. Отец, надеясь на младшего сына, меня отдалил от себя.

Это случилось так. В один день я собрался ехать рубить дрова; надел на себя два ярмяка и сижу, а отец говорит мне: «Куда это ты собрался ехать?» Я ответил: «В лес рубить дрова». Отец сказал: «Если хочешь рубить, так руби себе». Я ответил: «Кому же как не себе, – разве людям рубить буду?» Отец сказал: «Ведь я приказал тебе для себя рубить; а ты разве думаешь, что я велю рубить для людей? У тебя все абыз на уме; ты к нему постоянно ходишь, а дела хорошенько не делаешь, теперь отойди от меня и живи особо». Я сказал: «У меня нет ни дома, ни хлеба, куда я пойду?» Отец ответил: «Ты, молодой человек, сам найдешь себе хлеба и выстроишь дом. А если сам не сможешь, то выстроит тебе твой абыз». После этого я не мог ничего проговорить, сидел и плакал. Отец сказал: «О чем ты плачешь? Сегодня же пойди, ищи себе место». Я сказал: «Если ты мне ничего не дашь – как же я буду жить?» Отец сказал: «Я женил тебя, уплативши калым за жену; чего же еще я тебе дам? Уходи в этой одежде, в которой сидишь». Я ответил: «Дай мне, по крайней мере, чашку да ложку». Отец сказал: «Ничего не дам». И, отдавая мне мою шубу, сказал: «Кроме этого, ничего тебе не достанется». Я, взявши в руки эту шубу и возвращая её отцу, сказал: «Эта шуба не будет для меня хлебом и домом; возьми её назад: вместо этого дай мне твое благословение». Отец заплакал. Посидевши, встал и благословил меня образом Иисуса Христа. Получивши родительское благослове-

ние, я пошел и, выпросивши у свояка своего Александра Пояркина амбар, стал там жить.

Четыре дня я плакал, сердце мое сжалось от горя; я скорбел, не зная, за какую бы мне работу приняться. На пятый день призвал меня отец Макарий. Когда я пришел, отец Макарий сказал: «Что твое лицо так мрачно? Что случилось?» Я, не сказывая о том, что отделился от отца, ответил ему: «Нет, ничего не случилось, не знаю». Отец Макарий посмотрел несколько времени, взял Евангелие, положил на стол и сказал: «Будем теперь переводить из этой книги». Я подошел и сел. Отец Макарий говорил мне из этой книги, а я переводил на алтайский язык. Позанявшись несколько этим переводом, отец Макарий опять меня спросил: «Что дурное ты сделал? Не утаивай от меня; тебя видно по лицу; ты что- то, кажется, сделал». У меня захватило дыхание, и я не мог ничего выговорить; потом, заплакавши, сказал: «Отец меня прогнал, не давши мне ничего». Тогда отец Макарии встал и сказал: «Слава Богу!» Если родной отец тебе ничего не дал, то даст тебе Отец небесный. Не испытавши горького, не поешь и сладкого; не испытавши холода, не оденешься в теплое; поплачешь вечером, будешь радоваться утром». Сказавши это, он спросил: «Ты теперь где живешь?» «У Александра Пояркина в амбаре».

Тогда отец Макарий дал мне 4 пуда муки. На другой день велел мне купить чашек, ложек и дал для это 10 рублей. Получивши это, я купил у Андрея Щетинина сколько нужно чашек, ложек. На третий день, позвавши меня, дал мне горшок и топор. После этого купил мне кобылицу серую. Прошло еще около месяца – и он купил для меня у Ермолая Шабалина дом, амбар и дворы. С той поры в свободное время я стал ходить к отцу Макарию и заниматься переводом Слова Божия на алтайский язык.

В один день меня позвали с пашни. Прихожу, сидят много людей. Отец Макарий, благословивши меня сказал: «Я теперь еду в Россию, назад не возвращусь; вы за меня грешного молитесь Человеколюбцу Господу Иисусу Христу. Я вас не забуду и буду за вас молиться». Сказавши это, он прослезился. Мы, видя его слезы, не могли удержаться и заплакали. Когда мы плакали, отец Макарий сказал: «Не плачьте, братие, у нас у всех отец Иисус Христос; не будем от Него

отлучаться. Если мы от Него отлучимся, то это будет и худо, и горько. Тогда будет такое горе, что люди непрестанно будут плакать, и никто не утешит; будут непрестанно скрежетать зубами, и никто не избавит их от этой скорби. Вы думаете, что я ухожу от вас и уже никогда не увижусь, а я думаю, что увидимся с вами в царствии небесном. Молитесь друг за друга, ибо Бог есть Любовь. Он всех любит, так и вы всякого человека любите, как себя. Я желал бы, чтобы вместе с вами жить на небесах». Когда он сказал это, из глаз его брызнули слезы. Видя его слезы, и мы не моглп удержаться и плакали. Отец Макарий сказал: «Теперь вашим отцом будет отец Степан. Я оставлю его вместо себя и призываю на вас Божие Благословение. Пусть он учит вас во имя Божие всякому добру. Как вы меня слушали, так и его слушайтесь». Так отец Макарий до самого отъезда в Россию учил нас доброму, подобно тому, как отец, умирая, дает наставление своим детям. Он уехал. Мы, оставшись после него, плакали, подобно сиротам лишившимся своего отца[74].

Когда отец Макарий уехал в Россию, я стал прилежно заниматься пашнею. Когда все ровные места выпахались, а на косогорах пахать было трудно, то я скорбел об этом. У кого лошадей было много, тем было легко, ибо те могли много и запрягать для пашни, а я мучился, ибо лошадей у меня было мало.

В это время в одну ночь я не мог заснуть, какой бы способ изобрести и какую соху бы сделать, чтобы удобно можно было пахать на косогорах. И вдруг мне придумался в мыслях моих этот способ так ясно, как будто я вижу глазами. Я немедленно устроил такую соху, попробовал пахать – легко даже для двух лошадей Подымаемые такой сохой пласты земли отваливались свободно по склону косогора[75]. При таком устройстве сохи она могла свободно двигаться по борозде. Я весьма радовался и благодарил Бога.

---

[74] Макарий Глухарев по болезни вынужден был покинуть Алтай в 1843 г.

[75] Когда соха идет вперед, пласты обычно сваливаются на одну сторону; когда же она идет назад – пласты сваливаются в другую. Когда приходится пахать по косогору, то, следовательно, пласты при повороте сохи должны были отваливаться в сторону горы, что чрезвычайно трудно. Приспособление, сделанное отцом Михаилом, состояло в том, что пласты земли всегда отваливались в одну и ту же сторону именно по склону горы.

После этого я поставил мельницу. Эта мельница работала хорошо. Я радовался и благодарил Бога.

Научился я также и железо ковать; потом научился выделывать сыромять; учился и столярному искусству; научился и тес пилить; научился и оспу прививать... Все эти ремесла могли бы быть мне полезными, но они не сделали меня богатым потому, что мысли мои двоились.

Однажды воззвал меня отец Степан и сказал: «Будем переводить Слово Божие. Будь моим толмачом. Я тебе буду платить в год 40 рублей». Я ответил: «Я имею жену и детей, сорока рублей для меня мало». Отец Степан сказал: «Ты так поживи на первый год, а далее я каждый год буду прибавлять тебе». И я служил у него толмачом в течение 4-х лет. Но в течение четырех лет мне было прибавлено только 10 рублей.

И так, во время этого четырехлетнего времени служения моего в должности толмача, мы занимались переводом Слова Божия (на телеутский язык). Когда кто-либо приходил креститься, то я, с благословения отца Степана, учил их по-алтайски молитвам и рассказывал им о святой вере, а иногда отец Степан сам говорил им по-русски, а я переводил[76].

Через два года после этого приехал из Кузнецка[77] один чиновник по имени Николай Иванович Ананьин[78]. Он, остановившись у отца Степана, позвал меня к себе. «Я занимаюсь собиранием сведений о нравах инородцев одного с вами языка, их песнях, поговорках и камланиях. Такие сведения у меня собраны о кузнецких инородцах, но для перевода их на русский язык способного человека там не нашлось. Услышавши, что ты умеешь переводить, я позвал тебя: займись со мной переводами». Я ответил: «Я служу у отца Степана толмачом и не могу располагать сам собой; попросите отца Степана». Он сказал: «Я тебя у него выпросил, и он обещал отпустить тебя». В это время отец Степан вышел из двери другой комнаты и сказал

---

[76] В «Житии Чевалкова» (1860 г. написания): «Иных учили по неделе, а иных и две недели. Иные, придя креститься, колебались и уходили обратно».

[77] В оригинале «из Аба-Туры». Это было, судя по всему, в 1845 году.

[78] Смотритель Кузнецкого уездного училища, этнограф.

мне: «Я еду в Бийск[79], а ты позаймись с ним переводом». И так я с этим Ананьиным более недели переводил легенды на русский язык. Когда воротился отец Степан, Ананьин сказал: «Ты мне напиши о верованиях здешних инородцев, их песни, повести и предания, какие есть от прежних времен». Сказавши это, он дал мне два целковых и уехал. Все, что я писал об этом, я передавал отцу Степану, а он почтой посылал Николаю Ивановичу. На другой год он опять приехал и взял меня с собой в город Бийск. Там я прожил 9 дней, занимаясь переводом. Он мне дал за это три целковых и уехал. После этого, по прошествии трех месяцев, отец Степан получил бумагу о том, чтобы я ехал на подводах в Кузнецк, и я через пять дней приехал к Ананьину. Там прожил около двух месяцев. Кончивши переводы, я возвратился домой. Николай Иванович дал мне 10 целковых. С тех пор я его не видал, а он мне говорил: «Я буду тебе помогать деньгами», – по ничего от него я не получил.

Когда я возвратился из Кузнецка, была весна. В эту весну в Улале вода была большая. Был какой-то праздник: в этот день собрались ко мне молодые люди; я их учил петь церковные песни. В это время вдруг мой дом затрещал: некоторые поэтому, засмеявшись, сказали: «Много народу собралось сюда, не может держать и трещит»; а другие сказали: «Не вода ли подходит», а вода в реке Улале была ровна с берегами. Тогда Илья Корольков сказал: «Я пойду посмотрю». И лишь только он отворил дверь, изба навалилась в сторону; тогда некоторые выбежали через дверь, а другие выскочили через окошки, а вещи, какие были в избе, вытаскивали через окна. Дверями вытащили только один ящик. Так как народу было много, то они не дали водой разнести бревна, но повытаскивали их на берег. Тем не менее, так как все-таки некоторые бревна унесло, а многие были уже гнилы, то снова ставить избу было невозможно. И так мы в этот день пели, а вечером плакали. Я лишился избы. На следующий день пришел я к отцу Степану. Отец Степан в счет моего жалования

[79] В оригинале 1860-го года «Бий-Тура»: название любопытно тем, что обычное алтайское название Бийска – «Jаш-Тура» – «Молодой или Юный город», то есть иначе – Младоград или Новоград.

купил мне у Михаила Наурчакова недоделанную избу. Летом я ее перевез и поставил.

Однажды отец Степан послал меня с миссионером отцом Арсением к кузнецким телеутам-шорцам. Мы ночевали в дороге, на следующий день приехали в село Енисейское к волости. Когда я там сидел в доме у ямщика, вошел какой-то человек, поцеловал мою руку и сказал: «Здравствуй, ангел Божий!» Он говорил это много раз и всякий раз целовал руку. Я спросил: «Где ты живешь?» Он сказал: «Я приехал издалека». «Как тебя зовут?» Он сказал: «А ты разве не узнаешь меня». Я тебя видел в Бачатском селе в церкви». Когда он сказал это, я узнал его. Это был тот, с которым мы встретились, когда я ехал с дядей на праздник Святителя Николая, и дядя мой Ченот сказал: «Это дурачок Евсей». Узнавши его, я спросил: «Не ты ли Евсей?». Он мне что-то сказал, но я не понял. Он скоро вышел. Я удивился этому, и с тех пор он не выходит из моей памяти.

С отцом Арсением мы оттуда отправились и через три дня прибыли в Кузнецк. Там прожили один день. Оттуда поехали в аилы шорцев, вверх по реке. Эти шорцы живут как русские, их избы и одежда такие же, как у русских: только женщины носят другую одежду. В домах у них есть образа, а у некоторых есть и камские бубны. Увидевши это, я спросил: «Ведь вы крещенные? Зачем же это у вас стоят камские бубны?» Они ответили: «Мы, хотя и крещенные, но как можем жить без камлания?» Я спросил: «Вы молитесь Богу по русскому обычаю?» «Как же, молимся». Я спросил: «Как именуете вы Бога?» «Никола-батюшка, еще Илья-пророк», – ответили они. А иные сказали: «Иисус Христос также Бог». Я сказал: «Один Бог Иисус Христос. Кроме него нет Бога, а Святитель Николай и Илья пророк – не боги; они были угодники Божии; теперь они пребывают в светлом, прекрасном и радостном месте». Некоторые из них сказали: «Мы слышали, что Иисус Христос истинный Бог, но мы немного ему молимся». Я побеседовал с ними несколько об истинном Боге. Спросил я также у них: «В этом селении все крещенные?» «Да, все крещенные», – ответили они. «А священники учат вас молиться Богу?» «Иногда учат». «Чему же вас учат священники?» «Учат молиться Богу» «Только?» Они ответили: «Чему же нас учить! Мы русского языка вполне понимаем, а жены наши и дети совсем не знают».

Мы прожили в этом селении один день; на слелующий день, когда ехали вверх по Мрасе, встретился нам один человек, который вез на волокуше бересту. Лошадь под отцом Арсением испугалась и начала бить. Мы не могли догнать и поймать ее. Когда лошадь мчалась, отец Арсений упал, нога завязла в стременах, и он несколько времени был влачим по земле; потом освободился. Когда мы подьехали к нему, чтобы поднять его, он сказал: «Погодите, не троньте; я полежу немного». Я спросил: «Каково? Благополучно-ли?» Он ответил: «Благополучно». Мы поймали его лошадь, посадили его и поехали дальше. Приехали в аил, называемый Мыс[80]. Я спросил тамошних шорцев: «Вы, кажется, крещенные? Знаете ли вы Бога?» «Знаем», ответили они. «Как зовут Бога?» «Иисус Христос», – а другой сказал: «Микола». После этого я им рассказал о Боге и о Святителе Николае.

Потом приехали мы в один аил, находившийся по реке Мрасе. Имя этого аила я забыл. В этом месте рос густой черный лес по обеим сторонам дороги. Тут живет ямщик, который возит заводские подводы. Мы остановились у него. В это время пришли два человека. Я спросил у них: «В этом месте у вас кажется, нет пахотной земли? Чем же вы питаетесь?» Ответили они: «Весной мы ловим рыбу и сплавляем ее на лодках в Кузнецк, продаем ее там, на деньги покупаем хлеб и назад возвращаемся лодкой на шестах. Некоторые из нас продают мед и покупают хлеб; богатые занимаются торговлей». Поговоривши со мной, они ушли домой. Отец Арсений сказал: «Ты здесь походи по домам. Если встретишь некрещенных, побеседуй с ним, сколько умеешь». И я посетил шесть домов. В некоторых домах я видел образа, в других бубны и спросил: «Отчего это у вас в некоторых домах находятся образа, а в других бубны?» «Ведь мы не русские, у которых нет камов», отвечали они, когда придет горячка, то как жить без камлания». Я побеседовал с ними о десяти заповедях, о святой вере. Вышедши оттуда и идя по улице, я встретил двух человек, которые стругали тес, а двое сидели возле них, и я сел с ними. И те, подошедши, сели возле меня и спросили: «Ты откуда приехал?» Я сказал, где и на какой речке я живу, куда и для чего мы ездим. Пока мы так разговаривали, из проходящих мимо по дороге собралось к

[80] Ныне г. Мыски – бывший центр Горно-Шорского национального района до 1949 г.

нам около двадцати человек. Я спросил их: «Вы все крещенны?» Они отвечали: «Здесь все крещенны». «Знаете ли, как зовут Бога?» «Знаем». «Кого же вы призываете, когда молитесь?» Они ответили: «Молимся Миколе-батюшке, также пророку Илье». Я сказал: «А Иисусу Христу молитесь?» Они отвечали: «Об Иисусе Христе мы слыхали, но хорошенько о нем не знаем». Я спроспл: «Разве священник вас не учит?» Они ответили: «Священник сюда приезжает, соберет сбор и немедленно возвращается домой». Я спросил: «И так священник вас не учит?» Они ответили: «Как же он нас будет учить, когда мы не знаем по-русски?» Тогда я им рассказал обо всем, начиная от Адама и до Рождества Христова, а также рассказал и о воскресении мертвых, о втором пришествии Христовом, о суде живых и мертвых. Они сказали: «В старину, при наших предках какой-то священник приезжал сюда с военными людьми, окрестил их и возвратился домой. Мы – потомки этих крещенных – ничего не знаем, колеблемся в ту и другую сторону. У нас нет человека, который научил бы нас Слову Божьему. У кого же нам учиться? Поэтому мы и держим камов для камлания». Я сказал: «Вы не верьте, что говорят вам камы – камы и сами не знают истинного Бога; обманываемые дьяволом, они камлают вам». Они сказали: «Мы исстари чествуем жертвами землю, на которой живем, воду, небо; как же мы теперь осмелимся остановить чествование их?»

Тогда я рассказал им о Боге, как Он словом исцелял больных, воскрешал мертвых. И, вставши, отправился на свою квартиру. Когда я шел по улице, то встретил около 30-ти человек, которые плыли на лодках вниз по Мрасе, занимаясь ловлею рыбы. Увидевши их, я остановился и подождал на том месте, где следовало им вытаскивать невод. Когда они вытаскивали невод, я заметил, что они рыбачили в три невода. В том, который был вытащен сперва, оказалось 8 тайменей, в следующем окуни, шуки, а в третьем чебаки. Кроме этой, другой рыбы я не видел.

После этого, когда я возвратился в квартиру, мы отправились с отцом Арсением на лодке вниз по Мрасе, и приехали в селение, находившееся выше Кузнецка, ибо там оставался наш экипаж. Отсюда мы приехали в Кузнецк. Ночевали там, через день приехали к бачатским телеутам.

Там среди этих телеутов встретили некоторых родившихся уже от крещенных; но родители воспитали их некрещенными и сыновей своих поженили, а дочерей выдали за некрещенных. Мы их не узнали бы, но здесь (в селении Улу-айыл) жил некто Александр, новокрещенный. Его крестил отец Стефан. Этот Александр пересчитал нам всех, которые родились от крещенных, но остались до старости некрещенными. Мы там спросили: «Почему они не крестились, когда их родители крещенны?» Александр ответил: «В прежние времена, когда приезжал сюда священиик, чтобы крестить детей крещенных, то они почему-то не давали их крестить. Это оттого, что они как крестились, так никогда и не слышали учения о Святой Вере и, живя среди некрещенных, не зная сами веры, не дозволяли и детей крестить. Теперь родители их померли: у детей их есть дети, и они также остаются некрещенными».

Тогда мы собрали и спросили их об этом, они ответили: «Почем мы знаем, от крещенных или от некрещенных мы родились; мы и сами-то не знаем». А иные сказали: «Правда, мы слыхали об этом от родителей наших». Тогда я побеседовал с ними о Боге, о святой вере Божьей. На третий день мы крестили тут 30 человек. Один не стал креститься, ибо он был кам. Мы прожили тут 3 дня, поучили их вере и возвратились домой.

По возвращении оттуда (от Байатских телеутов), послуживши еще несколько времени толмачом, так как получаемого мною небольшого жалования недоставало на хлеб и на одежду для четырех детей моих, я перестал быть толмачом и начал торговать. Благодаря Бога, питался этим, а в свободные дни переводил на алтайский язык из Святого Писания и читал это незнающим русского языка. Любители Слова Божия приходили и слушали.

После этого я нанял двух человек и со своей женою и с зятем отправился на Телецкое озеро ловить рыбу.

Выехавши из дома, мы прибыли на речку, называемую Иша. Там один чиновник по фамилии Сосунов, собравши общество трех зайсанов, занимался разбором судебных дел. Собравшийся народ, человека по два и по три, стояли своими станами под деревьями. Когда я приехал к ним, один алтаец по имеии Суулук сказал мне:

«Слава Богу, что ты приехал, эти тубинцы[81] помогают своим ворам. Они, кажется, подружились с начальником и разбирают мое дело: на моей стороне – никого; Бога ради, вы мне помогите. Их толмач нашего языка хорошо не знает».

Я пересказал об обиде его начальнику, начальник приказал удовлетворить его. Тубинцы хотели меня побить, говоря: к чему ты вступаешься в наши дела? Но когда пришел казенный толмач Карбышев, они остановились.

Тубинцы подобны стаду без пастуха: кто у них богат, того они почитают как начальника, а кто беден, те как запуганные рыбы, боятся суда. У них бедняки не приносят жалоб на обиды, боясь суда. Когда я спросил: «Почему вы не объявляете суду о ваших обидах?»- они ответили: «Как просить суда тому, у кого нет больших табунов скота и денег в сумах! Мы боязливы, как зайцы, и молчаливы, как рыбы. Мы народ, с законом не знакомый, что мы можем знать? Начальникам нашим нравятся речи только тех, кто добывает черного соболя и убивает жирного зверя»...

...Я там ночевал; на следующий день мы отправились к крещенным инородцам, живущим в селении Ынырга. Когда я хотел войти в дома новокрещенных, то нашел их пустыми, ибо новокрешенные не живут в избах, выстроенных им миссионерами, а устроили себе берестяные юрты, где и живут, сидя около огня, разведенного посередине[82]. Я спросил: «Отчего это вы не живете в домах, а сидите в таком дыму и портите себе глаза?» Они ответили: «Мы не умеем жить в русских избах и устраивать внутри их по-русски не умеем, для нас лучше эти берестяные юрты, где можно и покурить, и талкан (толокно) изготовить».

Я сказал: «Пашете ли вы землю, как русские?» Они ответили: «Мы сеем хлеб, возделывая мягкую землю «абылами» (мотыгами), а некоторые работают у русских за то, чтобы они им немножко посеяли хлеба». Я сказал: «Почему вы сами не устраиваете сох и не пашете?» Они ответили: «Не умеем, потому что не научены этому». Я

---

[81] Тубинцами (тубаларами) алтайцы называют черневых инородцев, живущих по реке Бии вверх и ее притокам.

[82] Так было 40 лет тому назад, теперь таких пустых домов нет. (Примечание переводчика М. Невского 1894 года).

сказал: «Вы ленитесь учиться, если бы вы пахали землю как русские, то на хлебе не впали бы в долги». Они ответили: «Хорошо было бы, если бы могли устроить русскую соху и пахать землю. Правда и то, что мы ленимся». Я сказал: «Вы хлеба много не сеете, русскую работу не работаете, откуда же вы находите подать для царя и хлеб для себя?» Они ответили: «Когда наступает лето, мы приготовляем сено для скота: когда бывает урожай ореха, мы собираем орехи; когда приходит осень, мы занимаемся звериным промыслом». Я спросил: «А много ли вы приобретаете от сбора ореха и звериного промысла?» Они ответил: «В урожайный для орехов год достаточно добываем себе на хлеб, а когда не родятся орехи, то от одного звериного промысла едва остается на подати. А те, у которых недостает на подать царскую, те нанимаются к русским в работу на год».

Расскажу теперь о том, что водится у них в местах их жительства. Кругом – черный лес, покрывший все пространство до снежных вершин гор. Река Ынырга, вытекающая с запада, впадает в Каракокшу[83]; исток этой Ынырги берет начало из высокой горы, называемой Кара-Кая (Черная Скала). Живущие около этой горы тубинцы приносят ей жертвы. Тубинцы говорили мне: «В старину, когда приходили войной монголы, то богом нашим, спасшим тогда от них предков наших, была вот эта гора со скалой, и мы теперь каждое лето приносим ей жертвы. И теперь она со своими растущими на ней орехами и добычей дает нам и хлеб, и подати». Я спросил: «Эта гора, называемая Черной Скалой, как избавила предков ваших от нашествия монголов?» Они ответили: «Когда монгольское войско преследовало народ наш и он, взойдя на эту гору, принес ей жертву, то она стала непроходимым, как ночь, темным лесом (черною). Тогда монголы не могли найти дороги, возвратились домой».

Вершина реки Каракокши выходит из снежных гор с юга и впадает в Бию версты четыре пониже Кебезеня. В Каракокшу впадает река Уймень; вытекает она с зимнего солнцевосхода горы. А с зимнего солнцезаката выпадает Сары-Кокша и впадает в Каракокшу повыше Ынырги, а река Пыжа вытекает с зимнего солнцезаката и впадает в Бию повыше Кебезеня. Все эти реки вытекают со снеговых гор, находящихся между Бией и Катунью. Все они рыбны и от устья

[83] В оригинале – Кара-Көпши (1860 г.).

до вершины исперщепы серыми камнями (по берегам) и черным лесом. На них растет: кедр, пихта, береза, осина, тополь желтый, белый, красный и черный тал. Около устья реки растут сосны, черемуха, рябина, калина, малина, черная и красная смородина, акация и пищальник (бузина), собачьи ягоды, серый тал, осокорь, алагак (пестрая курица), ель, тая (трость), таволожник, сеоскос, терновник, боярка, жимолость.

Теперь скажу о животных по шерстям их. Более всех водятся: бурундук, белка, колонок, горностай, сурок, землеройка, водяная крыса, три рода мышей, водяная мышь, хорек (хомяк), лисица, заяц, дикая коза (антилопа), марал, рысь, медведь, белый олень, лось, соболь, пищуга (сеностав), росомаха.

Перечислю и рыб: таймень, щука, кускуч, налим, хариус, балбак-баш, урюп, тилмай.

В Ынырге мы прожили три дня, потом спустились к устью Кокши и там ночевали. На следующий день, переправившись через Бию, приехали в Кебезень и там ночевали. Там было три двора русских и два дома новокрещенных. По речкам, вытекающим из гор, с восточной стороны от Кебезеня, кочует Тиргешское (Кергешское) племя. Эти тиргешские инородцы народ честный – воровства у них нет. Здесь, в Кебезене мы прожили до весны. После праздника Пасхи я отправился искать диких пчел; нашел 9 колодок. Эти 9 колодок дали 11 роев, а всего в этом году стало 20 колодок.

После этого, проживши до Ильина дня, мы отправились на Телецкое озеро для рыбной ловли. Там около месяца ловили сельдей; всего поймали около 40 пудов. Обитающие здесь тиргешцы каждый день по ночам неводят рыбу. Их невода не больше 10 саженей, и такими короткими неводами они добывали рыбы больше нашего, а у нас невод был в 50 саженей. Это потому, что они когда неводят, то одни из них веревки, которыми привязан невод, тащат по дну, придавляя их ногами, а другие, стоя в лодках, двигаются на шестах. От этого их невод захватывает рыбы больше, чем наш; мы однажды вытащим закинутый невод, а они в это время успеют закинуть трижды; вследствие этого и улов у них удачнее. На дресве, в том месте, где они вытаскивают невод, они разводят огонь и сидят, ожидая невода. Всякий раз, когда вытащат невод, они садятся и закуривают трубку.

Во время пребывания моего здесь выслушал у них следующую песню:

Как прекрасно Золотое озеро
Со своим растилающимся белым туманом!
Как вкусна рыба его,
Которой кормит оно народ свой!
Как прекрасны горы его,
Покрытые сплошь черным лесом.
Как тучны стада зверей его,
Коими он питает народ свой!

Когда у нас истощился весь запас, то мы с женой отправились на лошадях в Кебезень, пробыли там два дня и, изготовивши запасов, отправились опять к озеру. По пути в юрту Тадужека, жившего на берегу озера, заехали к нему. В юрте сидел один старик с седой трясущейся головой. «Дед! Сколько тебе лет?» – спросил я. Старик сказал мне: «97 лет». Я спросил: «Сколько же еще ты проживешь?» Старец сказал: «Сын мой! Долго ли уж мне теперь жить! Может быть, сегодня умру, а если не сегодня, то завтра. Разве ты не видишь меня? Я сижу на самом краю могильной ямы, сижу и каждый день жду смерти». Я сказал: «Ты ожидаешь смерти, а после смерти где будешь жить? Расскажи мне, почтенный старец. Старик сказал: «Откуда мне знать, сын мой? Мы выросли как полевые звери: вот вам-то лучше знать; ведь вы читаете Божьи книги и беседуете с Богом». Я ответил ему: «Пожалуй, я расскажу тебе из Божьей книги: поверишь ли ты?» Старик сказал: «Чему же больше верить, как не Божьему слову?» И я сказал: «Един Бог – Иисус Христос, который создал небо и землю, и птиц летающих, и зверей бегающих и все дышащее, и всех людей. Кроме него, никакого Бога нет, кто в него не верует, тот не может войти в Его блистающий свет, исполненный блаженства, ибо Бог есть величайший свет, величайшее благо. Свет Его никогда не меркнет, блаженство Его никогда не оскудеет, но существует всегда, вечно и привечно. Те люди, которые в Него не веруют, не могут жить в Его блаженном свете». Тогда старик сказал: «И мы тоже веруем в Бога, а также и в Азу»[84]. Я сказал: «В какого же Бога вы веруете, как имя его – скажи мне». Старик сказал мне: «Мы поклоняемся и жерт-

84 Злое божество – демон.

вы приносим Алтай – хану, Небу – хану, а также приносим хлебные жертвы высоким горам и рекам, которые кормят нас, как матери». Я спросил: «Кто же из них больше всех?» Старик ответил: «Больше всех – отец всех – Богатый Ульгень[85], а за ним – Эрлик[86]. Я сказал: «Итак, ваша душа которому из них достанется?» Старик ответил: «Мы пойдем к общему отцу, прадеду Эрлику». Я сказал: «А прочие так ни с чем и останутся?»

Старик рассмеялся и сказал: «Весь этот народ произошел от прародителя Эрлика; конечно, к нему и пойдут, ибо от него произошли все люди; мы – потомство его, где он будет, там и мы». Я сказал: «Эрлик – не Бог и Ульгень – не Бог; Един Бог, создавший все видимое и невидимое есть Иисус Христос, а все прочие – не боги. Вы поклоняетесь горам и водам – они не боги, но творение Истинного Бога. Поэтому вам вместо того, чтобы поклоняться твари, следует поклоняться Господу Богу Иисусу Христу, создавшему эти горы и воды, и за все Его благословлять».

Старик сказал: «Как же Ему надобно молиться? Так объясни нам». Я ответил: «Боже Мой, Иисусе Христе, ты создал всякую реку, все высоты гор. Ты создал и небо, и землю, и все, что в них, будь Ты благословен! – Так надобно молиться!» Старик молчал, а я еще сказал: «Если кто-нибудь устроил человеку дом, полный всяких сокровищ, то получивши его кого бы за это стал благодарить – стал ли бы он дом благодарить или того, кто дал этот дом?» Старик ответил: «Конечно, не дом же будет благодарить, а того, кто дал этот дом». Я сказал: «Почему же вы приносите благодарение небу, и земле, и всему, что на них есть, а не благодарите Бога, который создал их?»

Старик ответил: «Мы подобны зверям, которые живут и растут в поле: что мы знаем? Вот вы это знаете, которые держите в руках Божии книги[87], с Богом беседуете». Я сказал: «Ты крестись – и будешь, как чадо Божие: Бог даст тебе блаженный свет». Он сказал: «Если

---

[85] Доброе божество. В оригинале: «Больше всех – отец всего сущего – Священный Ульгень-Всевышний».

[86] Злое божество, владыка подземного мира.

[87] Характерно то, что в данном случае М. В. Чевалков в отношении «книги» употребляет слово «судур», тем более интересное в лексике так называемых тубаларов, или же лесных людей. Следовательно, и население Черневой тайги было в свое время знакомо с письменностью, грамотой Центральной Азии.

хочешь ты крестить меня, то скажи мне, что значит крещение». И, сказавши это, прибавил: «Я думаю, что если и не крещусь, но по твоему наставлению буду молиться Христу Богу, то буду угоден Богу». Я ответил: «Сам Бог сказал: кто не родится снова от воды и Духа, тот не войдет в свет Божий, в Царство Небесное».

Старик ответил: «Как же это от воды родиться? Скажи мне, сын мой». Я ответил: «Истинный Бог Иисус Христос за грехи всех народов сошел с небес на землю и во чреве Святой Девы принял на себя тело человеческое, был распят на кресте, умер, в третий день воскрес из мертвых и потом, поживши на земле 40 дней, взошел на небеса: поэтому, когда человек в образ тридневной смерти и погребения троекратно погружается в воду во имя Божье, то он снова рождается от воды и Святого Духа; таким образом, возрожденная душа человека сияет Божьим светом, уподобляясь Богу, ибо сей крестившийся человек облекается во Христа; поэтому он делается подобным Сыну Божьему».

Старик сказал: «За какую же вину некрещенные люди не войдут в свет Божий?» Тогда я рассказал ему все, начиная от Адама, о их грехопадении, о рождении Иисуса Христа, о том, как Он страдал, как по воскресении в третий день в сороковой день взошел на небеса, как опять придет на землю в последний век судить живых и мертвых. Старик, все это выслушавши со вниманием, сказал: «Сегодня или завтра я умру, сын мой; здесь без священника кто меня окрестит?» Я ответил: «С попутным человеком я пошлю священнику письмо, а ты пока здесь учи молитвы». Старик сказал: «Ты дай мне свой крест, который будет для меня Божьим знамением». Я возложил на него свой крест и несколько поучил его молиться Богу.

Отправившись оттуда, я прибыл в свой стан на озеро. Когда я добывал там рыбу, из Кебезеня отец Стефан прислал за мной человека звать к себе. Когда я приехал, он сказал: «Когда я хотел крестить этого старика[88], которого ты приготовлял к крещению, то он мне сказал: «Я дотоле не крещусь, пока не прийдет тот, кто дал мне крест»; поэтому-то я послал за тобой». Тогда я спросил у старика: «Почему ты от этого священника не крестишься?» Старик ответил: «Этого

[88] В оригинале старика звать Ӳлӳштей.

священника я прежде не видывал и удержался креститься, думая, не хочет ли меня крестить какой-нибудь ложный священник».

Я сказал: «Это наш старший Улалинский священник отец Стефан». Он сказал: «Ну, крестите». И отец Стефан окрестил его, назвав его Петром.

На следующий день отец Стефан вместе со мной приехал в мой стан к озеру. В тот день, когда мы приехали, работники мои, собирая дрова около стана, нашли дерево с пчелами. Оттуда мы получили около пуда меду. На следующее утро отец Стефан дал мне несколько крестов, сказавши: «Я даю благословение и эти кресты, чюбы ты давал их тем, кто пожелает креститься». После этого отец Стефан отправился обратно в Улалу...

В один день, когда я в своем стане сидел и пил чай, пришли два человека. «Здорово!» – «Здорово!», – ответил я. «Что нового?» – «Нет ничего». «Много рыбы добываете?» – «Ничего, добываем. Куда вы едете, братцы?» – «Только досюда. Есть хочется: нет ли сухарей?» – спросили они. «Есть; погодите – я вам испеку рыбу; с сухарями есть ее хорошо». Я испек им рыбы и дал. Они стали разговаривать со мной помягче. Я спросил: «Вы откуда едете?» – «Отсюда мы поедем в Чолышман», – отвечали они. «Какая у вас нужда в Чолышмане, что вы так торопитесь, оставивши добычу орехов?» – спросил я. Они ответили: «Едем туда по необходимости». Я спросил: «Какая такая необходимость?» Один из них ответил: «В прошедшую зиму у меня умер отец, а у этого товарища умерла жена – для этого мы и плывем в Чолышман: там есть кам Ниас; хотим привезти его, чтобы он очистил нечистоту наших юрт». Я спросил: «Какая же это нечистота в ваших юртах?» Они ответили: «У нашего народа есть верование, что когда умрет кто-нибудь, то в той юрте, где он умер, остается нечистота – его «алдачи» – «ангел смерти», и он, говорят, возьмет еще душу, если его не изгонят при помощи сильного кама, и он, говорят, унесет и всех остальных людей».

Я сказал: «Разве среди тиргешцев не нашлось кама, который бы мог его выгнать?» Они ответили: «Во всей этой черни нет кама, который был бы так же силен, как чолышманский кам Ниас».

Тогда я начал им говорить: «Бог Иисус Христос, который мог создать небо и землю. Он один может очистить человека от скверны и

изгнать из него беса; кроме же Его никакой кам человека очистить не может». Они сказали: «Да ведь наши камы, когда изгоняют бесов, тоже призывают Бога». Я сказал: «Какого Бога призывают ваши камы?» Один из них сказал: «Отца всех Богатого Ульгеня, а также призывают хозяина Земли и Воды». Я сказал: «И землю, и воды, и все видимое и невидимое, все живущее, все, что на этом свете есть, создал истинный Господь Бог в шесть дней и после всего сотворил отца всех народов Адама. Кроме Него никакого другого Бога нет. Тот, в кого вы веруете, именуя его богом, – не Бог. Бог не земля, не небо, не месяц и солнце, не гора высокая, не воды морские или что-либо такое, подобное этому. Истинный Бог – Иисус Христос: Он всегда был, всегда есть и всегда будет».

При этом один из них молодой сказал: «Вы мне расскажите об этом Адаме, которого вы назвали отцом всех людей. Я вам сегодня ночью поневожу рыбы». Я ответил: «Если я поленюсь говорить Слово Божие тому, кто вопрошает о том, то мне будет грех, ибо Бог сказал: грядущего ко мне не изгоню вон. Поэтому если я поленюсь говорить Слово Божие желающему слушать его, то будет мне грех, а если кто, выслушавши слово, не поверит ему, то ему грех». Он ответил: «Почему не верить тому, что говорит человек из Божией книги?»

После этого я рассказал ему все, начиная от Адама и до Рождества Христова, а затем о последнем веке и о воскресении мертвых и Страшном Суде. Стало уже смеркаться. Этот молодой человек остался ночевать у меня в стане, а другой пошел ночевать в другую юрту. Этот молодой человек в продолжение ночи неводил вместе с нами.

Наутро Тибан (так звали юношу) сказал: «Через два дня я приведу сюда своих домашних; вы побеседуйте с ними о Боге». Я ответил: «Почему не побеседовать – приведи».

Итак, Тибан не поехал к чолышманскому каму, а отправился к своим домашним. Приехавший с ним товарищ его по имени Чал отправился к чолышманскому каму Ниасу, а Тибан поехал к своим домашним. Через три дня на четвертый он приехал ко мне, взявши с собой мать, сестру и младшего брата.

Как только они приехали, я им испек рыбы, а сам говорил с ними из Божьего Писания, и они с удовольствием слушали эту беседу мою.

Настал вечер, и они ночевали у нас. Наутро Тибан сказал: «Сегодня «помочь» у зайсана Орожока, мы пойдем к нему на помочь: как бы меня после люди не побили за то, что я хочу креститься; вы после прийдите посмотреть меня». Сказавши это, Тибан с домашними отправился к зайсану на помочь.

Когда я, надевши ружье, отправился на их пашни, где они жнут хлеб, стрелять рябчиков, то встретил около тридцати человек, которые жали ячмень. Некоторые из них жали серпом, а другие, вырывая хлеб с корнем, прижимали его к земле ногами и резали ножом. Я сказал: «Почему вы так мучаетесь, а не жнете хлеб серпами?» Они отвечали: «Среди нас есть такие, которые от рождения не брали в руки серпа, поэтому по старому обычаю мы выдергиваем хлеб и отрезаем корни ножами». Я сказал: «Разве нельзя научиться жать серпом?» «Если вы, кумандинцы, не привезли к нам для продажи серпов, то у нас не было бы и этих. Мы привыкли делать по старым обычаям, поэтому когда бываем у русских, то забываем купить серпы».

После этого я опять возвратился в стан. Солнце закатилось за гору. От зайсана Орожока на лодке прибыли ко мне два человека и сказали: «Вас зовет к себе зайсан; пойдете ли к нему?» Я вместе с женой сел в лодку и отправился к зайсану. Когда мы пришли, то нашли там около 40 человек пьяных; посередине разложен огонь, а на нем поставлен треножный очаг с большим котлом, в котором варились цельные кости животных. Зайсан, заметивший приход наш, взял нас за руки и посадил на войлок (ширдек), где сам сидел. Взял мех с вином, поставил его перед нами, говоря: «Вот моё приобретение». По обычаю я, принявши это в руки сказал: «Принял, выпил, угощайте этим других»[89]. Зайсан, позвавши одного молодца, сказал: «Угощай этим. Молодец начал наливать нам из меха и подавать, с зайсаном пили, а жена моя не пила. В это время вынули мясо в большие деревянные блюда и начали есть. Я посмотрел и увидел, что никто из них не мыл рук, начали глодать кости, держали их своими грязными от работы руками. Когда сало с мяса, смешавшееся с грязью рук, текло по рукам, они ладони облизывали языком, а пальцы клали в рот и обсасывали. Пили и вино. Настала темная ночь. Некоторые стали

[89] Удовлетворитесь этим, то есть что не пивши сказал: «ярадыгар».

петь, а другие драться. У иных были оторваны косы, иные дрались головнями. Подравшись, они, как малые дети, опять стали вместе пить и курить, забывши всякий гнев. Посидевши несколько времени, опять начали шуметь. А потом, смотрю, они хотят бить того Тибана за то, что он хочет креститься. Тибан взглянул на меня, сказал: «Ради Бога на небе и царя на земле я хочу креститься, они меня за это хотят бить; ради Бога, вступитесь за меня». Тогда я сказал: «Вы его не троньте; если вы побьете его, я подам бумагу в суд». Зайсан сказал: «Добром говорите, и не троньте его». После этого некоторые из них начали Тибана обнимать и целовать, а другие просто сели. В это время Тибан вышел и отправился домой. Я подождал, так как он не возвращался, то и сам также отправился в стан. Приезжаю, а Тибан сидит здесь, в стане.

После того, как мы возвратились в стан, прошло полчаса времени, и вслед за нами приехали на лодке 8 человек. В эго время Тибан лежал, снявши с себя обувь. В числе восьми был один демичи Данила. Он сказал Тибану: «Тебя зайсан зовет, обувайся скорее – поедем». Тибан сказал: «Что хочет со мной зайсан делать ночью? Не поеду я». Они сказали: «Зайсан хочет тебя поставить демичей вместо отца твоего». Тибан ответил: «Если зайсан хочет меня делать демичей, то зачем высылал за мной целый полк? Вы хотите возбудить против меня зайсана за то, что я хочу креститься, – не поеду я!» Тогда они стали надевать на него обувь. Тибан снял и бросил обувь.

В это время мы лежали и смотрели, что будет. Они откуда-то достали веревку и начали Тибана связывать. Тибан закричал, говоря: «Бога ради, освободите меня от них». Тогда я сказал зятю моему и работникам: «Выгоните их нагайкой». Зять мой Яков с работниками поднялись со своих мест, а те люди, подобно испуганным животным, разбежались. Некоторые сели в лодку, другие побежали берегом. После ухода их мы спокойно заснули.

На следующий день опять от зайсана приехали люди: 8 женщин и 4 мужчин. Они сказали Тибану: «Ты, Тибан, – человек полезный для общества; мы хотели поставить тебя вместо отца твоего демичей; ты, кажется, удаляешься от нас; теперь если ты окрестишься, то мы не родня тебе; конечно, твое сердце[90] станет другим». «Разве

[90] В оригинале – «печень» – буур

я умирать хочу, что удалюсь от вас и изменю расположение сердца моего к вам? Разве я после, крестившись, забуду вас и улечу, как птица, и убегу, как зверь, от вас? Что вы плачете обо мне?» И женщины некоторые плакали, а некоторые бранили его, а некоторые говорили: «С чего ты это, братец, выдумал креститься? Разве у тебя хлеба недоставало? Разве у тебя одежды не было? Или родные тебя обидели? На что ты осердился, оставляешь нас и хочешь креститься? Если ты в чем-нибудь нуждаешься, не скрывай – скажи нам: во всех нуждах твоих мы поможем тебе, ведь здесь вот все твои родственники; разве тебе не жаль их? Оставь, брат, намерение твое».

Тибан сказал: «Я раз уже задумал: вверху – Бог, внизу – царь, и вам уж меня к себе не возвратить. Лучше отправляйтесь домой и ко мне не приезжайте». Тогда все заплакали. Тибан, видя плачущими свою мать, сестру и братьев, не мог удержаться и сам заплакал.

После этого Тибан сказал: «Ну, теперь посылай бумагу к священнику; пусть приедет крестить нас».

На другой день я возложил на этих четырех кресты, которые мне дал отец Стефан. Через три дня приехал ко мне в стан Мирон Кулашев из села Майминского, которое недалеко от Улалы. Я написал письмо отцу Стефану и послал его с Кулашевым. После отправки письма прошло около месяца, приехал из Улалы отец Василий и отец Смарагд и крестили их. Тибан наречен был Иоанном, а мать его Анной, сестра Евдокией, младший брат Симеоном. Кроме них крестили еще 5 человек, а всего было 9.

После этого я с женой своей, двумя рабочими и зятем отправился в Чолышман (к тӧӧлӧсам), на пути занимаясь торговлей и рыбной ловлей... Проплывши по озеру по направлению к вершине его, от Артыбаша около 5 верст, мы ночью здесь остановились ловить рыбу. Когда мы хотели вытаскивать невод, то он задел и остановился, нисколько не двигался. Тогда мы развели на берегу огонь, несколько посидели, потом еще потянули – и также не трогается. В носу лодки нашей была железная коза, на которой раскладывался огонь. Мы развели тут огонь, подплыли к неводу и заметили, что в глубине и не видно невода, а виднелись только концы его. Когда мы потянули за конец, который был на виду, то не могли сдвинуть невода. Мы потеряли надежду и сели к огню погреться. В это время я весьма

скорбел в душе и стал в сердце своем молиться Святителю Николаю. Через некоторое время в сердце моем как бы воссиял свет. Мне стало отрадно. Все в скорби сидели молча. Я, с радостью поднявшись, сказал: «Ну, ребята, вставайте: Святитель Николай поможет нам, будем ташить теперь невод». Трое мы потянули, и невод свободно пошел. Рассмотрели невод, и в нем не оказалось ни одной дыры. Тогда работник мой, по имени Степан закричал: «О Боже, Боже! Тебе да будет благодарение! Никола-батюшка, ты нам помог!»

В эту ночь мы больше не стали неводить, а я, не могши заснуть от волнения, говорил сам себе: «На этом берегу озера ты поставь часовню[91] во имя Святителя Николая».

После этого мы поплыли правой стороной озера по направлению к реке Камыге и достигли устья одной речки, называемой Яйлу-ашу, впадающей в Телецкое озеро. Место здесь – плоскогорье, покрытое большей частью мелким березняком. Я спросил артуашских жителей: «Отчего здесь по Яйлу-ашу растет этот густой и красивый березник?» Они сказали: «Прежде здесь жили тюргешцы, потом начали многие из них умирать от горячки. Спасаясь от этого, они переехали ниже по Телецкому озеру на Артуаш, где и живем мы по обеим сторонам Бии. Этот густой и красивый лес вырос на прежних пашнях наших отцов».

После этого мы приехали на Камгу и там ночевали. Она впадает в Телецкое озеро с летнего солнцевосхода. Левая сторона её до самой тайги[92] покрыта лесом. Вершины покрыты снегом с серокаменными прогалинами. На правой стороне – голая высокая тайга, испещрённая лишь местами выросшим на ней лесом. На этих горах, говорят, водится много медведей, оленей, сохатых, маралов, а в Камге, говорят, водится много рыбы и выдры, а также много и соболей. В лесу около речек, говорят, много пчел.

Мы, пробывши там, на устье Камги, два дня, поехали далее правым берегом озера и встретили от конца озера недалеко высокий камень, выходящий из воды, и проехали на лодке в промежуток, образовавшийся посередине этого камня. Тӧӧлӧсы (местные жители) называют его Айры-Таш – раздвоенным камнем. Говорят, что в

[91] Что впоследствии и исполнено

[92] Тайгой у алтайцев называется голая вершина высоких гор.

старые времена монгольское войско, ехавшее на плоту мимо этого камня, погибло в волнах во время бури на озере. Мы встретили на пути реку, падающую со скалы (водопад). Эта скала, с которой она падает, высока. Когда мы, проезжая мимо, разговаривали, то голоса человека нельзя было слышать от шума воды. Шум при падении воды подобен сильному ветру. Едем мы далее: с восточной стороны падает в озеро еще река; по обеим сторонам высокие горы и скалы. Название ее Копша; в вершине её снежная тайга. Недалеко от устья реки мы остановились ночевать.

На следующий день приехали к төөлөсам, живущим при речке Чюлюш[93]. Там мы ночевали, я купил 12 пудов ореха по 15 копеек пуд. При Чюлюше находится 12 юрт. Пашни жителей находятся между частыми пнями. Я спросил: «Почему вы не пашете на ровных местах, а среди таких пней?» Они ответили: «Мы стали бы пахать и на чистых местах, но там земля жесткая; мотыгой поддевать ее трудно; в тех местах, где мы предполагаем возделывать землю, года за три наперед вырубаем густой мелкий лес. Когда этот валежник пролежит года три, то под ветвями его трава сгнивает. Сверх того, и собирающиеся тут мыши-землеройки копают землю, и она становится мягкою».

Я спросил также: «В этих местах выпадает ли глубокий снег?» Они отвечали: «В этом месте, начиная от середины гор книзу, снег не выпадает, а если какой год и выпадает, то не бывает глубоким, а тот снег, который выпадает по берегам речек, съедает ветер, поэтому у нас здесь стоят на зимовке овцы и козы»...

...Едем далее. Показались устья Чолышмана, впадающего в озеро. Намереваясь доехать туда, чтобы ночевать, мы стали грести поскорее, но, прежде чем мы успели доехать, настала ночь, и стало темно. В устьях Чолышмана в двух местах показался огонь; нам хотелось доехать туда, и мы поплыли ночью. Когда мы стали приближаться к тому месту, где виден был огонь, то лодка наша остановилась на мели, недоплывши до берега. Мы поворотили назад на глубину озера и стали искать русло Чолышмана, где он впадает в озеро. Между тем озеро начало сильно волноваться от поднявшегося ветра. И мы,

[93] В оригинале – Көпшӱ, Чӧлӱш.

плывя, около мели, едва нашли русло Чолышмана. Весьма обрадовались мы и благодарили Бога.

Поднявшись немного вверх по самому Чолышману, мы вышли на ту сторону берега, где виден был огонь. У огня никого не было, но дров собрано много... Люди, услышавши наши голоса, убежали... В этом месте я острогой заколол двух тайменей. Одного из них сварили и съели.

На следующий день, когда мы поднимались на шестах по Чолышману, встретили на острове две решетчатых (керэге) юрты. Намереваясь побывать в этих юртах для торговли, мы расположились на дресве, недалеко от них и сварили чай. Из юрты подошли к нам два человека: старик и старуха. Поздоровавшись с нами, спросили: какой у нас товар. Я ответил: «Даба, полотно, а также есть и соль». Они сказали: «Берите товар и заходиге к нам в юрту». И мы принесли товар в юрту, а старик принес войлок на две одежды и положил возле нас это. Положивши это возле нас, он из моего товара взял две лощанки[94] и положил в передней стороне юрты. Я, не зная их обычаев, спросил у него: «Сколько вы даете за эти два куска полотна?» Они сказали: «Ты, вероятно, еще не торговал в этих местах и не знаешь торговых обычаев здешних жителей. За эти два куска лощанки я отдал тот войлок, который положил возле тебя. У наших жителей таков обычай, что когда начинают торговать, то это делают молча и не спрашивают о цене, но про себя оценивают товар и обмениваются». И я про себя сделал оценку и рассчитал, что полученное мною от него не будет невыгодно, но даже копейки на две будет пользы.

Возвратившись в свой стан, сели в лодки и опять стали подниматься на шестах вверх по Чолышману. Когда отъехали мы от устья Чолышмана верст семь, встретили там пять юрт и вышли на песчаный берег вблизи этих юрт, заходили в юрты и торговали там по их обычаю. За одну овчину мы отдали около фунта соли, за маралью кожу – две руки (мера) лощанки. Производя таким образом торговлю, мы зашли в юрту одного тööлöса. Здесь находились два камских бубна и сидели две женщины и один мужчина. Поздоровавшись и поговоривши кое о чем, я спросил: «Здесь в юрте, кажется, две женщины: отчего же детей нет? Один здесь мужчина: для чего же здесь

[94] Синее лощеное полотно

два бубна?» Мужчина ответил: «Я взял две жены, но детей не имею; не знаю, то ли Бог не дает, то ли сам бесплодный. Мы со старшей женой оба камы и сделали для себя два бубна: хотя и камлаем усиленно, но пользы нам нет». Когда я спросил: «Какого бога вы признаете, призываете во время камлания?» Они ответили: «Когда камлаем, призываем и семь гор наших, землю и воды наши, отца всех Бай-Ульгеня, а также Эрлика». Тогда я рассказал им все, начиная от создания неба и земли, до последнего века. Они внимательно слушали рассказ о святой вере.

В этом стане мы прожили шесть дней. Когда мы делали лодку, то женщина кам каждый день приходила к нашему стану, спрашивала и со вниманием слушала о Боге и о вере христианской. Я рассказывал ей всякий раз, как она приходила. Если бы тогда был здесь священник, то они, кажется, готовы были креститься. Женщина говорила мне: «Вы крестите кого-нибудь?» Я ответил: «Крестят только священники». Имя этой женщины было Тойчин, а мужа ее звали Кучинек. Эта Тойчин после крестилась, и ее имя было Наталья. Сделали лодку. Опять стали на шестах подниматься по Чолышману, приехали к устью речки, называемой Кайрылык, и там ночевали. На следующий день производили торговлю с тамошними тӧӧлӧсами; еще ночевали и на следующий день у одного тӧӧлӧса по имени Пырын выпросили две лошади, отправились вместе с женой на устье Башкауса[95], впадающего в Чолышман, чтобы там поторговать. Приезжаем туда, стоят около тридцати решетчатых юрт. Здесь мы продали весь остальной товар...

...Теперь расскажу, где тӧӧлӧсы сохраняют свое имущество. Имущество их находится в пещерах скал, вдали, где никто не бывает. Если они хотят с тобой производить торговлю, то говорят: если вы хотите торговать как следует, то приезжайте через два дня, а я приготовлю вам, что есть получше из моего имущества. Когда же спрашивают у них, откуда же прийдут ваши товары, то они отвечают: наш народ имущество свое дома не хранит, но кладет в горных пещерах, закрывая камнями; что похуже – оставляют дома. Когда я спросил: «Зачем же вы прячете имущество далеко в пещерах?» Они

[95] В оригинале – Баш-Кӧбӱс, в современном произношении существуют противоречия: Башкӧс, Башкуш и т. д. Искажение названия налицо.

ответили: «Таков наш обычай, обычай наших предков, ибо в старые времена, когда бывали войны, все жители прятали свое имущество в пещеры и закрывали камнями. Теперь и мы так же скрываем наше имущество»...

...У чолышманских тӧӧлӧсӧв богатые люди имеют по две жены; старшая жена сидит дома и распоряжается слугами, а младшая на дворе управляется со скотом, а также заботится о приготовлении дров, варит пищу... Старшая жена сидит впереди, а младшая здесь не сидит.

По обеим сторонам Чолышмана и Башкауса тянутся высокие скалистые горы; путь по берегу этих рек каменистый и имеет много бомов (горные карнизы с узкой дорожкой)... В этих горах водятся следующие звери: дикая коза, марал, лось, козел (антилопа), медведь, кабарга, рысь, волк, олень, росомаха, барсук, сурок, бурундук, заяц, сеностав, землеройка, мыши, белка, колонок, суслик, горностай, хорек, соболь, летяга, выдра, водная мышь, лисица.

В реке Чолышман водятся рыбы: таймень, щука, хариус, кускуч, налим, а в озерах в вершине Чолышмана асман и хариус. В Башкаусе водится хариус, а в озерах у вершины реки асман и хариус. Кроме этих другой рыбы там нет. В Телецком озере водятся: таймень, щука, кускуч, налим, сельдь, окунь, чебак, стерлядь, одор (мелкая рыбка). Кроме этой другой рыбы здесь нет.

...Разложивши на три лодки купленные нами вещи, мы спустились к низовьям Чолышмана и остановились на ночлег на берегу озера... Отправившись оттуда, ночевали у устья реки Аю-Кечпес («медведь не переплывет»). Там пробыли один день и прибыли к тому месту, где неводили. На следующий день отправились вниз по Бии. По пути останавливались в одном месте и неводили рыбу.

Невод у нас задел за лесину, бывшую на дне реки, и я не смог его отцепить, весьма скорбел. Поэтому, привязавши веревки невода к дереву, стоявшему на берегу реки, сами стали варить и пить чай. В это время я вспомнил о том, как у нас задевал невод на озере и как помог нам Святитель Николай. Поэтому я, в надежде, что Святитель Николай поможет и теперь, стал про себя молиться, на душе у меня стало светло; я возрадовался, встал и говорю своему Якову: «Зачем же мы скорбим? Тот, кто помог нам на озере освободить невод, он

же поможет нам и теперь». Яков сказал: «Правда, что же мы забыли Святителя Николая?» Сказавши это, они со Степаном сели на лодку, поплыли, подплыли к неводу, и когда потянули, то невод тотчас всплыл кверху; тут мы увидели, что дерево, за которое задел невод, была пихта с тремя сучьями. Все три сука переломились так, как будто они перерезаны пилой. Самый большой из них имел толщины около 3,5 вершков. Мы смотрим, не гнилые ли они, нет – крепки. Тогда работник Степан сказал: «Здесь одного сука не переломит пять человек; но Бог перерезал пилой». Сказавши это стал благодарить бога. С того времени и доселе я помню это и дал обещание поставить на берегу озера в честь Святителя Николая молитвенный дом.

...Поплыли дальше вниз и доехавши до того места, где прежде нашли диких пчел, здесь ночевали. На следующий день прибыли в Кебезень.

Дети мои! Расскажу вам про жизнь черневых людей, как я видел их в молодости моей, а вы посмотрите каковы они стали в ваши времена, и скажете, что прежняя их жизнь была не такова, как теперь. Прежде они были дики, ничего не знали. Есть пословица старых людей: «Озо чыккан кулактаҥ соҥ чыккан мӱӱс узаар», то есть: «Рога, которые растут позднее, длиннее ушей, которые вырастают раньше». Это изречение истинно и оно непременно так и сбудется. Черневой народ составляет четыре волости (зайсанства): Тиргешскую, Кузенскую, Юсскую и Комдошскую. Все они живут в черни. Пищу их составляет ячмень, пшеница и ярица; пшеницу и ярицу сеют мало. Ячмень высушивают и толкут в ступе, чтобы освободить от мякины, которую провеивают веялкой, мелют на ручном каменном жернове и делают толокно, разводят его в воде, в молоке и пьют. Пьют толокно также и с чаем. Пшеницу и ярицу также высушивают, трут на басмаке (ручной каменный жернов), делают муку, которую ставят в горячую золу и потом едят. Летом доят коров, молоко кипятят, потом ставят в котле, пока остынет. На следующий день снимают сливки, – сливают это в меха, сшитый из коровьей кожи. Когда устоится и начнет киснуть, то взбалтывают его мешалкой. После этого наверх поднимается маслянистая часть. Ее снимают рукой и делают из нее лепешки, а скисшее молоко сливают в котел, закрывают дере-

вянной крышкой, скважины замазывают глиной. У крышки наверху находится отверстие; в это отверстие вкладывается один конец трубы[96], щели замазываются глиной, а другой конец трубы вставляется в устье кувшина. После этого под котел кладутся дрова. Вскипевшее молоко начинает бурлить и кипеть и через трубу стекать в кувшин. И так выходит вино, Его постоянно пробуют таткугуром[97]. Если натечет много вина, то оно бывает слабым. После этого снимают с котла крышку, творог сливается; сливши творог в холшовый мешок, привязывают его на палку и весят. Сыворотка к утру вся стекает, мешок потом снимают, творог из него высыпают на кожу, разбивают волосяной щеткой, сушат и делают сырчики (ааρчы), а сделанные из маслянистых частей лепешки называются «курут». Этот курут нанизывают на нитки и подвешивают. Когда отправляются на промысел, то приготовляют для себя азык (запас). Ааρчы (дорожные лепешки) кладут в высушенный скотский пузырь, вливают туда масла, потом замораживают и сберегают это также на запас. Когда на зимний запас колют скотину, то, очистивши скотский пузырь, кладут в него мелко искрошенное мясо, взятое от всех частей зарезанной скотины, и замораживают. Зимой, когда захотят есть мясо, от этого пузыря отрубают часть топором, кладут это в суп с крупой и варят. Когда варят мясо, то его не доваривают и едят сыроватое, а суп, когда сварится, снимают с огня и, не закрывая, остужают его. Когда он остынет и из котла начинают лакать собаки, их бьют и отгоняют; потом из этого же котла наливают и сами едят. Когда спрашивают у них: зачем вы едите то, что уже ели собаки? – то они отвечают: «Собачья морда чистая, только шерсть поганая». При принятии пищи руки они не моют; кровь животных едят свареною. Иногда наливают кровь в скотскую кишку и, связавши оба конца, пекут и едят.

Когда хотят пить вино, то обмакивают в него пальцы и брызгают в переднюю сторону и к дверям юрты и потом пьют. Когда спрашивают у них: «Для чего вы кропите вином?», – они отвечают: «Мы наперед приносим богам нашим – Хранителю дверей, духу земли – воды, Ульгеню кропление, а потом сами пьем». Когда бывают в поле, то перед принятием пищи также делают кроплепие горам и водам.

[96] Деревянной, дугообразной

[97] Палка, на конце которой укрепляется кружок из бересты

Когда спрашивают у них: «Для чего вы это делаете?» – они отвечают: «Мы делаем кропление хозяину земли и воды».

Одежда черневых, большею частью, войлочная. Войлок приобретают они из Алтая, Чолышмана и Кемчика. Обувь их изготовляется: головки из самодельной кожи, а голенища – из холста. Они, хотя и имеют обувь из булгайры (юфти), но надевают ее только тогда, когда отправляются в гости. Когда же отправляются на промыслы, то надевают обувь с холщовыми голенищами, обвивая ноги потничной травой (ойонгот). Когда они отсыреют, то высушивают их перед огнем.

Большую часть домашних работ у них исполняют женщины. Даже когда женщины бывают и беременны, и тогда они носят дрова на себе. Некоторые же подвозят их лошадью. Для этого они привязывают дерево на веревку: одни конец его обматывают за переднюю луку седла и волоком подтаскивают лесину. Саней и телег они делать не умеют. Зимой собирают дрова на лыжах. На промыслы ходят также на лыжах. Чашек никогда они не моют. Когда спрашивают их, почему они не моют чашек, они отвечают: «У нас нет обычая отмывать счастье, какое дает Бог. Наши люди говорят, что кто моет чашки, у того скот бывает неблагополучен».

Если вымыть в речной воде посуду, в которой было молоко, то, говорят они, у скота не будет счастья (то есть не будет удоя в молоке). На ущербе месяца чужим людям молока не дают, а некоторые не дают и в новомесячье. Но, кто хочет пить у них в юрте, тому дают. «Так не уйдет из юрты чистота», – говорят они.

Некоторые не дают огня в чужие юрты. Если в пятый день новолунья кипятят и варят молоко на огне, от которого нужно дать другим, то они не дают молоку кипеть через край, потому что, говорят они, если молоко прольется на огне, то скотина потеряет молоко. Некоторые не продают скота на ущербе месяца, а во время полного ущерба луны ничего чужим не дают. Если в это время отдать скотину, думают они, то вместе с нею уйдет и счастье в скоте (плодовитость скота). Когда хотят кому-либо дать что-нибудь и в это время кто – нибудь позовет с левой стороны, то не станут давать: «Счастья не будет». Когда кто-нибудь умрет, то в этот день никому ничего не дают.

Когда я ехал обратно от Телецкого в Улалу и мы переезжали через высокий перевал, то с нами были черновые люди. На вершине этого перевала были сложены в кучу (обого) древесные ветки. Сказанные инородцы сошли с лошадей, некоторые же бросали наверх кучи древесные сучья. После этого они поклонились куче. Увидев, что они делают, я спросил: «Для чего вы, сделав привязки к древесным ветвям, сложенным в эту кучу, поклонились ей?» Они ответили: «Кто ничего не положил на кучу или не поклонился ей, тому худо будет или самому, или его лошади; мы кланяемся хозяину этой горы». Я спросил: «Как же зовут ее хозяина?» Они ответили: «Должно быть, хозяин ее есть хозяин земли и воды», а некоторые сказали: «Про это знают побольше камы». После этого я, во время пути, рассказывал им об истинном Боге, сотворившем все – и небо, и землю.

Они ехали вокруг меня до самой Салганды (селение). Оставив их, я приехал оттуда в Карасук. Там недалеко от дороги, на чистом месте собралось много народу. Я, увидев их, подъехал к ним и увидел, что среди них стоит молодая кобылица. Один человек держит ее за повод, а другие привязывают к четырем ногам четыре веревки. Я сошел с лошади и стал смотреть. В это время четверо стали растягивать в разные стороны четырьмя веревками ноги кобылицы. Кобылица упала вниз на брюхо; тогда люди положили на хребет ей большую жердь, на концы жерди село много людей. Нос и рот кобылицы обмотали веревкой и стали завертывать клячем. Кобылица стала задыхаться, перестала дышать, живот вздулся. Я смотрел пока она не издохла; потом сказал: «Зачем вы убиваете животное такой мучительной смертью?» Они сказали: «Так приносят жертву отцу всех, Ульгеню; иначе жертва не будет принята». Я сказал: «Истинный Бог такого закона не давал. Бог создал для человека лошадь, чтобы он ездил на ней и через нее исполнял свои работы; для того, чтобы люди за это благодарили Его. Вам бы следовало благодарить Творца Бога за такие Его благодеяния, а вы как бы злословите Бога, оскорбляете Его, мучительно убивая животное, которое Он дал вам. Птице Бог дал крылья, и птица, летая, бережет свои крылья, не выдергивает из них перья; когда загрязнятся – моет их в воде, а лошади, которых дает Бог, не крылья ли человека? Ужели у вас недостало разума настолько, насколько имеет птица?» Они ответили: «Нам

дано такое повеление от Бога». «Если так, то покажите мне ваши книги, я посмотрю». Они молчали.

Ночевал я на берегу, недалеко от них. На следующее утро, смотрю, кожу кобылицы с копытами и с головой они сняли целиком и целиком повесили на длинный шест по направлению к востоку; в рот засунули сена: ноги с копытами висели, опустившись вниз. Увидев это, я пошел на то место, где происходило камлание, и сказал: «Сегодня вы еще больше надсмеялись над Богом, чем вчера». «Как так?» – сказали они. Я ответил: «Вы как бы так говорите Богу: вот лошадь, которую Ты нам дал, мы распяли её, задушили её, убили, содрали кожу с нее; теперь, чтобы выразить всю нашу злобу, мы повесили кожу ее на дерево, заткнули рот ее сеном; теперь смотри. Не так ли вы поступаете с Богом. Бог прийдет в последний век с небес от востока солнца на землю судить живых и мертвых. Какой же вы тогда дадите ответ Богу?» Они ответили: «Таков у нас обычай», – и разошлись по юртам, а я отправился и в полдень приехал в Улалу.

После этого я в продолжении трех лет ездил торговать в те места (в Чолышман и в Чернь). Возвращаясь оттуда, дома исправлял свои дела. Прежде, когда я служил толмачом у отца Степана, я отдал всех моих дочерей учиться грамоте монахине Евдокии. Получивши благословение отца Степана и наше, с Божиим благословением они стали учиться.

Улалинцы же осмеивали нас, говоря: «Чевалков отдал дочерей своих учиться, чтобы сделать их писарями; теперь они будут писарями и в Быстринской волости, и в Кокшинской». Говорили они насмехаясь, а особенно богатые сильно осмеивали нас. Некоторые говорили: «Какая польза для жеишины учиться грамоте?» А другие: «Нет и такого обычая, чтобы женшины учились грамоте». А иные говорили: «Ты детей своих не учишь рукодельям – кто их возмет?» Когда жена моя говорила мне об этом, смущаемая разными толками, то я возражал ей: «И женщины, и мужчины – все Божьи создания: всем нужно знать закон Божий; если мы оставим свои намерения, боясь людских насмешек, то над нами дьявол будет смеяться. Они не дурному учаться, зачем ты обижаешься? Те, которые смеются, будут плакать. «Когда я ей рассказал о том, что Бог не оставляет тех,

кто учится доброму, то жена моя сказала мне: «Монахиня говорила мне, что наши дети учатся успешно; я этому радуюсь».

В это время, когда отец Степан и матушка Евдокия стали в народе хвалить наших дочерей, то и прочие стали отдавать своих девочек учиться. Вследствие этого и те, кто смеялся, также стали отдавать своих детей учиться. Из улалинских прежде всех грамоте стали учиться наши дочери. Когда они кончили учение, я стал их учить петь из «Лепты». Каждый день вечером я учил их петь, выходил с ними на улицу и садился на крыльце. Сестры мои, слыша это, приходили и пели вместе с детьми моими. Тогда сказал им: «Если в какой вечер я буду учить петь детей из «Лепты» и буду подпевать на кларнете, тогда вы, слыша звуки кларнета, приходите к нам петь». Они так и делали, как я сказал. Поэтому они, как только услышат звуки кларнета, стали приходить ко мне учиться.

В один день, когда я учил петь из «Лепты» сестер и детей моих, проходивпший мимо Павел Тюдюнеков сказал: «Отец, что ли, умер у вас или мать умерла, что вы каждый день по вечерам воете? И слушать-то нехорошо». Я сказал ему: «Если тебе слушать не нравиться, то ты здесь в нашем месте не живи, а живи в своем Алтае. Мы в своем месте пением хвалим Бога». Он ушел с ропотом. Впоследствии этого Павла Тюдюнекова алтайцы убили, ибо он был богатый человек.

Когда я, таким образом, учил по вечерам петь, то и народ, по окончании работ своих, стал приходить ко мне. Я им рассказывал жития святых, не знавшим русского языка, говорил по-алтайски. В это время в нашу миссию приехали студенты. Я в субботу вечером пошел в церковь молиться. Там увидел я студента, читающего в церкви, и спросил у бывших тут, как зовут этого чтеца. «Михаилом Андреевичем»[98], – ответили они. Я подумал про себя. «Я с ним познакомлюсь, может быть, он мне поможет». После этого я долго не мог с ним увидеться. Однажды, когда, возвратившись с работы вечером и собравши поющих, я пел с ними, Михаил Андреевич проходил мимо нас, прислушиваясь к пению. Так он прошел взад и вперед несколько раз. Я, видя его каждый день, подумал: «Этот чтец, должно

[98] М. В. Невский – впоследствии начальник Миссии, епископ Бийский (1835–1926), переводчик «Памятного завещания».

быть любит петь». Еще однажды вечером, когда мы собрались петь, сказанный чтец потихоньку проходил мимо нас. Я его пригласил: «Михаил Андреевич! Идите сюда!» Он как будто обрадовался, подошел и поздоровался. Я сказал: «Вы с нами попойте». И он стал петь с нами. Пели около часа. После этого, напившись чаю, все разошлись по домам. Я сказал: «Михаил Андреевич! Приходите к нам, когда услышите пение». Он дал обещание, простился и ушел.

После этого, когда мы собирались на крыльце нашего дома петь, Михаил Андреевич приходил и пел. После пения читал нам из Священного Писания. Через некоторое время он сказал: «Поющих из «Лепты» нам надобно учить петь церковные песни». Я про себя порадовался этому и сказал: «Мне и самому хотелось бы учить детей моих, но я хорошенько не умел петь, вы, Михаил Андреевич, поучите их». После этого он в свободные дни стал приходить к нам и учить церковному пению. Дети мои научились скоро, а с ними научились и сестры мои. Я радовался этому.

С этого времени Михаил Андреевич стал любезным для меня знакомым и товарищем. До прибытия его в миссию я весьма скорбел и думал: «Вот если бы в нашу миссию приехал какой-нибудь псаломщик. Здесь хотя псаломщики и есть, но они ленятся учить людей пению. Поэтому народ в церкви не поет. Новокрещенные русского языка вполне не знают, в церкви все молитвы совершаются по-русски, поэтому новокрещенные, стоят в церкви, дремлют и ленятся ходить в церковь. Вот, если бы были священные книги на алтайском языке!»– Эта моя скорбь была как бы моей молитвой перед Богом. Я слышал много раз, как учащиеся петь дети и сестры мои говорили: «Этого Михаила Андреевича как будто Бог нам прислал». Я, слыша эти речи, весьма радовался и, думая про себя, говорил: «Дети мои, как видно, весьма желают учиться».

Михаил Андреевич усердно продолжал обучать пению. Дети мои, таким образом, научились петь церковное пение. Тогда Михаил Андреевич сказал: «Теперь они могут петь в церкви. Я попрошу на это благословение отца Степана, чтобы он благословил их петь». Я сказал: «Прилично ли женщинам петь в церкви. Михаил Андреевич сказал: «Бога должны прославлять пением все и мужчины, и женщины». После этого отец Степан, призвавши детей и сестер

моих к себе, дал им благословение петь в церкви. И они с тех пор стали петь. Отцы и матери, смеявшиеся прежде над нами, теперь как бы стали стыдиться, что их дети ничего не знают и с тех пор стали отдавать их учиться. К тем, которые сами не отдавали детей, я приходил и рассказывал им, что нужно, и, таким образом убеждал их отдавать детей учиться грамоте.

Некоторые дети, встречаясь со мной, говорили: «Нам хочется учиться, да родители не пускают. Ты попроси у них за нас». И я ходил и выпрашивал их родителей, чтобы отпускали учиться грамоте. В это время увеличилось число учащихся, и изучаемое. Учивший пению Михаил Андреевич в то время жил в училище. Когда я приходил к нему, он угощал меня чаем. Я посмотрел, что он ест; одна картошка больше ничего. Жаль мне его стало, я стал его приглашать к себе и угощать. Таким образом, мы в это время стали переводить из Священных книг на алтайский язык, и с того времени он стал изучать алтайский язык. Около двух лет он не мог научиться, но потом вдруг стал понимать язык. Я удивился этому и сказал: «Вы не могли научиться алтайскому языку, а теперь, кажется, вдруг научились ему!» Михаил Андреевич ответил: «Мне Матерь Божия помогла». С того времени мы стали учить других пению по-алтайски.

Михаил Андреевич начинал пением, а потом читал жития святых, потом опять пел. Таким образом, люди во множестве стали собираться каждый день, особенно в праздничные дни собиралось полное училище. До этого новокрещенные не знали ни учения о Боге, ни жития святых. Михаил Андреевич учил усердно, и новокрещенные, дотоле спавшие, как бы пробудились. После такого усердного учения Михаил Андреевич вскоре стал монахом-священником. Имя его Макарий. Он стал усерднее прежнего учить. Мы с ним двое перевели много из Священных книг. Через некоторое время перевели литургию. Я в течение более двух лет занимался с ним переводами без всякой платы.

Большую часть года я занимался торговлей и работой. В один день, когда я возвратился оттуда, где я торговал, приехал в Улалу архиерей и остановился в доме отца Степана; меня позвали туда, показали архиерею. Я, принявши от него благословение, пошел было назад, по архиерей сказал: «Ты, Чевалков, почему не служишь

в миссии толмачом?» Я сказал: «Платы, которую я получаю за служение, не хватало на хлеб и одежду нам двоим с тремя детьми». Он спросил: «Сколько ты получал платы. Я сказал: «50 рублей». Тогда он сказал отцу Степану: «Конечно, пятьдесят рублей мало, надо добавить ему», и спросил меня: «Если прибавить еще семьдесят рублей, довольно будет?» Я ответил: «Один год послужу толмачом». Архиерей благословил меня. С того времени я стал служить толмачом. С упомянутым выше иеромонахом Макарием я, по званию толмача, переводил Священные книги. После этого мои дети стали мне говорить: «Мы замуж не пойдем, до смерти будем служить Богу. Если бы где был монастырь, мы бы стали там жить». О таковом желании заявляли вместе с ними и другие; всего было 11 девиц. Все они были грамотными. Я говорил им: «Вы, не видевши монастыря, вероятно, думаете, что там жить легко, наперед испытайте себя; можете перенести или нет?» Они говорили: «Матерь Божия поможет нам».

За среднюю мою дочь стал свататься у меня сын одного богатого человека из Байата, по имени Александр. Я сказал дочери: «За тебя сватается сын богатого человека. Выдать ли тебя?» Она ответила: «Не пойду, какой бы богатый человек ни сватал. Я когда-нибудь пойду в монастырь и там буду жить до смерти». Я не решился отдавать ее силой. После этого я стал говорить отцу Макарию об этом желании девиц, много раз высказываемом им. Отец Макарий сказал: «Пусть они наперед испытают себя и молятся Богу». После этого отец Макарий научил их читать каждый день утреннее правило и указывал им, как нужно жить, чтобы Богу угодить. После этого они собирались для молитвы у меня в доме и, совершив правило, расходились по домам. С каждым днем у них усиливалось желание молиться Богу. Так как у меня была одна комната, то это меня стесняло.

Вследствие этого я купил для них особую избу и перевез ее на устье Улалы, при впадении ее в Майму, для того чтобы там удобно было завести им огород. За год до постановки этой избы к нам в Улалу привезли икону Божьей Матери Мальков и Суслонов. Они поставили эту икону в церковь и, зашедши к отцу Степану, пили чай и говорили: «Мы эту икону Божьей Матери везли в Макарьевское село и приехали сюда повидаться с вами». Отец Степан сказал: «Разве

вы ее туда везете?» Мальков сказал: «Мы и сами не знаем, в Томске Домна Карповна[99] сказала нам: эту икону Божьей Матери увезите в Мию на Алтай. Она будет для них Матерью – Владычицей. Мия не значит ли миссия? – говорили они. – Вот для этого мы и приехали сюда; а также думаем, не значит ли это Макарьевское село, которое находится недалеко от Бии?» Отец Степан сказал: «Пойдемте в церковь и помолимся Божьей Матери; положим два жребья на два места, а после молитвы посмотрим жребьи и узнаем, в каком месте оставить икону Божьей Матери». И так они написали жребьи на два места и положили их к иконе Божьей Матери. После этого вынули жребьи – и вышло на Улалинскую миссию.

Они не поверили: еще раз положили жребий и помолились, посмотрели – и опять вышло на Улалу. Мальков и Суслов тогда заплакали и сказали: «Да будет воля Божьей Матери». Когда Мальков из Улалы собрался ехать домой, отец Макарий сказал ему: «Здесь в Улале, есть девицы; они круглый год служат Богу молитвою». Мальков обрадовался и сказал: «Пусть эти девицы напишут бумагу и, подписавшись, дадут мне ее; я похлопочу за них перед большими людьми». Тогда подписались одиннадцать девиц и одна вдова. Мальков послал бумагу к высшим властям. Оттуда было получено благословение и бумага, что им дана будет земля. Улалинцы сильно гневались на меня за это: «Какие законы ты это выдумываешь? Разве хочешь монастырь здесь устроить и сдвинуть (выжить) нас с этого места? Хочешь отнять нашу землю? Сделать нас монастырскими служителями? Зачем ты перевез и поставил там избу? Мы не дадим тебе ставить ее». Я сказал: «Хоть бы и в самом деле здесь был монастырь, вашей земли у вас не отнимут; возьмут ту землю, которая находится за вашей землей. Там казенная земля». После этого я поставил на мох до полов перевезенную избу. Выше один поднять не мог. В таком положении она находилась полтора месяца. Я хотел было нанять, но мне отвечали: говорят, что общество постановило, что того накажет розгами, кто наймется ставить твой дом на мох. Я хотел было нанять людей из другой деревни.

В это время пришла бумага от Майминского старшины, в которой говорилось, чтобы прибыло туда Улалинское общество; что туда

[99] Юродивая, блаженная Домна, старица Томская, скончалась в 1872 г.

приехал межевщик осмотреть границы земли между Улалой и Маймой. Улалинское общество собралось и отправилось в Майму.

Межевщик сказал им: «Вы выберите из среды вашей человека, знающего грамоту, неопороченного и верного, пусть он будет доверенным вашим, чтобы указывать границы вашего села». Улалинцы, не находя такого человека, пришли ко мне и сказали: «Ты не будешь ли доверенным нашего общества, чтобы указывать нашу границу? Мы из среды своей не находим знающего человека». Тогда я сказал: «Я много раз служил обществу. Довольно для меня этой истомы. Никто из вас столько не служил для общества». Они сказали: «Мы знаем, что ты много служил по делам общества: если у тебя есть какая-нибудь работа, мы заработаем тебе обществом, а если не веришь, то дадим от себя подписку».Я сказал: «Мне нужно поставить на мох избу, которую я вывозил». Они ответили: «Мы обществом в один день поставим и землю наверх набросаем». Вследствие этого я в тот же день отправился к межевщику в Майму и в один день окончил указание границ и возвратился домой. На третий день собралось общество, поставили мою избу и набросали на потолок земли. Я сказал им: «Спасибо». Когда они возвратились домой, я сел у избы и поплакал, думая: «Верно, этот дом угоден Божьей Матери, ибо общество прежде запретило даже наниматься строить его, а теперь, по милости Матери Божьей, сердце людей смягчилось, и вот они сами поставили этот дом. Да будет воля Божья».

С такими чувствами я возвратился домой. По прошествии недели из деревни Одус-Тёбё (Устюба) приехал крестьянин Пихтовников, и я его подрядил покрыть дом тесом; он покрыл его в течение недели.

По окончании работ, когда я сидел у этого дома, из-под яра (берега реки) вышел священник и подошел ко мне. Я посмотрел – незнакомый мне священник. Он поздоровался и сказал: «Я священник Иоанн Смольянников». Я принял от него благословение. Он спросил: «Ты зачем на этом месте построил дом?» Я сказал: «Здесь место хорошее – огород завести». Он сказал: «Кто тебе позволил поставить здесь дом?» Когда он это сказал, то мне тотчас припомнились давно сказанные слова отца Макария (см. выше). Поэтому я сказал: «При-

казал строить прежний отец Макарий. Он стоял под этим яром, дал мне тогда деньги». «Хорошо», – ответил он.

После этого я устроил печку. Тогда девицы, посвящавшие себя на служение Богу, сказали: «Мы боимся жить там одни сами по себе; среди нас нет никого старшего, вы поставьте возле этого дома для себя особую избу и сами там живите, и мы не будем опасаться». Впоследствии я построил себе там избу. Там я прожил два года. Богомольцы-дети каждый день утром и вечером исполняли молитвенные правила. Одна из моих дочерей заведовала молитвенным правилом; некоторые, по окончании молитвы, отправлялись ночевать домой и на следующий день опять приходили.

На второй год из России приехала монашка по имени Анастасия. Она стала управлять ими и руководить молитвенным правилом. До прибытия этой монашки приехал межевщик отводить землю.

Улалинцы смутились и на сходке стали меня бранить. «Ты, назло обществу хочешь отрезать монахиням землю. Теперь мы здесь не будем жить, – переселимся».

Я ответил: «Не вашу землю будут брать; в бумаге писано, чтобы нарезать свободную землю, начиная от Уахты», но они моих слов не слушали, кричали – готовы были побить меня и бранили. Я отошел от них, возвратился домой и сказал жене: «Мне хочется чаю пить, поставь самовар». Сказав это со скорбью на душе, постелил на полу, лег. И вижу, комнату мою наполнили алтайцы (некрещенные язычники) – все в черных одеждах, окружили меня и стали кидаться на меня. Я не мог пошевелиться с места и смотрел на них, а жена моя, вижу, ходит вокруг самовара. В это время явился возле меня прежний отец Макарий. «Зачем ты боишься их? У них силы нет, они легче хмеля: ты вот так дунь на них». Сказав это, он дунул на этих черневых людей, и все вылетели в окно, подобно листьям хмеля. Смотрю дальше. Жена моя ставит на стол самовар. Я спросил у нее: «Сюда алтайцы заходили ли?» «Нет, не заходили», – ответила она. Тогда я встал, напился чаю и рассказал виденное мной отцу Макарию. Иеромонах отец Макарий сказал: «Иди скорей домой, я приду к вам в скором времени». Вслед за мной пришел и совершил моление Божьей Матери.

Вскоре после этого пришел десятник сказать, что меня зовет межевщик. Когда я хотел войти к нему, то общественники меня остановили и сказали: «Ты будь доверенным от общества; завтра для монастыря будут отрезать землю». Я удивился и сказал: «Я этого надлежащим образом не знаю. Меня звал межевщик». Сказав это, я зашел, поздоровался, сказал: «Наши общественники хотят меня сделать своим доверенным». Межевщик засмеялся и сказал: «Ты с ними не ссорься. Бог сам знает; а они и сами не знают, что делают; ссорятся с тобой из-за того, чтобы не давать монастырю земли, а тебя же просят быть своим доверенным. Это Бог им вложил такую мысль. Ты – доверенный от монастыря, чтобы принимать землю. Как же они хотят сделать тебя своим доверенным? Пусть общественники найдут доверенного из своей среды, а ты не скорби: Бог поможет».

Этот межевщик, пока кончил нарезку земли, питался только сухим хлебом и водой. Так он прожил три дня. Когда я давал ему приготовленную пищу, то он не ел, говоря: «Это – Божье дело; мне следует поститься; жить на земле мне осталось немного. Я путешествовал на поклонение к мощам святых». На ночлег он мне рассказал много назидательных повестей. Начертивщи план земли, он отправил его к начальству. На другой год приехал другой межевщик и поставил столбы.

Однажды, когда общественники на сходке составили приговор, чтобы сделать меня старшиной, приехал к нам один чиновник. Выйдя из экипажа, он спросил у собравшихся людей: есть ли здесь миссионерский толмач Михаил Чевалков? Тогда староста Селифон, указывая на меня, сказал: «Вот он». Чиновник, подойдя ко мне, сказал: «Прошедшую зиму я послал тебе из Петербурга письмо, чтобы ты поехал вместе со мной на китайскую границу и был моим толмачом. Получил ли ты это письмо?» Я ответил: «Такого письма я не видал». Он сказал: «Я писал начальнику миссии, чтобы ты никуда не отлучался и находился дома». Сказав это, он взял меня и пошел к отцу Степану. Здесь он спросил у него: «Я посылал письмо, чтобы Чевалков находился дома. Дошло ли оно до вас». Отец Степан ответил: «Я хотел сказать Чевалкову, но забыл, потому что у меня дела много». Чиновник сказал: «Отпустите его со мной». Отец Степан ответил:

«Он теперь не служит у меня толмачом. Общество хочет его сегодня поставить старшиной». Чиновник спросил меня: «Правда ли, что тебя хотят поставить старшиной?» Я ответил: «Вы видели, что народ собрался и пишут приговор: они пишут о том, чтобы меня поставить старшиной».

Чиновник, напившись чаю, потребовал к себе старосту и сказал: «Чевалков должен по казенной надобности быть при мне толмачом и сопутствовать мне на китайскую границу. Имя его известно и в Петербурге; он мне нужен; вы напишите приговор, что он освобождается от должности старшины». Тогда они поставили старшиной Константина Чевалкова. Я, побыв дома дня два, потом отправился с Принтцем (фамилия чиновника).

Сначала мы обозревали и собирали сведения о кумандинских и черневых инородцах; на ночлегах я рассказывал им из Святого Писания. Оттуда, по берегу реки Бии мы прибыли в Кебезень; там, проведя день, отправились на Телецкое озеро. На телецком озере, при Арту-аше, ночевали. Чиновник сказал: «О чем ты рассказываешь этому народу?». «О Боге», – ответил я. Чиновник сказал: «Если не лень, говори: это не худо».

Оттуда мы отправились далее на лодке, сделав два ночлега, прибыли на устье Чолышмана, при впадении в озеро.

Там на Кырсае семь человек соёнцев[100] занимались торговлей. Они сказали: «Мы здесь живем седьмой день. Здешний народ не позволил нам ехать дальше. В этом Кырсае китайский чиновник забыл поставить здесь обо (насыпь из камней) и сказал: «Я у вас здесь возобновил прежнее китайское обо. Из русской земли без ярлыка через это место в нашу землю пусть никто не проезжает. Теперь мы и хотим возвратиться домой», – говорили соёнцы.

Чиновник мой сказал: «Если эти люди и нас не пустят, то как мы поедем? Они, кажется, нам и подвод не дадут». Я ответил: «Я найду способ проехать; завтра же утром мы поедем отсюда вверх». Чиновник мой сказал: «Ты их не раздражай, это по виду плохие люди». Я ответил: «Нет, они боязливый и смирный народ, я прежде бывал у них».

[100] Соёнцы – тувинцы, в то время подданные Китайской империи

В это время собралось сюда до тридцати человек тöölöсöв. Я сказал им: «Дайте нам подводы». Они ответили: «Вы куда едете?» «Едем в верховья Чуи», – ответил я. «Сюда приезжал из китайской земли большой чиновник, анбын, отрезал эту землю и сказал: чтобы от устья Чолышмана вверх русский народ не проезжал; поставленное им обо находится вот здесь на Кырсае». Я сказал: «Из русских чиновников кто-нибудь был с ним?» Они ответили: «Нет. Были одни китайские чиновники и юрганы». Я сказал: «Если так, то это значит, что они украдкой отрезали землю белого царя; ведь землю два государя делят между собой. Поэтому должны быть чиновники и от белого царя; как же китайский анбын своею властью отрезал землю, принадлежащую белому царю?» Они ответили: «От анбына есть и бумага о нарезке земли; одна бумага у чолышманского бошки (младший волостной чин) Тоарги, а другая у демичи Сомокака, живущего в Кöö. Я сказал: «Пошлите людей, чтобы привезли эти бумаги». Они послали человека; мы напились чаю и легли спать.

Наутро, смотрим, возле огня сидят народу больше вчерашнего. Я подошел к ним. Они сказали: «Бумаги привезли ночью. Будете ли теперь их смотреть?» Я взял бумаги в руки, немного посмотрел и пошел в стан. Прийдя сюда, сел и стал смотреть, потом положил бумагу в карман. Спустя немного времени, они пришли вслед за мной и спросили: «Прочитали ли вы бумаги?» Я сказал: «Читал». «Что же написано?», – спросили они. Я наугад сказал: «В этих бумагах о нарезке земли не говорится, а написано здесь, чтобы были готовы подводы, запасы, чтобы народ собрался и ждал». Тогда они сказали: «Мы неграмотные, почем мы знаем?» Когда они после этого стали просить бумагу назад, я ответил им: «Я не дам, это фальшивые бумаги. Теперь поедем в верховья Чуи и там покажем их зайсанскому писарю, а от вас с ними пусть едут две бошки».

Во время этого разговора Андрей Густавович Принтц вышел из палатки и спросил: «О чем вы разговариваете?» Я рассказал все, о чем мы говорили. Он сказал: «Бумаги не отдавай им назад». Когда я не стал отдавать, то они отправились в свой стан, а мы сели и стали пить чай. Чиновник мой сказал: «Если не дадут, драться нельзя, возвратимся озером назад». Я ответил: «Вы смотрите – они не будут меня бить, они народ смирный». Сказав это, я закричал им, чтобы

они пришли к нам, и они все к нам пришли. Чиновник мой был человек молодой. Он ушел в палатку. Я сказал тöölöсам: «Вы дадите нам подводу?» «Мы боимся давать вам подводы государя нашего». Я сказал: «Да ведь вы живете на земле белого царя, на его земле пашете. Если вы не дадите подводы чиновнику, который назначен от белого царя, то мы, не уезжая отсюда, пошлем человека в Бийск. Если оттуда прийдут с силою, что вы будете делать?» Они ответили: «Мы боимся, чтобы начальник наш, анбын, осматривавший «обо», не обвинил нас в том, что мы пропустили русского чиновника». Тогда я сказал им: «Вы не будете виноваты, а виноват будет начальник ваш анбын, ибо почему он поставил пограничный знак, не имея на то приказаний от двух государей?» После этого я призвал упомянутых Антонова, Лучшева и двух братьев Тузиковых с работниками, ехавших к соёнцам для торговли, и раскидали вместе с ними «обо».

Тöölöсы молчали, а я сказал: «Приготовьте скорей подводы». Они немедленно приготовили подводы и закололи нам на запас черную овцу. Мы поели и отправились. Через три дня прибыли на Кош-Агач (Кöже-Агач); провожавшие нас ямщики были бедные люди. На ночлегах я давал им сухарей, и они были ко мне ласковы. Когда я спросил у них: «Ваш анбын много получил подарков от народа?» Они ответили: «Взял около семидесяти лошадей и много лисиц и соболей». Я спросил: «Как он говорил: за что брал это?» Они ответили: «Говорил: за то, что вам земли отрезал».

Мы ночевали на Кöже-Агаче. К нам собрались все чуйские старшины и почетные люди и остановились станом недалеко от нашего стана. Начальник мой сказал мне: «Побываем в юртах у зайсанов». Тогда я от общества попросил лошадей. С чиновником мы отправились в юрту зайсана Чичкана.

Чичкан-зайсан угощал нас чаем. Посидев, я начал говорить о пограничных знаках, которые поставил анбын в Кырсае. Зайсан сказал: «Этот анбын, пока был здесь, объел здешний народ до разорения. Он говорил, что теперь издан какой-то новый закон». Я сказал: «Вы лучше перейдите в подданство к белому царю, чем быть всегда объедаемыми китайцами». Зайсан ответил: «Если бы белый царь принял нас, то мы перешли бы к нему». Я ответил: «Эта земля, на которой вы живете, принадлежит белому царю; ведь вы для

того платите ему и калан. Поэтому вам легче будет давать подать в одну сторону, чем на две. Анбын, коль скоро уже раз нашел на вас, так каждый год будет поедать вас». Зайсан ответил: «Завтра я соберу всех лучших и почетных людей и приду в ваш стан, а вы с ними поговорите».

После этого разговора мы возвратились на ночлег в свой стан. На следующее утро к нам собралось много людей. С ними прибыл и зайсан Чичкан. Чиновник мой из палатки не выходил: он писал там бумаги[101]. Собравшемуся народу я разъяснил обман анбына и в заключение сказал: «Анбын и юрганы обманом каждый день собирают с жителей Чолышмана на запас себе по сорока голов скота. Из них съедая на день только по три, остальное продают тамошним жителям (китайцам). Такое поведение их неужели не разорительно для нас? С Чолышманского общества они взяли около 70 лошадей, обещая им нарезать земли и сверх того взяли много лисиц и соболей. Это ли благорасположение к вам анбына? Ведь они хотят, обглодавши вас дочиста, передать вас ни с чем (одни только души) белому царю. Вы теперь напишите все, что делал у вас анбын, и подайте бумагу старшим его начальникам. Тогда вы узнаете всю его правду и ложь».

Тогда они сказали: «Мы посоветуемся». И потом, разведши огонь под тальником, долго там сидели и совещались. В это время чиновник мой позвал меня пить чай. Я зашел в палатку и пил вместе с ним чай. Он сказал мне: «О чем вы с ними разговаривали?» Я рассказал все, что я им говорил. Чиновник спросил: «А согласны ли они?» Я ответил: «Они там собрались посоветоваться между собой». Напившись чаю, я пошел туда, где они сидели. Они сказали: «Если белый царь нас не примет, то нам не остаться бы виноватыми перед обоими государями». Я сказал: «Ведь земля, на которой вы живете, принадлежит белому царю; поэтому чего же вам бояться? Вы дайте слово перейти к белому царю, а этот чиновник пошлет к государю бумагу; тогда два государя посоветуются между собой». Они сказа-

[101] В «Известиях» ИРГО за 1865 гол. Т. 1. № 1–7 опубликованы записки А. Г. Принтца подзаголовком «Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо».

ли: «Что будет, то будет – перейдем к белому царю», – и все дали мне руки.

Тогда я пришел и сказал моему начальнику: «Они дали мне руки, что перейдут к белому царю». Чиновник услышав это, засмеялся и сказал: «Неужели они хотят перейти?» И больше ничего не сказал.

Мы, переночевав здесь, приехали в одни сутки к пограничному знаку «Соок». Там мы встретились с одним чиновником и ночевали. На следующий день на обратном пути ночевали в дороге. На четвертые сутки прибыли в Яйляуш. Оттуда через двое суток приехали в Кайрылык. Когда я из Кайрылыка собрался ехать домой, начальник мой дал мне 67 рублей.

На другой год я у себя дома занимался кузнечной работой. В это время от губернатора пришла бумага ко мне. Когда я бумагу взял в руки, зашел ко мне отец Акакий. Отец Акакий сказал: «Эту бумагу губернатор писал в Бийске при мне. Он велит тебе ехать в село Алтайское и там дожидаться его. Он тебя хочет иметь у себя толмачом и взять тебя с собой на Кӧже-Агач. Ты завтра утром скорей поезжай туда, в этой бумаге написано, чтобы тебе дали подводы». Поэтому я в следующий день приехал туда и ожидал у квартиры, где должен остановиться губернатор.

Через час прибыл губернатор. Выйдя из экипажа, он зашел в дом и потом вскоре опять вышел из дому и спросил у общественников: «Нет ли здесь Чевалкова?» Я сказал: «Вот я здесь». Он сказал: «Иди сюда». Когда я подошел к нему, он поздоровался со мной, взял за руку и повел в комнату. Здесь он сказал мне: «Минувший год ты ездил на Кӧже-Агач?» Я ответил: «Ездил с Принтцем». Он улыбнулся и сказал: «Ты там взял в плен две волости, а теперь поедем туда, чтобы, удостоверившись, написать об этом. Тебе самому нужно и быть толмачом. Есть ли у тебя лишняя одежда?» Я сказал: «Я взял». «Хорошо», – ответил он.

После этого мы отправились и через двое суток прибыли в Онгудай. На улице собралось много алтайцев и зайсанов их. Губернатор сказал мне: «Здесь два человека судятся между собой. Пойди, разбери между ними дело. Там есть зайсаны, пусть они слушают. Когда кончишь разбирательство, прийди и скажи мне». Лишь только я вышел на улицу, казенный толмач Карбышев, выйдя к народу, ска-

зал зайсанам: «Губернатор приказал, чтобы этот толмач Чевалков разобрал тяжбенные дела. Где здесь Таак и Курман Чернов? Пусть Чевалков разбирает их дело».

Я, выслушав их спорное дело, Курмана Чернова обвинил, а Тааку передал шесть лошадей. После этого пришел и рассказал об этом губернатору. Губернатор Лерхо вышел и спросил у зайсанов: «Нравится ли вам такое решение дела?» «Нравится», – отвечали зайсаны. Губернатор сказал: «Напишите же мне бумагу, что вы согласны с таким решением». Они написали и приложили свои печати.

Отправились из Онгудая, мы прибыли в Кöже-Агач через четверо суток. Дорогой я скорбел в душе своей: «Что если чуйские зайсаны откажутся и скажут, что мы не давали слова перейти в подданство белому царю? Ведь мне будет худо!», – со страхом думаю я. По прибытии в Кöже-Агач мы остановились в доме Гилева.

Там в это время собирались чуйские зайсаны, почетные люди и обществeнники. Губернатор, сойдя с лошади и поставив меня возле себя, сказал: «Узнаете ли вы этого человека?» Они ответили: «Мы его видели много раз». Губернатор спросил: «В прошедший год что он вам говорил?» Они ответили: «Говорил нам, чтобы мы перешли к белому царю». Губернатор спросил: «И вы обещались перейти?» Они ответили: «Если белый царь примет нас, то перейдем: в этом мы дали и руки этому толмачу». Губернатор сказал: «Теперь желаете ли перейти?» «Желаем», – ответили они. Тогда на душе у меня стало светло и я весьма обрадовался. Губернатор же сказал заседателю Судовскому: «Ты перепиши весь этот народ и вели зайсанам приложить свои печати».

На следующий день прибыли для свидания с губернатором китайские военные чиновники. У них было два толмача и у нас два толмача; всего нас переводчиков было четверо.

На другой день один юрган, который обманывал чуйский народ, обещал им нарезать земли, не доезжая досюда, на дороге удавился.

На следующий день утром рано я увидел, что китайские солдаты, сделавшие из камней большую насыпь и встав около нее, совершали молитву. Молились около получаса. После этого губернатор, увидев меня, сказал: «Ты, Чевалков, что сегодня видел во сне?» – «Во сне

ничего не видел, а так видел, как китайский отряд делал насыпь из камней и совершал моления».

После этого губернатор, собрав русских купцов, пригласил их пить чай и сказал: «Сколько лет вы здесь торгуете, а у вас здесь нет молитвенного дома, куда можно было бы прийти Богу помолиться. Здесь нужно устроить церковь. Посоветуйтесь между собой и устройте. Вот и монголы-язычники по своей вере устроив обо, совершают молитвы; а нам, исповедующим святую веру, не стыдно ли перед этими людьми, держащимися черной веры? Я ставлю приклад денег на основание церкви, а вы остальное между собой соберите и выстройте церковь!»

После этого по подписке пожертвовали, кто сколько мог. Гилев обещал заведывать постройкой и чего недостанет, даст от себя. Таким образом, там устроилась церковь. Мы там прожили трое суток, а на четвертый день стали подниматься вверх по речке Ял-Агаш. Когда подъезжали к вершине речки, то увидели, что вся долина от горы до горы (от берега до берега) была покрыта сплошным льдом. По этому льду лежала дорожка, усыпанная землей. В это время была середина лета и стояли жаркие дни, но, несмотря на такую жару, лед нисколько не таял. Когда мы ехали по этому льду, в одном месте увидели большой провал. Отдав свою лошадь провожатым, я подошел посмотреть, и оказалось, что толщина льда в этом провале была около 5 аршин, а пустота под этим льдом около 20 саженей. Внизу этой пустоты видны были деревья без коры: лиственница и пихта. Я спросил у тамошних обитателей: «Когда растает этот лед?» Они ответили: «И наши-то предки не видывали, чтобы этот лед таял. Это должно быть так стоит спокон века». Губернатор сказал: «В прежние времена на этом месте было тепло, вследствие этого и росли деревья; теперь с каждым годом поверхность земли охладевает, вследствие чего через тысячу лет река Чуя превратится в лед, который и летом не будет таять».

Едем далее. В одном месте земляной провал. Под землей пустота; толщина слоя земли около аршина, под ней лед толщиной около аршина. На поверхности земли зеленая трава. Подо льдом вовсе земли нет – одни камни. Губернатор сказал: «Пространство между землей и камнями зимой было наполнено водой. Эта вода поднима-

ла землю вверх; когда настал мороз, вода обратилась в лед; когда же стало тепло и нижняя часть льда, бывшего под землей, стала таять и, обратившись в воду, стекла, то вследствие этого и образовалась пустота. Теперь оставшийся лед никогда не растает».

После этого мы приехали к Ажу (перевалу). Я увидел здесь льдины, отколовшиеся от ледяных гор. Самая большая из этих льдин была величиной с холм. Переехав через перевал, мы спустились в Язадыр. Откуда, спускаясь вниз, достигли речки, называемой Адаган. Переехали через нее на плоту. Далее реку Коксу переехали на лошадях. Там ночевали. После этого сделали ночлег среди кустарника, находившегося вниз по течению речки Аржан. Отправившись оттуда, прибыли на ночлег в деревню Фыкулку. На следующий день губернатор дал мне 76 рублей, и я возвратился домой.

Когда я служил толмачом у отца Степана, в это время по речкам, впадающим в Майму с обеих сторон, жило много некрещенных. Когда я просил у него, чтобы бывать у них для проповеди об истинном Боге, то он говорил: «Ты мне нужен будешь, когда-нибудь на свободе оба поедем».

Так мы в течение многих лет и не могли собраться к ним. От этого я в мыслях своих не мог успокоиться. В это время прибыл ко мне один человек с вершины Маймы, где жили некрещенные и сказал: «Вас зовет к себе демичи Мотко и Табышту, чтобы вы привили детям их оспу». Я сказал отцу Степану о том, что меня зовут. Отец Степан благословил меня ехать, и я с большой радостью отправился, куда меня звали. Прибыв туда, я обошел все юрты и прививал оспу и в каждой юрте рассказывал об Иисусе Христе, истинном Боге. Когда обходил осматривать оспу, то опять рассказывал о том же.

Вскоре после этого дети Табышты крестились, а затем крестилась жена Тарбагана с двумя сыновьями. Мотко-демичи остался некрещенным до самой смерти, а жившие ниже его по речке все крестились. На следующий год приехал ко мне человек из Карасука и также звал к себе прививать оспу. Моя лошадь в это время была в поле. Я поленился ее искать и отправился в Карасук пешком. Там обошел все юрты и привил оспу и по пути стал проповедовать учение об истинном Боге. Тамошние жители дали мне лошадь. На этой лошади я ездил прививать оспу жителям селения Ынырги. И там

также попутно проповедовал слово Божие. И другой раз, когда ездил туда, то говорил то же.

По прошествии этого, в следующее лето крестилось много народу, ибо я всякий раз когда бывал там по своим надобностям, то заходил к ним в юрты и рассказывал им о святой вере. Богу угодно было не оставить эти мои путешествия напрасными. Теперь из тамошних жителей некрещенных осталось немного.

Еще однажды я, отправившись в Карасук для рыбной ловли, заходил в юрту одного некрещеного по имени Кадик. Там сидело много некрещенных. Кадик, увидев меня, сказал: «У вас голова стала уже седеть». Я сказал: «Если бы человек не старел, а лошадь не тощала, то и небо не поколебалось бы, и земля не разрушилась бы». Кадик сказал: «Как же небо поколеблется и земля разрушится?» Я сказал: «В последнем веке вся тварь изменится. Истинный Бог Иисус Христос прийдет на землю судить живых и мертвых и пошлет своих святых ангелов. Тогда они, стоя в воздухе, вострубят в трубы: земля разрушится, небо поколеблется и вся тварь изменится». Кадик сказал: «Нет ничего крепче камня, неужели и они изменятся?» Я сказал: «Кто создал огонь?» «Бог создал», – ответил Кадик. «Ужели же Бог, создавший этот огонь, который растапливает камни и превращает в пепел, не совладеет с камнем? Если Бог создать это мог, то он может и делать с этим что хочет. Он все может. Всякое творение он создал, созидая все из ничего. Он сказал: «Да будет это» и стало то по слову Его. И в последний век как скажет, так и будет. Чему не велит быть, то и не будет». Кадик замолчал, а я после этого стал рассказывать ему о создании неба и земли и всего, что в них есть, – до последнего века; рассказал также, какие мучения будут некрещенным и грешникам, какое блаженство будет верующим во Христа и живущим по его заповедям и как это блаженство на том свете будет постоянно увеличиваться. Рассказ этот сидевшие там люди слушали со вниманием. Дети Кадика впоследствии стали крещенными.

Еще однажды я приехал к некрещенным, жившим в Сюулте, там было 13 юрт. Я обошел эти юрты с проповедью об истинном Боге. Настал вечер, и я там ночевал. На следующий день опять ходил и рассказывал. Жители сказали: «Мы, живя здесь, ничего не можем принять в ум свой, а когда посмотрим да послушаем, то начинаем

и подумывать». После этого я возвратился домой, но мысль моя не давала мне покоя, и я опять поехал к ним и опять рассказывал. Тогда они сказали: «Мы теперь не свободны, а когда окончим летние работы, то сами поедем в Улалу и там будем креститься». После этого они не приезжали около двух лет. Поэтому я еще в одно время был у них. Там прожили два дня: рассказывал им, начиная от создания мира до последнего века. На другой день, помолившись Богу, всех их собрал в одно место и сказал им: «Я вам много рассказывал учение об истинном Боге. Все вы это слышали. Кто слышал и не поверил и в Бога не уверовал, тот будет сугубо виновен. Такие люди чем оправдаются на том свете? Таким Бог скажет: «Я вам посылал Моего человека, знающего Меня и Мои заповеди; вы слышали от него о Моем имени и Моих заповедях, слышали также и о благости Моей. Почему же вы пренебрегли Мной? Не я ли вас создал? Зачем вы возненавидели Меня?» – Что тогда вы ответите? – «Я сошел с небес, чтобы вас на небеса вознести; Я предал себя на мучение, чтобы вас искупить от мучений, которым нет конца; Я три дня пробыл мертвым, чтобы вас освободить на том свете от вечной смерти и мучений по власти дьявола; Я страдал на земле, чтобы вы на небе были живы, добры, чтобы вы на том свете радовались и блаженствовали; Я подвергался на земле злословию, чтобы вас сделать славными на небесах; Я жил на земле, не имея места, где голову преклонить, дабы вас сделать обладателями небес. Я пролил кровь свою, чтобы очистить и омыть все грехи ваши. Зачем вы презрели столько милостей Моих? Я возлюбил вас более, чем мать любит детей своих, а вы не думали обо Мне, когда были в теле. Теперь идите от Меня проклятые, в геенну огненную на ужасные мучения». – Что вы скажете тогда?»

Тогда некоторые сказали: «Мы когда-нибудь уверуем в Бога и крестимся. Вы приезжайте сюда со священником; кто захочет из нас, тот и крестится». Тогда я послал в Улалу письмо. На следующий день приехал отец Иоанн; крестил около 20 человек, а остальные впоследствии также крестились.

После этого я ездил к некрещенным, живущим в местности, называемой Эмери, и там рассказывал об истинном Боге. В течение трех лет тамошние все крестились. Еще однажды я убедил креститься Кочкорана с двумя сыновьями и с детьми их. У сыновей его я был

крестным отцом. Старший сын его Василий сказал мне: «У меня нет лошади; ружье мое находится у одного человека по имени Каака, который живет в Паркынае. Не могу туда доехать, дай мне, крестный отец, съездить туда». Я спросил: «Много там народу?» Василий сказал: «Более 10 юрт». Тогда я с радостью сказал: «Вместо тебя я съезжу». Он весьма обрадовался и сказал: «Если вы туда поедете, то он побоится, не будет держать и отдаст ружье». На следующий день я отправился к Кааке в Паркынай.

Там много юрт. В течение дня я обошел эти юрты и говорил жителям, начиная от создания неба и земли до последнего века. Они следовали за мной в каждую юрту. К вечеру зашел я в юрту Көөрдёк Поя, где жил Каака, и там ночевал. На следующий день, взяв с собой Кааку, я приехал в Улалу. Каака, будучи востребован для расплаты за Васильево ружье и не имея, чем платить, стал жить у меня за плату. Я каждый день помаленьку разговаривал с ним. Он, слушая меня, сказал: «Я хочу уверовать в Бога; но что я буду делать, если не станет креститься невеста, которая у меня высватана? За калым я работал у тестя моего 12 лет». Я сказал ему: «Если она не крестится, то за твои работы взыщем плату». Когда крестился, назван был Каака Арсением.

Вскоре после этого я отправился к невесте, которую высватал Каака и сказал ей: «Каака крестился для Бога: я приехал теперь за тобой». Она сказала: «Я не говорила ему, чтобы он крестился: я не буду креститься». Поэтому я стал требовать от отца ее уплаты за то, что Каака работал у него 12 лет. Отец невесты Алтайчи сказал: «Я человек бедный, чем заплачу я? Но, если я крещусь, то и дочь моя крестится, и тогда пойдет за того, за кого просватана». Я сказал: «Скажи всем братьям своим, чтобы и они крестились ради Бога». Алтайчи собрал всех братьев. Я в продолжение ночи рассказывал им о благости Божией, о том блаженном свете, в каком пребывать будут крещенные, и о страшных мучениях, какие назначены для некрещенных. Они слушали это с удовольствием.

На следующее утро отправились со мной в Улалу 12 мужчин. После обучения их молитвам в течение двух суток отец Акакий крестил их. Оставшихся дома женщин и детей отправился крестить отец Степан. Остальные крестились на другой год, так что из них

некрещенных не осталось ни одного человека. Всех крестившихся было около 50 человек.

Однажды я отправился искать пчел по долине, что около юрт, находящихся в верховьях реки Улалы. Найдя там одну лесину с пчелами, я остался ночевать в юрте одного некрещеного – Кайбаша. Там находилось пять юрт. Я обошел эти юрты, рассказывая о Боге. Один сирота по имени Тадужек изъявил желание креститься, и я его привез в Улалу для крещения. За ним крестилось около 20 человек. Остальные крестились через два года.

Когда отец Макарий Невский был в Чемале, я ездил к нему переводить Евангелие и некоторые псалмы. В один вечер, лежа на полу и разговаривая с отцом Макарием, я увидел, что в дверь вошли три человека и, поднося к устам моим какую-то книгу, сказали: «Это сладко – съешь». Я съел с одного угла, начиная до середины, а они сказали мне: «Довольно с тебя и того, что ты съел», – и после этого они вышли. Я смотрел, но ничего проговорить не мог, а отец Макарий что-то говорил про себя, находясь в постели. Пока эти три человека давали мне есть книгу, в это время видны были мне окна, и отец Макарий, но не знаю, спал ли я или нет, и до сего времени я дивлюсь этому. После этого я жил там еще около месяца. Отец Макарий каждый день учил детей грамоте и около часа времени обучал церковному пению. Когда он служил в церкви то дети, не имея с собой, кто бы руководил ими в пении, не могли петь стройно. Отец Макарий сказал мне: «Привези сюда своих детей и поживи с ними около месяца; здешние попоют с ними и научатся». После этого я привез свою жену и детей и жил здесь около месяца. Когда настало время сенокоса, все мы возвратились в Улалу. После этого учащиеся в Чемале стали петь одни. Кончивши мои работы, я после этого приезжал сюда уже один.

Когда отец архимандрит Владимир стал начальником миссии и жил в Улале, то я служил у него толмачом. С ним я много раз ездил на Алтай, в Чую и Чолышман. Беседы архимандрита об истинном Боге переводил язычникам. С каждым годом крещущиеся умножались. Он много помогал бедным. В свободное время я, с его позволения, занимался рыбной ловлей. Однажды я рыбачил вверх по Майме. Там встретился мне человек с седеющими волосами, поздоровав-

шись, я спросил его имя. «Имя мое Тискенек», – ответил он. – «Где живешь?» – «Счастливо мы жили в Чепоше, а теперь плачем в Караголе». – Я спросил: «Зачем вы оставили место счастливого вашего пребывания и зачем переселились на место плача?». Он ответил: « Нужда заставила перекочевать. Было у нас родное место, где жили спокон века отцы наши, а теперь русские «чашечники» (раскольники) приехали к нам, стали драться и выгнали нас; отняли у нас наши пашни и сенокосные места». Я сказал: «Кто невинно плачет от обиды, тот после будет радоваться; впрочем, тогда будет радоваться, когда будет просить Бога и получит помощь». Тискенек сказал: «Они выстроили себе дома, теперь что с ними делать?» Я сказал: «Они обманули начальство, которое заведует этой землей; что будто бы Чопош пустое место и жилья там нет – не так ли?» Тискенек ответил: «Откуда мне знать? Вот если бы нашелся способ выгнать их оттуда!»

Я сказал: «Если Бог поможет, то этот способ найдется». Тискенек ответил: «Что лучше того, если бы Бог помог, – но где есть такой Бог?» Я сказал: «Истинный Бог Многомилостивый, Человеколюбивый, внемлющий молитве праведных и утешающий обиженных есть Иисус Христос». Тискенек ответил: «Как мы будем молиться, если не знаем имени истинного Бога и как просить Его?» Я сказал: «Если бы вы были крещенные, то знали бы. Есть священники, Богом поставленные: они заботятся о душах всех людей. Они желают людям делать добро, обиженным помогать, оказывать милости душам их; плачущих утешать, заботиться, чтобы и души их по смерти были угодны Богу». Тискенек, взглянув вверх на небо, сказал: «Господи Боже! Если бы Ты сделал нам милость, то мы стали бы Твоими». Я сказал: «Передай братьям своим то, что тебе я сказал». Тискенек ответил: «Они не послушают слов моих; вы сами приезжайте и повторите им». Я возразил: «Вы скажите старшему у нас священнику (начальнику миссии), и он пошлет меня в ваши юрты».

Возвратившись домой после рыбной ловли, я рассказал отцу архимандриту, что слышал. Отец архимандрит дал мне благословение, и я, взявши двух поюших детей моих, отправился в Карагол. Там было 12 дворов. Поставивши возле них свою палатку, я стал там жить, но из местных жителей никто не подходил к нам близко. Каж-

дый день, когда я заходил к ним в юрты, старших у них все не было дома. В это время они жали хлеб; домой хотя и возвращались, но поздно. На следующий день они снова вставали рано и отправлялись на пашни. И я не смог с ними увидеться и переговорить. Так прошло много дней. Запасы у нас истощились, поэтому мы собирали грибы, варили их и ели. Дети мои готовы были плакать, думая о возвращении домой.

В один день, когда мы пели песни по-алтайски: «Достойно есть, яко воистину», подошел один мальчик, сел возле огня и слушал. Мы дали ему немного сухарей. На второй раз пришли три мальчика. Мы дали им чаю с сухарями. На третий вечер, когда мы пели, с этими тремя мальчиками пришла одна женшина. Я поговорил с этой женщиной об истинном Боге и его милосердии.

На следующее утро пришел Тискенек и спросил: «Вы, кажется, давно уже здесь живете; видались с вами мои братья?» Я сказал: «Я давно сюда приехал; они приезжают с пашни ночью, а утром опять уезжают на пашню. И так я не могу с ними увидеться и побеседовать». Тискенек сказал: «У нас есть брат по имени Каланак; мы его слушаем, что он ни скажет. Он дома лежит больной, сходите к нему и хорошенько расскажите ему о Боге и об истинной вере. Если он уверует в Бога и крестится, то все здешние двадцать дворов уверуют в Бога», – и Тискенек отправился на пашню.

Запасу у нас оставалось только на один день. По слову Тискенека я зашел в юрту Каланака. Он лежал больной. Увидев меня, Каланак встал с постели своей. Я поздоровался с ним, а он, поздоровавшись, сказал: «Вы здесь прожили, кажется, более десяти дней; по какой надобности вы здесь так долго живете?» Я сказал: «Я не по своей надобности живу здесь, но терплю здесь и холод, и голод, чтобы помочь здешним жителям. Теперь у меня запасу осталось только на один день. Я приехал сюда, чтобы здешним людям сделать приятное для них добро, но они с пашен возвращаются только ночью, а утром рано опять уезжают на пашни». Каланак сказал: «Неужели вы сюда приехали с намерением сделать нам добро? Вас старшие послали?» Я сказал: «Меня послал старший священник-архимандрит; он мне сказал: в Караголе слышно блеяние Божьих овец, лишившихся своего местожительства; как бы их не похитил здешний волк дъявол и

после смерти не попали бы в адскую огненную бездну. И он послал меня для того, чтобы я рассказал на родном алтайском языке».

Каланак сказал: «Я слышал об истинной вере от отца Макария Чемальского, который умеет говорить по-телеутски. Вы мне расскажите обстоятельнее об истинном Боге». Сказав это, он лег на постель и стал слушать. Я рассказал ему об истинном Боге, сколько умел, об истинной вере. Каланак, призвав всех своих братьев, сказал: «Этот человек с грамотными детьми приехал сюда для нас. Они терпят здесь голод и не для того приехали, чтобы сделать нам зло, но чтобы сделать добро и душам нашим, и нам самим. Мы приносим дьяволу скот наш, данный нам от Бога. Когда приезжает от начальства городовой, то и на один день закалываем для него двухлетнего теленка. Городовые некоторых из нас бьют нагайками, а если что увидят хорошее, отнимают; а эти люди, которые приехали к нам сделать доброе дело, голодают здесь. Заколите для них из нашего скота теленка лет трех; кроме того, дайте руки ваши в том, что уверуете в Бога, – не противьтесь, говоря: не будем в Бога веровать; худо после этого будет нам».

После этого был приведен и заколот трехлетний бык, и они дали руки в том, что желают креститься. Я написал все, что было, и все, что слышал, и послал к отцу архимандриту. На другой день к нам привезли с собою много запасу Иван Васильевич (Солодчин) и Яков Степанович (Конинин) и врач Алексей Дмитриевич (фельдшер Воинов) и мы, начавшие было унывать, теперь обрадовались. Терпевшие голод, теперь стали досыта питаться хорошей пищей. Каждый день мы пением славили Бога, каждый день тамошние жители, возвратившись с работы, приходили к нам и учились молиться. Обучая молитвам, мы рассказывали им и об истинной вере. Отец архимандрит приехал через 6 дней. Прибыло также много людей из Чемала и Улалы. В течение 3-х дней крестились 63 человека, а живщие в другом месте крестились после. Впоследствии чопошские крестьяне возвратились на свои места, а новокрещенные купили у них избы и стали в них жить. Вскоре после этого там построена была церковь. Отец Макарий стал жить там. Он учил их истинной вере, а детей обучал грамоте. Некрещенных, живших вблизи Чопоша, привел в истинную веру. Я приезжал к нему и помогал.

Однажды я приехал в Чопош. Обучая тамошних жителей, одному старику за вину его я дал выговор. Когда старец возвратился домой, я лег на пол, чтобы немножко отдохнуть. Немного вздремнувши, вижу – какой-то человек, встав возле меня, сказал: «Ты человек молодой, зачем бранишь и укоряешь старше себя? Теперь с этих пор ты старшим себя так не говори». Сказав это, стал невидимым. Я тотчас поднялся с, того места, где лежал, осмотрел избу во все стороны и, никого не найдя, тотчас вышел на улицу – и там никого не было видно.

Я удивился, и когда вошел в дом, пришел отец Макарий, и когда ему рассказал то, что слышал, он принес ко мне и показал одну книгу: я почитал и узнал, что это – посланник ангела Павла. Там было написано: «Старшего себя не укоряй и не злословь». С тех пор это не выходит из памяти моей. Еще – однажды я приехал в Чопош, жил там три дня, занимался с отцом Макарием переводом из Святого Писания. В один день, когда я отдыхал на полу, то увидал стоящего у моих ног монаха Ивана Васильевича Солодчина. Он сказал мне: «Скорее возвратись в Улалу: мы там будем вдвоем рассказывать ученикам из Святого Писания, и сам-то ты поучишься, чтобы знать это». (В это время я не мог пошевелиться на том месте, где лежал, ни слова сказать в ответ). Сказав это, он вышел на улицу. Я вскочил и тотчас вслед за ним вышел на улицу, посмотрел – никого не видно, а Иван Васильевич был в это время в Улале.

Через два дня после этого я возвратился в Улалу. На другой день по возвращении моему отец архимандрит сказал мне: «Хорошо, что ты скоро возвратился; завтра Иван Васильевич Солодчин будет ясно рассказывать ученикам из Святого Писания, и ты там слушай – научишься и будешь знать». Я до сих пор дивлюсь виденному в Чепоше.

Весной этого года отец архимандрит Владимир, отправился в Россию, сказал мне: «Что ты доселе делал, то и после не оставляй, – Бог тебя не оставит, – пропитает тебя, работы Господу Богу не будут скудны». Сказав это, он благословил меня и отправился. Некоторые из новокрещенных остались от него со слезами.

После этого, когда отец Макарий отправился в Россию, – новокрещенные спрашивали меня: «Куда отправляется отец Макарий?»

Я сказал: «Он поехал в Россию»[102]. Некоторые сказали со слезами: «Теперь, когда он оставил нас, кто будет учить нас, руководить нами?» Я, видя их слезы, и сам не утерпел, заплакал. Когда отец Макарий уехал с отцом архимандритом, я занимался переводом жития святых. В это время мне не стали давать денег, и я скорбел об этом, что у меня ничего не было ни есть, ни пить. Сверх того, жена моя каждый день роптала на меня, говоря: «Ты неотлучно жил со священниками, не имея себе покоя, а теперь умрешь с голоду, – не грех ли тебе будет, что ты заставишь детей своих голодать и плакать?» Такой ежедневный ропот ее был для меня прискорбнее самого голода. Когда я так скорбел, приближался праздник Пасхи. Жена моя сказала: «Вот три дня осталось до Пасхи. Скажи мне: радоваться ты будешь в Пасху или плакать? Люди в Пасху радуются и веселятся, а мы с детьми будем скорбеть и нуждаться». Я сказал: «Кто плачет, тот будет после радоваться».

За два дня до Пасхи с печалью на душе я смотрел в окно. В это время один седобородый старец подъехал к нашим воротам и стал выходить из саней. Я вышел к нему и поздоровался, а он сказал: «Я тебе привез пшеничной муки – куда высыпать?» Я спросил: «Кто мне послал муку?» Он ответил: «Я привез вам свою муку». Я спросил. «Ты продаешь муку? Почем?» Он ответил: «По 70 копеек». Я сказал: «Ты, должно быть, озяб – зайдем в избу». Он зашел в дом и сел около дверей. Я сказал: «Пей с нами чай». Он ответил: «Чай не пью». Пока мы пили чай, все молчали. Посидевши так, он сказал: «Куда муку высыпать? Пойдем высыплем». «У меня денег нет – что я тебе дам?» Он ответил: «А денег я и не прошу; после, как прийду, возьму». Свесили муку и ссыпали: оказалось 17 пудов. Я сказал: «Зайди в избу, погрейся; там вдвоем поговорим с тобой». Я зашел в избу, сел у окна и смотрю; он сел в сани и отправился домой. Я побежал за ним, догнал и спросил: «Как тебя зовут?» Он сказал: «Ярасим» (Герасим).

Больше ничего не сказал и поспешил уехать. Я остался, удивляясь этому. После этого он за деньгами не приезжал. С тех пор прошло много лет и я не забываю случившегося и дивлюсь этому.

---

[102] Иеромонах М. Невский отправился в 1867 г. в Петербург для подготовки к печати первого Алтайского букваря, изданного через год.

После этого накануне Пасхи Александр Степанович Конинин, местный житель, приносил нам говядины больше пуда, и мы, благославляя Бога, провели Пасху в радости и веселии. Когда стала истошаться мука, данная Герасимом, некто Борисов – заседатель просил меня принять его к себе на квартиру. Я сказал: «Если хотите занимать оба этажа и будете платить восемь целковых, то живите». И он перешел к нам с семейством жить, а я не стал нуждаться в пропитании. Вскоре после этого я получил сорок целковых, присланных из России отцом Макарием, затем вскоре получил еще сорок целковых, присланных отцом архимандритом Владимиром. Жена моя радовалась. Я, видя ее радость, сказал: «Не говорил ли я тебе, что кто работает Богу, с голоду не умрет? Узнала ли ты это?» После этого рассказал ей о Боге и из жития святых.

25 лет я служил в миссии толмачом и переводил Священное Писание на алтайский язык. За это в 1863 году я получил в награду от благоверного императора Александра Николаевича золотую медаль. После этого до 6 лет еще служил толмачом, а на 7-й преосвященный Платон, епископ Томский и Семипалатинский, приехал в Улалу, сказал мне: «Завтра на обедне я тебя рукоположу в дьякона: приготовься к завтрашнему дню». Услыхав эти слова, я вышел как бы обвиненный в чем и возвращался домой со слезами. В таком положении лежавшие на дороге щепы в глазах моих казались большими. Когда я пришел домой, жена моя сказала: «О чем ты плакал?» Я ответил: «Завтра архиерей меня хочет посвятить в дьяконы». Сказав это, я встал к окну и плакал, опершись руками о косяки. Жена сказала: «Глупый ты! Что ты смотришь туда? Не хочешь ли бежать в пихтач? Молись и проси у Бога: Он тебе поможет». Тогда я подумал про себя: у меня нет ни рясы, ни подрясника, в один день когда успеешь это сшить? Архиерей дожидаться не будет, скоро уедет домой. Я же двоился мыслями: не остаться ли мне тем, чем я был. В это время в мою ограду заехал торговец и стал отпрягать лошадей. Вскоре пришел Макарий. Он купил у купца люстрину и, отдавая мне, сказал: «Пусть дети сошьют тебе из этого подрясник; – завтра тебе это нужно будет». Я ничего не мог сказать в ответ на это. После этого в тот же час пришел ко мне один ученик и сказал: «Тебя зовет отец архимандрит». Когда я зашел к отцу архимандриту Владимиру, он

благословил мне рясу. Я, подобно человеку, у которого связаны руки и ноги, возвратился домой.

Через час Иван Васильевич Солодчин дал мне шляпу, говоря: «Дьякону следует носить шляпу; это тебе завтра нужно будет». Тогда я подумал про себя: верно, от Божьего определения не убежать? Вечером я прочитал правило. После этого поехал в общину; там меня сделали дьяконом. После этого мне стало легко. Благодать Духа Божьего вразумила меня. Через семь лет сделали меня священником-миссионером. Через два года дали набедренник; в тот же год наградили скуфьей.

Того же года 1 сентября меня отправили в Чолыш ман, чтобы я там был миссионером. В Чолышман я ехал 6 дней. Там я, посещая каждую юрту, ознакомился с некрещенными, рассказывал о Боге и святой истинной вере. Мое пребывание там не было напрасным. При Божьей помощи многие уверовали в Бога. В течение 10 лет более 1000 язычников стали чадами Божьими. Некоторые из них одержимы недугом беснования. С принятием крещения они получили полное выздоровление. Некоторые из них были связываемы по рукам и ногам. Сила Божия разрешала узы дьявола, и они до сих пор пребывают здоровыми. Некрещенные, видя милость и силу Божию, обращались к Богу с твердой верой и крестились. Во время болезни они служили молебны святому Пантелеймону и Божьей Матери. Иногда, затрудняясь дальностью пути к священнику, новокрещенные собирали к себе побольше людей, и все вместе молились за больного, и Бог милостиво внимал их твердой вере и молитве. Больные иногда в тот же день выздоравливали. Если больной после молитвы в один или два дня не выздоравливал, то они узнавали по сему, что наступил день его кончины, и посылали за священником. Видя их столь твердую веру, я весьма радовался.

Приехавши в Чолышман, я до двух лет обучал новокрещенных всему тому, что нужно было для них; и сани делать, и телегу устраивать, и соху направлять, и избу строить, и тес пилить; обучал и другим делам домохозяйства. Каждую неделю по ночам, пока не приходила пора спать, я собирал их в училище и беседовал с ними. После этого учил их молитвам и отпускал домой.

Молодым людям, приходившим из Алагана, Башкауса и Чодры, я дарил буквари. Поучив их немного, хвалил за успех и отпускал домой. Прежде всех учился Николай Майзам. Получив от меня букварь, он ходил с ним в каждую юрту и понемногу обучал. Посылал я к ним также учителя Андрея Паяркина, и он ходил по юртам, обучал по маленькому букварю и, когда они выучивали азы, возвращался домой. Изучившие букварь, обучали этому других. Научившихся таким образом было более 100 человек. С тех пор они стали учить друг друга.

Однажды я отправился к некрещенным, живщим в местности, называемой Копуш. Там было три юрты. Зашел я в одну их них и увидел в передней стороне юрты, где стоят сумы с имуществом, лежал букварь. Я спросил: «Кто учится по этому букварю?» Одна женщина сказала: «Я училась». Я заставил ее прочитать – прочитала она хорошо. «Кто тебя учил?», – спросил я ее. «Николай Майзам немного учил, а иногда прошу знающих людей, чтобы они показали мне». Я похвалил ее, говоря: «Отсюда ты, узнавшая истинного Бога, будешь чадом Его». Она сказала: «Для того я и учусь чтобы быть чадом Божьим». Я сказал: «Если будешь твердо верить в Бога и креститься, то будешь счастлива, дочь моя». После этого я рассказал ей о Боге и о Благости Божьей. На другой год она крестилась, а с ней крестились 17 человек.

Однажды я отправился в вершину Башкауса; там крестил 9 человек; заходил в юрту некрещеного язычника Семеена, побеседовал с ним о Боге. Посидев, я взглянул в переднюю сторону юрты и увидел там на сумах, в которых хранится имущество, разостлан плат, а на нем лежит букварь. Я спросил: «Кто из вас учится грамоте?» Семеен сказал: «Николай Майзам, который с вами ездит, он дал это нашим ребятам. Теперь они уехали к соенцам; вот если бы они были дома, то вы послушали бы их».

Живя в Чолышмане, я каждый год в январе месяце ездил в Улалу на общее собрание миссионеров. В Улалу ездил я через Телецкое озеро на лодке. Это озеро зимами бывает весьма бурно и днем, и ночью. Берега этого озера окаймлены горными утесами, так что нельзя ни на лощади проехать, ни пешком пройти, а на озере была

страшная буря. Переезжая через это бурное озеро, я два раза милостью Божьей был сохранен Им от смерти.

Однажды, на обратном пути из Улалы в Чолышман, переезжая озеро, мы доплыли до Кугана. Далее этого ехать было нельзя; мы вошли в пещеру и там прожили 16 суток. Озеро страшно волновалось. Запас наш стал истощаться, мы стали употреблять его помаленьку. Двое спутников моих плакали. Я, видя их слезы, укреплял и утешал их, а в тоже время тайно от них ночью молился, прося у Бога помощи. Милосердный Господь услышал нашу грешную молитву, не дал нам умереть. На семнадцатый день волнение озера стало утихать. Мы помолились Богу и отправились на лодке. В дороге переночевав одну ночь, прибыли в Чолышман. После этого два дня питались только чаем. На другой год опять на обратном пути из Улалы в Чолышман, проезжая озеро, в той же пещере провели 20 суток. Запасу у нас осталось дня на два, а может, и того менее. Работники мои и псаломщик готовы были плакать, а я опять тайно от них молился. В один день, поднявшись рано, я посмотрел и вижу, что озеро ночью замерзло. Я попробовал лед около берега и нашел, что поднять человека не может. Еще ночевали. Смотрю, озеро крепко замерзло, а ветер дул попутно по направлению к Чолышману. Мы взошли на гору, я оттуда увидел, что озеро замерзло верст на 20, а далее на таком же пространстве не замерзло. Мы, не имея такой возможности провести лодку до того места, где озеро не замерзло, из палатки нашей сделали к лодке парус и столкнули лодку на лед, и когда стали двигать ее по льду, то она легко пошла. По мере того, как усиливался ветер, лодка двигалась быстрее и быстрее. Мы стали ее сдерживать, а для этого привязали к ней веревки, и с обеих сторон лодки, сдерживая за веревки, мы бежали вслед за ней. Когда прибыли к тому месту, где вода не замерзла, мы сварили и напились чаю.

После этого, когда мы спустили лодку на озеро и поплыли, вдруг поднялся ветер с туманом и снегом. На озере поднялась большая буря. К тому же и берега не были видны. Мы сбились с пути. В таком беспомощном положении мы отдались на волю Божью; не стали грести и дали лодке свободу. Когда ветром забило нашу лодку в сплошной лед, спутники мои стали кричать и плакать. Некоторые говорили: «Дно Золотого озера будет гробом, где лягут наши кости».

Повторяя это, они легли на дно лодки, а волны со льдом били лодку с обеих сторон. Я весьма опасался, что лодку скоро разобьет. Сверх того, плач спутников моих трогал мое сердце и я весьма скорбел. В это время в мыслях моих мне представился как бы воочию Святитель Николай и припомнилась мне его помощь в прежнее время, ибо он, когда я неводил прежде, дважды мне помог. Тогда я дал обещание поставить в честь его на берегу озера молитвенный дом. С того прошло уже много времени, а я обещание своего все еще не исполнил.

Вспомнив теперь об этом, я стал молиться Святителю Николаю, говоря; «Если теперь буду спасен от смерти, то здесь, на берегу озера, в честь твоего имени поставлю молитвенный дом». Между тем лодка наша вошла в лед почти на тридцать сажен. С каждым напором ветра она двигалась все дальше. Помолившись Святителю Николаю, я увидал, что лед от носа нашей лодки стал раздвигаться надвое. Впереди лодки озеро очистилось ото льда (узкой полосой) до самого того места, где уже не было льда, – и впереди открылся путь, подобно просеке среди густого леса. Лед шел против ветра. При виде такого чуда, жар проник в тело мое: я был в трепете, гортань онемела, я долго ничего не мог проговорить. Потом сказал своим спутникам: «Вставайте, не плачьте. Бог нам помог». Они поднялись и молча перекрестились. Я направил нос лодки в очистившееся ото льда место, и лодка сама стала туда двигаться. Работники мои взяли весла и хотели было грести, но я запретил им это делать – запретил для того, чтобы они видели милость Божью. Мы нисколько не греблись, а лодка сама будто двигалась на веслах, плыла и вышла изо льда. Мы оглянулись назад: открывшаяся дорожка, которую мы проехали, опять сошлась в массу сплошного льда.

Пока мы стояли в раздумье, по какому направлению нам теперь плыть, – пространство очистилось от тумана и снега и показались берега Бели; туда мы и направились плыть водою. Так, по милосердью Божью, с помощью Святителя Николая, мы вышли на берег Бели. Пока там варили и пили чай, никто из нас ни одного слова не проговорил. Через некоторое время я сказал: «Ребята! Видели ли вы это чудо?» Жена моего работника ответила: «Если кто из нас скажет, что в этот день я не видела чудесной помощи Божьей, да накажет

того Бог». Другие сказали: «Конечно, это чудо мы не забудем во всю жизнь нашу».

В этот день, переночевав, при Божьей помощи переправились через озеро и вышли в Кырсае, что на устье Чолышмана. Пока доехали до дому, мы чувствовали в душе скорбь, как будто обвиненные в чем. На второй год, исполняя мое обещание, я выстроил во имя Святителя Николая молитвенный дом, в котором есть и престол. Пока строился этот дом, все язычники, там жившие, уверовали в Бога и крестились. Некоторых из них крестил Преосвященный Макарий. Всех крещенных там было более сотни.

КРЕЩЕНИЕ АК-КОРЫМСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В Ак-Корыме жили некрещенные более 10-ти юрт. Они жили от моего местожительства на расстоянии около 20 верст. В течение пяти лет я много раз бывал у них, беседовал с ними о Боге, о Его благости, о Его чудесах; рассказывал, начиная от Адама до последнего века. Они говорили: «Такие беседы мы слышали здесь от миссионера Макария, говорившего по-алтайски. Хотя он и правду говорил, но мы не смеем оставить веру нашу, которую мы унаследовали от предков». Еще говорили: «Мы боимся, что если мы крестимся и примем другую веру, то Земля-Вода, Святой Ульгень и духи, которым мы приносим жертву, прогневаются на нас и будут делать нам зло. И что за нужда нам креститься? Новокрещенные ходят хотя в церковь и молятся Богу, но они живут не лучше, не богаче нас». Слушая эти их слова, я говорил им: «Из новокрещенных самый беспомощный, бедный имеет чудесное, никогда не оскудеваемое имущество – поэтому он богаче самого богатого из вас». Затем беседовал с ними о неоскудеваемом небесном сокровище. Некоторые из них стали колебаться в мыслях и говорили: «Может быть, когда-нибудь и мы крестимся, но теперь пока нет у нас такого желания». Видя их колебания, я стал посылать к ним псаломщика Якова, и он ездил к ним, беседовал с ними.

Однажды, на третий день праздника Пасхи я послал к ним Якова для беседы. Через сутки он послал ко мне письмо: «Здешние жители почему-то стали в разговорах своих со мной грубы; некоторые

вовсе не слушают моих бесед, я хочу воротиться домой». Прочитав это, я пришел в волнение, разгорелось мое сердце. Я зазвонил в колокола, сбежались новокрещенные, большие и малые, и тревожно спрашивали: что случилось? Я сказал: «Подымите иконы Спасителя, Божьей Матери и Святых и отправляйтесь вверх по Чолышману к крещенным, живущим в Кöö. Там переночуете. Утром рано я приеду туда. Там я обойду новокрещенных жилища, а потом будем кропить святой водой те юрты, которые объяты огнем бесовским, чтобы угасить этот огонь». Новокрещенные в недоумении спрашивали: «Чьи же юрты горят?» Я сказал: «Увидите, когда будете там».

Собралось много людей, подняли святые иконы и отправились к новокрещенным в Кöö. Прибыли туда уже ночью. Я помолился Богу, на следующий день встал, приехал туда и обошел с молитвой все юрты новокрещенных. Потом местного старшину послал к некрещенным жителям Ак-Корыма, наказав ему: «Ты поезжай к жителям Ак-Корыма и передай им слова верные; передай, меня послал к вам священник сказать вам, что с ним невидимо идет к вам Царь царей. Его сын и Его слуги, идут они к вам, имея о вас великое попечение. Пусть соберутся все – и старые, и молодые – и выйдут на берег Чолышмана и встретят их с почетом. Пусть не затворяют дверей юрт своих, чтобы не прогневался на них Сын Царя. Скажи, что так велел сказать священник». Сказав это, я велел повторить эти слова несколько раз, чтобы он не забыл, и, благославив его, сказал: «Ты не говори, что сюда принесены иконы». Старшина Яков отправился. Мы, напившись чаю, подняли святые иконы и отправились к ним с пением «Христос воскрес». Приближаясь, увидели, что ак-корымские язычники – старые и малые, – одевшись в лучшие одежды, стоят на берегу Чолышмана, ожидая нас. Когда мы приближались, некоторые стали на колени. Я, видя, что они так встречают и кланяются, прослезился и стоял некоторое время, не мог проговорить слова. Потом через некоторое время сказал: «Если хотите быть счастливы, то указывайте дорогу в ваши юрты».

Сперва нас повел к себе Чадан; день уже склонялся к вечеру, до юрты Чадана было около версты. Когда мы туда шли с пением, все некрещенные шли по обеим сторонам святых икон. Прибывши в юрту Чадана, я сказал: «Где иконы эти поставить на ночь?» Чадан

сказал: «Поставить их в нашей юрте неприлично, ибо в юрте стоят поганые идолы; пусть ночуют в новой деревянной юрте, внутренность которой чиста; я соберу войлок и покрою им верх юрты». Сказав это, он принес войлок и закрыл. Мы занесли туда, в эту юрту, святые иконы и поставили там. Новокрещенные, вышедшие навстречу, все заходили в эту юрту и с удовольствием рассматривали святые иконы. Я, показывая им образ спасителя, сказал: «Вот образ Иисуса Христа, Сына Царя Царствующих. Я вам прежде говорил о Нем и об Его благости; вы тогда пренебрегали Им. Он невидимо здесь пребывает и весьма жалеет вас, желает, чтобы вы не были слугами дьявола, а стали детьми Его, имеющими право получить от Него наследство. Он желает, чтобы вы не попали в ад на мучение вместе с дьяволом, но получили нескончаемое блаженство на небесах. Я Ваш Господь Бог – говорит Он, пусть не будут у вас иные боги, кроме Меня. Он желает, чтобы вы не поклонялись ничему, что под небесами или на земле и что под землей, ибо все, что есть на земле – Мое создание. Я Господь Бог, сотворивший все, – прийдите ко Мне все, и Я успокою вас. Некогда Господь Бог, возносясь от земли на небо, ученикам своим дал заповедь; идите во весь мир и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто уверует и крестится, тот спасен будет, а кто не уверует, тот осужден будет. По заповеди Божьей, я много раз приходил и беседовал с вами об Истинном Боге и об истинной вере, но вы не веровали в Истинного Бога; теперь Бог как бы сам пришел к вам в своей иконе. Он Сам здесь невидимо между нами». Затем я рассказал им об Иисусе Христе все, начиная от рождения Его до кончины века. Они, выйдя из юрты, собрались вдали от нас на чистом месте, сели в кружок, курили и около получаса разговаривали между собой. Затем, подойдя к нам, сказали: «Мы все веруем в Бога и хотим креститься. Когда вы нас будете крестить?» Я сказал: «Бог ждет вас каждый час, сейчас записывайте ваших крестных отцов, крестных матерей и ваши имена». И они стали записывать свои имена, своих крестных отцов и матерей. Дьякон и псаломшик, сидя каждый отдельно, записывали до самой полуночи. Всех записавшихся было 38 человек. Наутро мы их учили молитвам; между прочим, я сказал: «В прежние времена уверовали в Бога в один день 40 человек. Один

из них отрекся от Бога и тотчас помер, а тридцать девять человек не отреклись от Бога и на головы их сошли с небес светлые венцы».

Один язычник, видя это, сказал: «Из сорока человек, уверовавших в Бога, один отрекся, и я видал, что венец, который послан был ему от Бога, опять поднялся на небо. И так, чтобы осталось полное число сорока человек, вместо отрекшегося от Бога, я верую в Него». И он, действительно, уверовал в Бога. Теперь у нас до сорока недостает двух. Если бы сегодня крестились сорок человек, то они уподобились бы тем сорока. Они сказали: «Кажется, у нас два человека найдется». Сказав это, они сходили в одну юрту и привели одну девицу; а потом пришел еще один больной. Тогда они сказали: «Теперь, по милости Божьей, стало 40 человек; еще к соенцам уехали 14 человек, и они, когда возвратятся, крестятся».

Мы здесь ночевали, а на утро окрестили их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Они проводили нас, неся святые иконы до самой переправы через Чолышман, и мы с пением «Христос воскрес из мертвых» возвратились домой. Вскоре после этого я послал им псаломщика поучить их молитвам. В непродолжительном после этого времени и остальные жители уверовали в Бога и крестились.

Когда я приезжал в Улалу на собрание миссионеров, то, пожив здесь около недели, ездил к своим байатским телеутам; жил там более месяца, потом возвратился в Чолышман. Так было около четырех раз.

Всякий раз, когда я приезжал туда, крестил тамошних язычников и учил их истинной вере. Прежде чем я начинал к ним ездить, новокрещенные жили вместе с некрещенными, уподобляясь тем людям, которые платят две дани. Таких людей для меня учить было труднее, чем новокрещенных. Следующие годы учить их мне стало полегче, ибо всякий раз, приезжая к ним в великий пост, я заставлял их говеть и в это время обучал их истинной вере и заповедям Божьим и жить сообразно этому учению. Они много раз говорили мне: «Если бы здесь построили церковь и поставили к нам священника, который мог бы нас учить на родном языке, то мы не стали бы колебаться и уклонятся на злое». А я им говорил: «Если вы истинно так думаете, что Господь даст вам то, в чем вы нуждаетесь; ибо Господь

не отказывает тем, кто просит угодное Ему». Такие желания дошли до Бога: теперь они имеют у себя каменный храм[103] и священника, знающего телеутский язык. Богу да будет слава во веки веков!

Дети мои! Это писание моей жизни я передаю вам, как завещание для того, чтобы вы работали Господу более, чем сколько я работал Ему. Даю вам благословение, которое да будет на детях ваших из рода в род, из века в век.

НАСТАВЛЕНИЕ

Детям моим – наследникам.

Пусть будут уроком для них эти слова;
Пусть будут наставлением от рода до рода.
Не выходи на брань, держа в руках петлю,
Чтобы не попасть тебе в беду, которой не забыть.
Не выходи на ссору, держа в руках нож,
И не будешь плакать, попавши под дело.
Щекотливый язык держи за оградой
И не будешь горевать, попавши в беду.
Держи язык свой под гортанью
И не будет тебе стыдно и на вешнем льду.

Не давай свободы – воли языку на тихом плесе
И не будешь моргать глазами и плакать.
Не многословь громко и не придет после страх на тебя.
Не клевещи на человека – и не будешь после печалиться.
Да не исходит из уст твоих нечистое слово
И не будешь предан великому мучению.
Сквернословие не любит Бог
И не предаст его мучению, из которого не выйти.

[103] Этот храм выстроен московским фабрикантом А. С. М-ым в 1890 году.

ДОЛГАЯ РУКА

Не бери у людей лишнего
И не попадешь в горькую беду.
Не протягивай своих рук
И избегнешь будущих мук.

Не подымай руки на того, кто укорил тебя,
И не прийдет к тебе беда из рукава.
Пусть не жадничает рука твоя
И не будут проклинать тебя люди.

Держи руки на работе,
Принуждай их гнуться.
Гибкая рука созидает (устраивает),
А не гибкая портит.
Твори руками милостыню
И будешь после радоваться.

Хвастливый герой не разбогатеет.
Не будь хвастлив геройством,
И будь воздержан при довольстве.
Горделивый герой смирится,
Он потеряет голову, – и не будет его.

Сокращается жизнь того, кто хвалится силою,
И он не увидит света солнечного.
Не хвались чином перед старшим тебя,
Не тщеславься своим преимуществом.

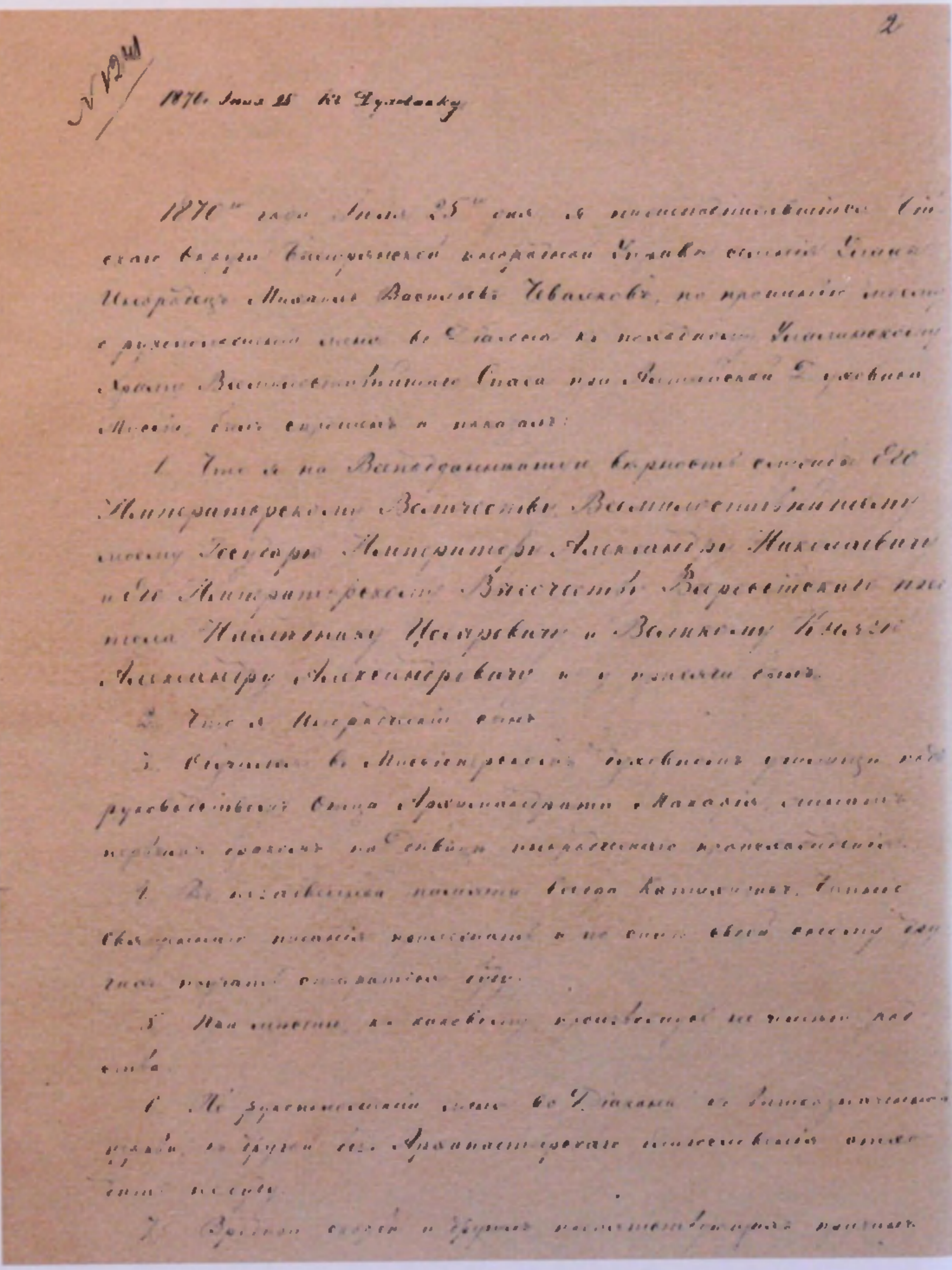
Старшим будь послушен,
Что услышишь, помни.
Перед сановником будь смирен.
Не будь дерзок и увертлив.

Перед начальником твоим будь кроток,
Послушно склоняй пред ним голову.

Чевалков Михаил Васильевич
худ. Б.Н. Лупачев

Макарий Глухарев

Радлов Василий Васильевич



2

№ 12

1870. Июня 25 Къ [illegible]

1870 [illegible] Июня 25 [illegible] я [illegible] [illegible] Михаилъ Васильевъ [illegible] [illegible]

1. Что я [illegible] Его Императорскому Величеству Всемилостивейшему Государю Императору Александру Николаевичу и Его Императорскаго Высочества [illegible] [illegible] Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу [illegible]

2. Что я [illegible]

3. [illegible] Архимандрита Макарія [illegible]

4. [illegible]

5. [illegible]

6. [illegible]

7. [illegible]

к православной вере в диакона не учили.

2. Сколько Вам было Священником Увенчанным Константинопольским Отцом в 1795 1797 – 1801 годов и воспитанный Вами сын имеется и где именно находится и какого звания и должности Вы сами и сын Ваш Константин Чевалков и в каких местах проживали от священства вашего сего и где ныне находитесь и в противных сему случаях подвергаете себя вы строгому суждению по всей строгости законов.

3. Вопрос сей Вам нужно написать какому уезду и в каких определенных пунктах Бийского округа сие приемской инородной управы Сыма я указал инородцев Михаил Васильев Чевалков руку приложил?

Допросные пункты составлены Катунь протоиерей Иосиф Домицкий.

«Допросные пункты» М.В. Чевалкова при рукоположении его в сан диакона

№ 11260

Дек 30 д 1867 г. От имени моего [illegible] отношеніемъ к Г. Оберъ Прокурору Св. Синода увѣдомить его, что я [illegible] Начальника Миссіи о награжд[illegible] Чевалкова [illegible]

1.

ВѢДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНАГО
ИСПОВѢДАНІЯ.

КАНЦЕЛЯРІЯ
ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА
СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

ОТДѢЛЕНІЕ II

3 Декабря 1867 г.
№ 6454.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь.

Въ Іюлѣ 1865 г., въ бытность свою въ С.Петербургѣ, Членъ Алтайской Духовной Миссіи Іеромонахъ Макарій представилъ мнѣ записку, въ которой просилъ обратить вниманіе на службу при Миссіи инородца Михаила Чевалкова, болѣе 25 лѣтъ состоящаго толмачемъ Миссіи и принесшаго ей несомнѣнную большую пользу.

По содержанію этой записки, при семъ / прилагаемой, мною сдѣлано было сношеніе съ Начальникомъ Алтайской Миссіи о сообщеніи его заключенія по ходатайству о. Макарія, съ изъясненіемъ, какого именно рода поощреніе признаетъ онъ болѣе приличнымъ для Чевалкова, если онъ того заслуживаетъ.

Полученный нынѣ на сіе отзывъ Архиман-

Его Преосв. Алексію, Епископу Томскому.

ордена Владимира за № 499, препровождая при сем
Вашему Преосвященству, имею честь покорнейше
симь Вас, Милостивый Государь и Архипастырь
о возвращении приложений, почтить меня от
зывом по изложенному во них ходатайству.

Испрашивая святых молитв Ваших, с
именным почтением и преданностию имею
быть

Вашего Преосвященства,

Милостивого Государя и Архипастыря,

покорнейшим слугой

Графъ Дмитрій Толсто

Отношение обер-прокурора Святейшего Синода графа
Д.А. Толстого епископу Томскому и Семипалатинскому
о награждении за службу М. Чевалкова

1870. Іюля 25. По вниманію къ [illegible] службѣ при Алтайской миссіи, просителя Михаила Чевалкова [illegible] санъ Діакона, съ оставленіемъ на службѣ при Алтайской миссіи. [illegible] отъ всѣхъ податей и обязанностей, [illegible] для [illegible] Губернатору объ исключеніи [illegible] Чевалкова изъ [illegible] Быстрянской инородной Управы, [illegible] и [illegible] его въ Діакона.

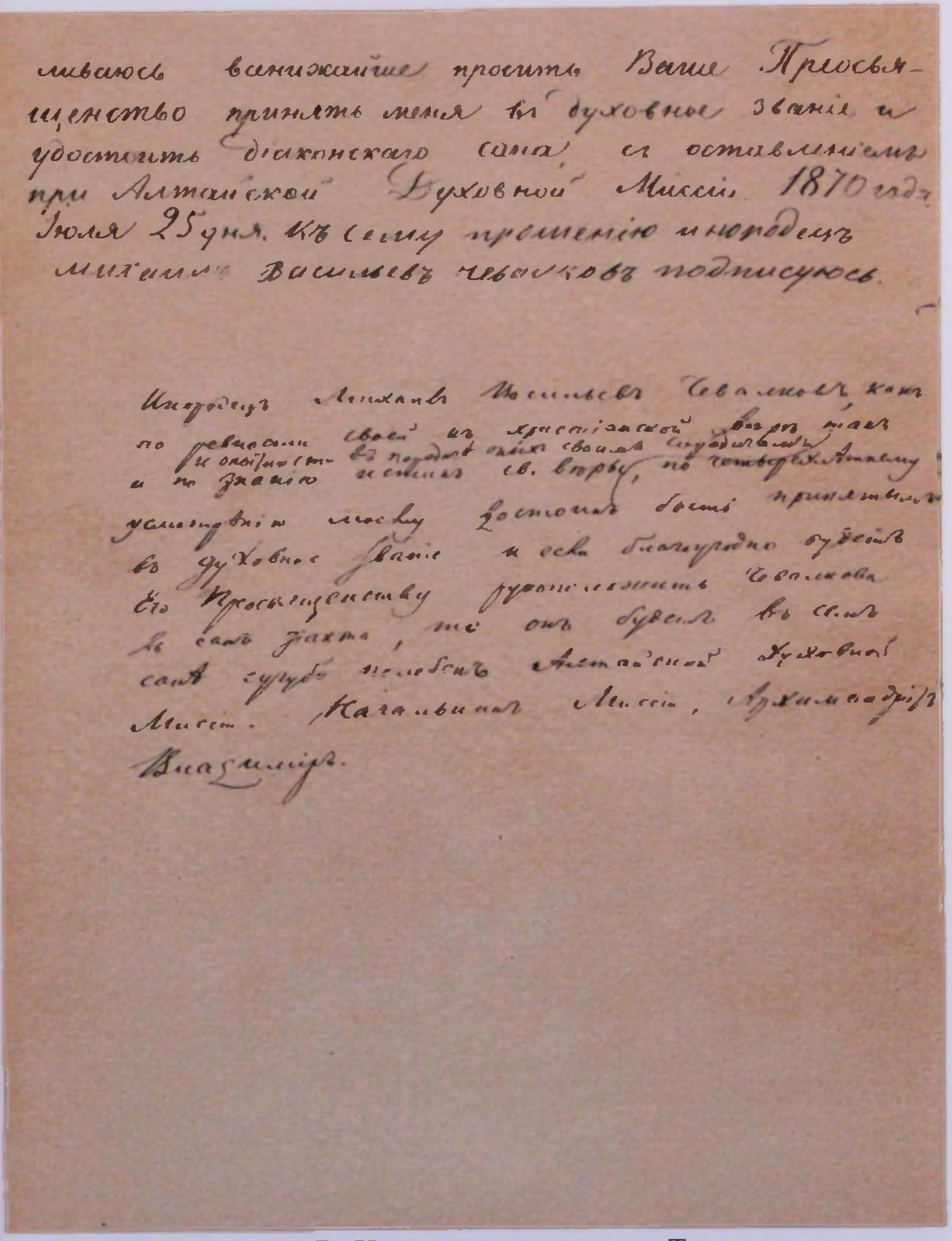
Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Платону, Епископу Томскому и Семипалатинскому и Кавалеру

Бійскаго Округа, Быстрянской инородной Управы, селенія Улалы инородца Михаила Васильева Чевалкова

покорнѣйшее прошеніе.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ того времени, какъ блаженной памяти Отецъ Архимандритъ Макарій въ первый разъ принялъ меня на служеніе при Миссіи. Съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, я постоянно служилъ въ должности толмача и переводчика священныхъ и богослужебныхъ книгъ. И на будущее время если Богъ поможетъ, я не желалъ бы оставить этого служенія, которое я любилъ и люблю всѣмъ сердцемъ и всей душею. Но чтобы безпрепятственнѣе и съ большей пользой для крещенныхъ и некрещенныхъ моихъ собратій продолжить мое служеніе, осмѣ-

[illegible] Духовной Консисторіи [illegible]
[illegible] Августа 1870. [illegible] № 118.



Прошение М.В. Чевалкова епископу Томскому и Семипалатинскому о принятии в духовный сан и заключение о его деятельности начальника АДМ

№ 1195

1876. № 14. Инородцы Димитрій Кузнецовъ и Михаилъ Чевалковъ причисляются въ духовное званіе съ определеніемъ исправляющими должность псаломщиковъ при Алтайской миссіи, а объ исключеніи их изъ ведомства инородныхъ Управъ дано знать [illegible] Г. Губернатору.

Его Преосвященству

Преосвященнейшему Платону Епископу Томскому и Семипалатинскому и Кавалеру

15 Мая съ 2 лист.

№ 2727.
763.

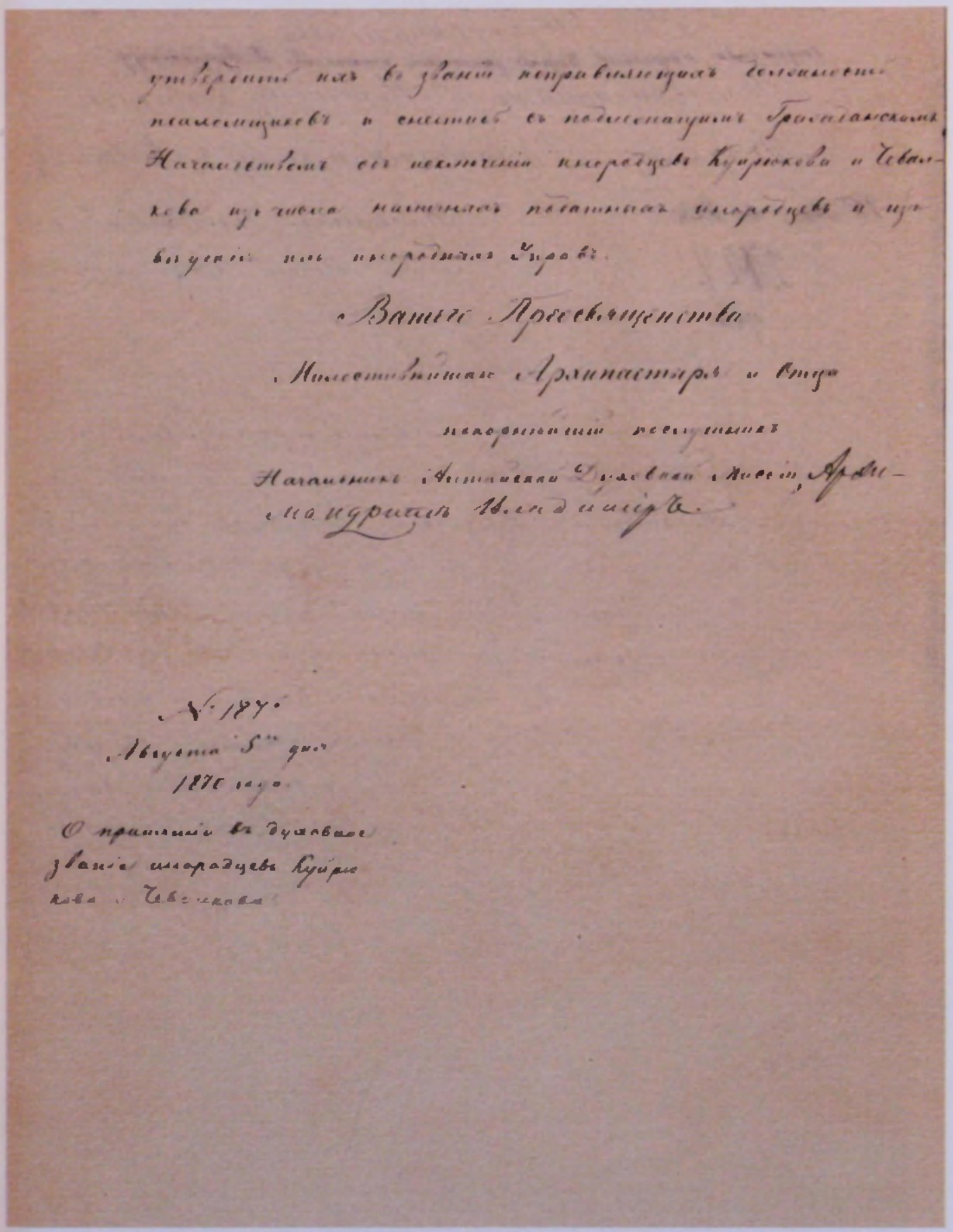
Начальника Алтайской Духовной Миссіи Архимандрита Владиміра

рапортъ.

Высочайшимъ постановленіемъ, состоявшимся 9го Мая 1866 года, дозволено причислять въ духовное званіе новокрещенныхъ Алтайскихъ инородцевъ безъ согласія обществъ на служеніе въ Алтайской Духовной Миссіи.

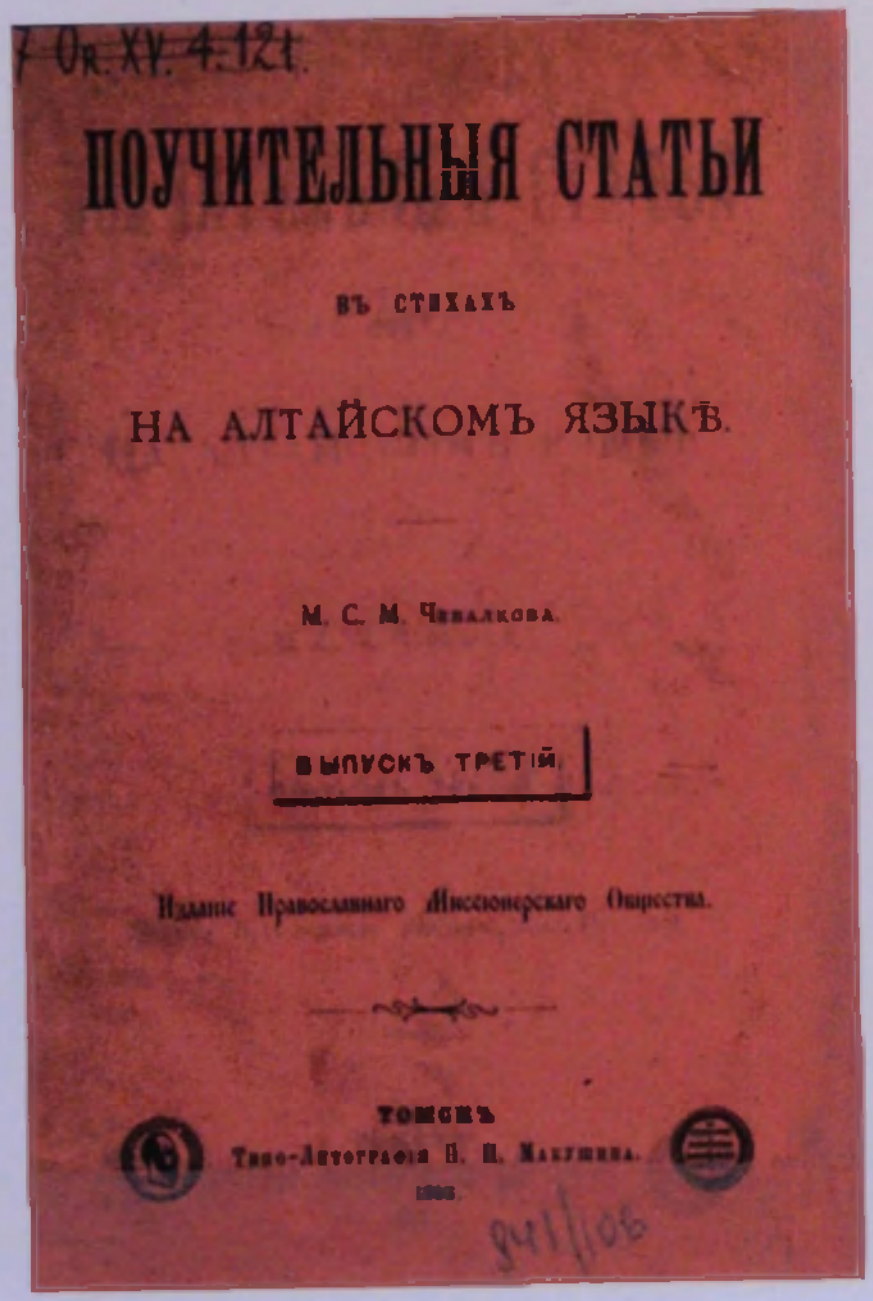
На семъ основаніи покорнейше прошу Ваше Преосвященство сделать Ваше Архипастырское распоряженіе о причисленіи въ духовное ведомство инородцевъ: 1) Кузнецкаго округа Алтайской волости Димитрія Егорова Кузнецова и 2) Бійскаго округа Бачатской инородной управы Михаила Никитина Чевалкова, какъ фактически прослужившихъ въ исправленіи церковнослужительскихъ должностей, законоучительствахъ и несколько времени въ отправленіи этой должности при Миссіонерскихъ Церквахъ и изъявившихъ свое желаніе состоять въ духовномъ званіи и при Алтайской Духовной Миссіи; вместе съ симъ покорнейше прошу Ваше Преосвященство

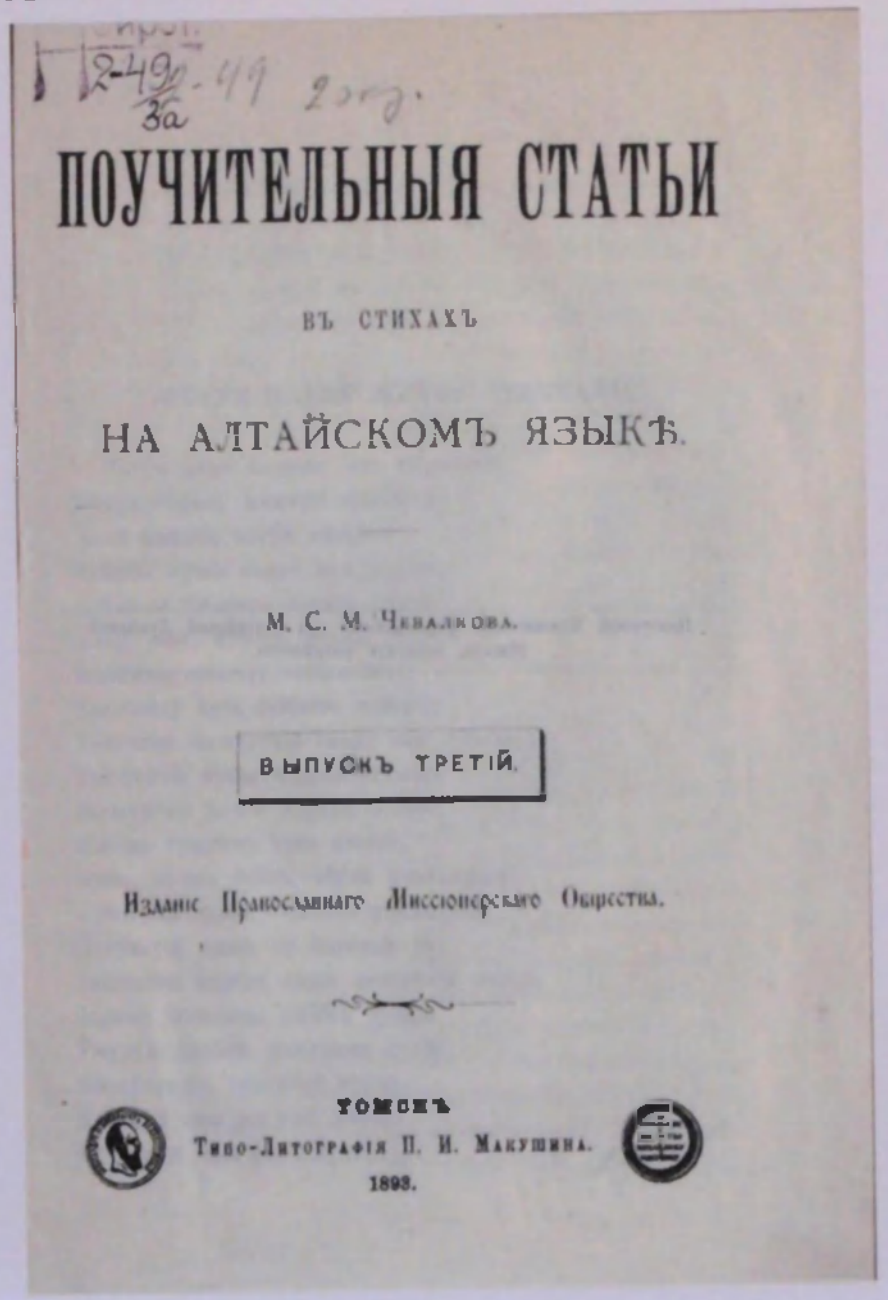
[illegible]



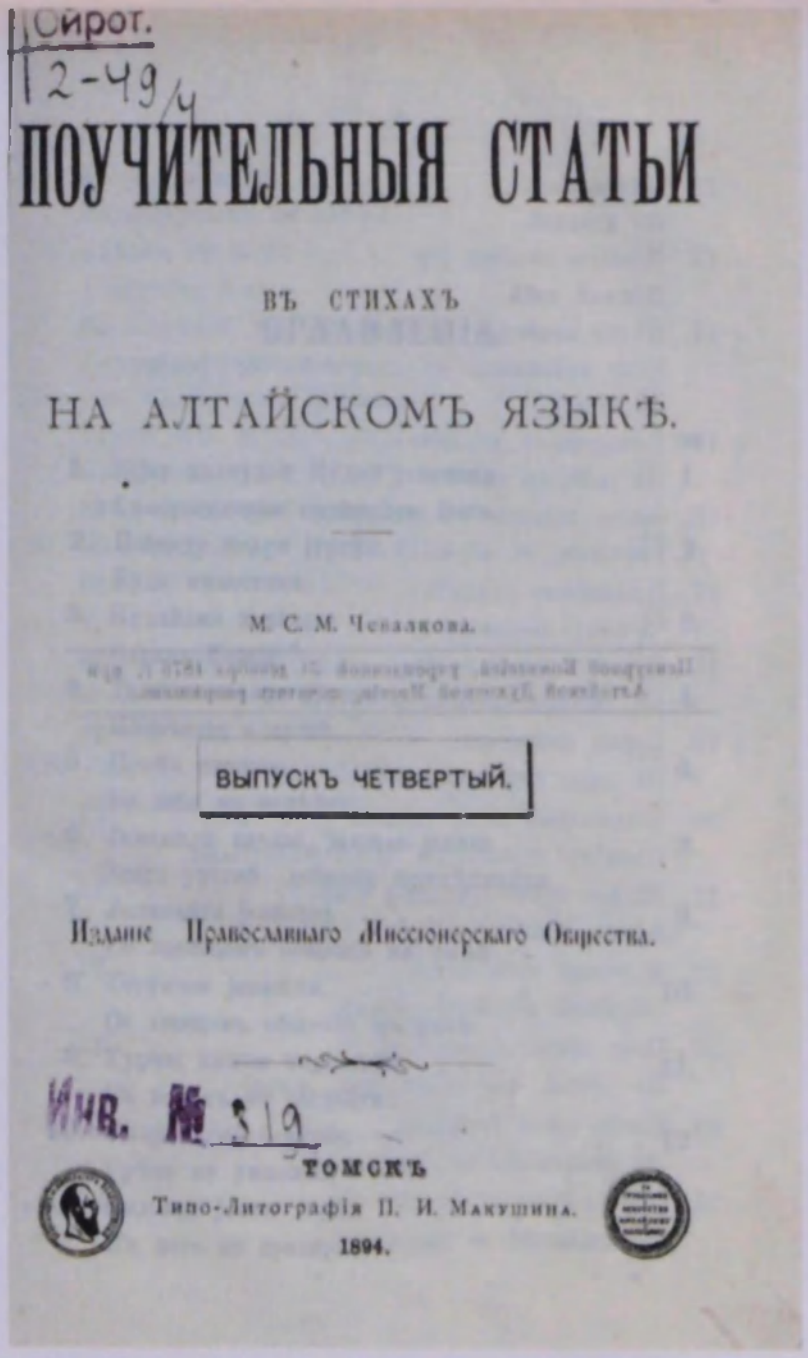
Рапорт начальника Алтайской Духовной миссии епископу Томскому и Семипалатинскому о принятии в духовное звание Д.Ф. Куйрукова и М.В. Чевалкова.

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ М.В. ЧЕВАЛКОВА

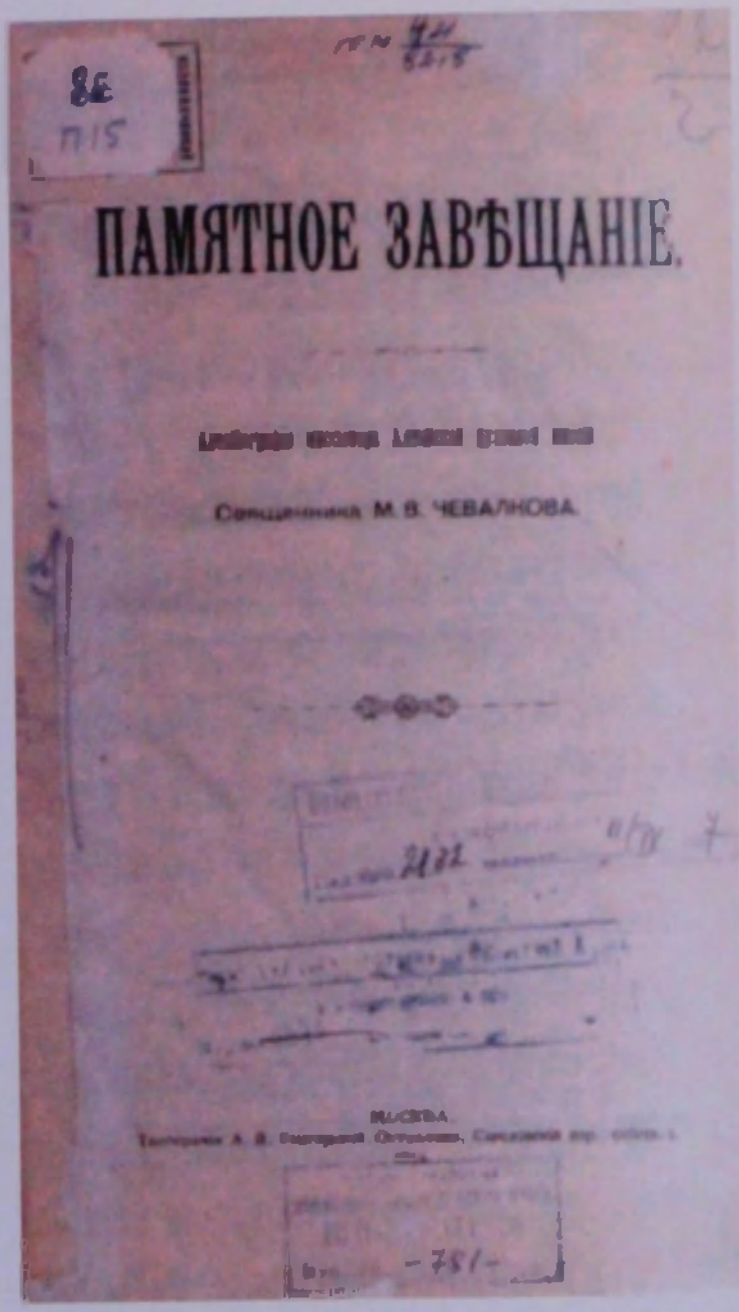




Поучительные статьи. Выпуск 3. Томск, 1893



Поучительные статьи. Выпуск. 4 Томск, 1894

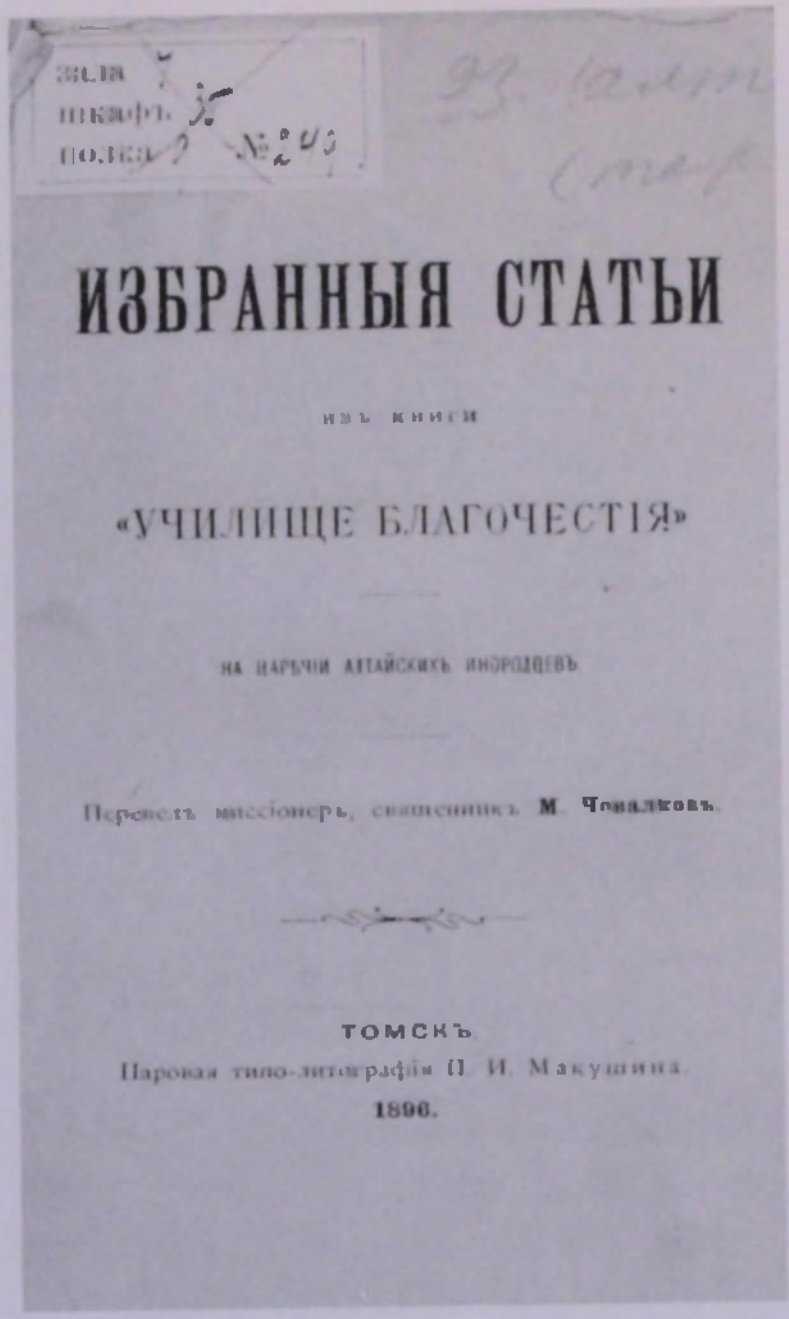


ПАМЯТНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Священника М. В. ЧЕВАЛКОВА.

МОСКВА.

Памятное завещание. Москва, 1894. Фонд Национального музея им. А.В. Анохина



ИЗБРАННЫЯ СТАТЬИ

ИЗЪ КНИГИ

«УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ»

НА НАРѢЧІИ АЛТАЙСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

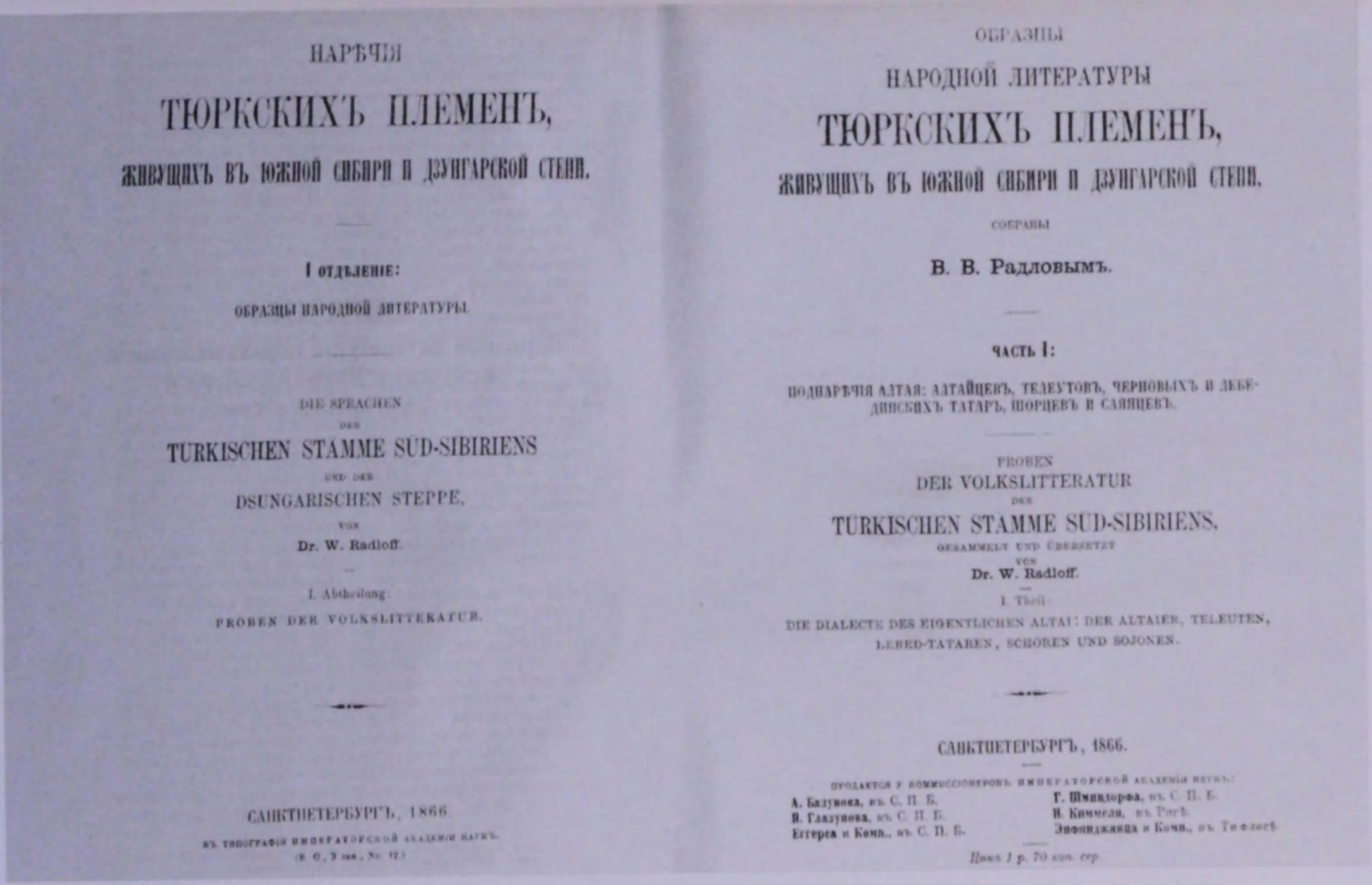
Переведъ миссіонеръ, священникъ М. Чевалковъ.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.

1896.

Избранные статьи на алт. языке. Перевел М.В. Чевалков



НАРѢЧІЯ

ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,

ЖИВУЩИХЪ ВЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ДЗУНГАРСКОЙ СТЕПИ.

I ОТДѢЛЕНІЕ:

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

DIE SPRACHEN
DER
TÜRKISCHEN STÄMME SÜD-SIBIRIENS
UND DER
DSUNGARISCHEN STEPPE,
VON
Dr. W. Radloff.

I. Abtheilung:
PROBEN DER VOLKSLITTERATUR.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

ОБРАЗЦЫ
НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,
ЖИВУЩИХЪ ВЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ДЗУНГАРСКОЙ СТЕПИ.

СОБРАНЫ
В. В. Радловымъ.

ЧАСТЬ I:

ПОДНАРѢЧІЯ АЛТАЯ: АЛТАЙЦЕВЪ, ТЕЛЕУТОВЪ, ЧЕРНОВЫХЪ И ЛЕБЕДИНСКИХЪ ТАТАРЪ, ШОРЦЕВЪ И САЯНЦЕВЪ.

PROBEN
DER VOLKSLITTERATUR
DER
TÜRKISCHEN STÄMME SÜD-SIBIRIENS.
GESAMMELT UND ÜBERSETZT
VON
Dr. W. Radloff.

I. Theil:
DIE DIALECTE DES EIGENTLICHEN ALTAI: DER ALTAIER, TELEUTEN, LEBED-TATAREN, SCHOREN UND SOJONEN.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ПРОДАЮТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
А. Базунова, въ С. П. Б.
В. Глазунова, въ С. П. Б.
Еттерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмицдорфа, въ С. П. Б.
И. Кичмела, въ Ригѣ.
Эфендіанца и Комп., въ Тифлисѣ.

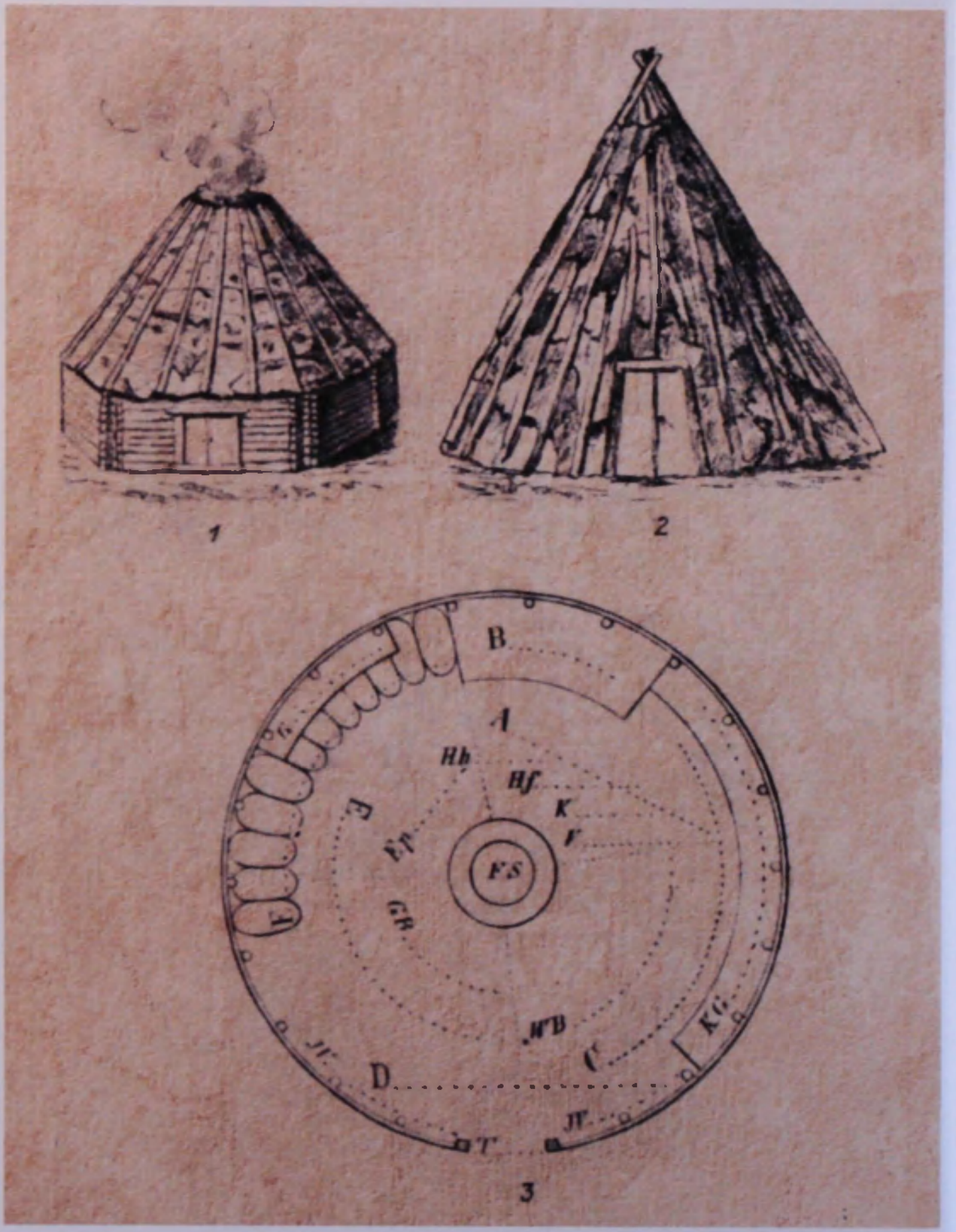
Цѣна 1 р. 70 коп. сер.

В.В. Радлов. Образцы народной литературы племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи. Ч.I. С-Пб., 1866

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ В.В. РАДЛОВА «ИЗ СИБИРИ»

Вид на Телецкое озеро и устье р. Чолышман

Резные предметы из кости древнейшего железного века на Алтае



1 - жилая юрта зайсана Курту; 2 - алачык (юрта, крытая древесной корой); 3 -внутренний план юрты

Наставления его слушай,
Не будь напыщен и дерзок.

Удовлетвори желание его и почитай его.
Не будь честолюбив и непокорен,
Пред начальником не возносись;
Знанием твоим не хвались.

Пред людьми не красуйся.
Поминай последние твое и смирися.
Пред народом не показывай своего господства
И не будешь осмеян и посрамлен.

Не притворяйся и не извивайся, как змея,
И не будешь злословим невинно.
Не обольщай людей своей ложною добротой
И не испытаешь печали от злословий.

Не гордись ни властью, ни богатством,
Живи, как Бог определил.
Не будь высокоумен
И не подвергнешься великим мукам.
Не замышляй зла на человека
И не постигнет тебя зло.
Злоумышленник будет проклят
И пойдет в ад, в огненную тьму.

ДЕТИ МОИ!

Плоть моя и кости мои ослабели,
Я жду пришествия Вестника.
Жизнь моя сократилась,
Долго ли еще проживу, не знаю,
Силы мои ослабели.
Долго ли продлится день мой, не знаю.
Путь жизни моей сократился.
Слова речи моей истощились,

Огонь моих очей стал гаснуть...
Помышления задерживаются в груди моей.
Много я пережил печалей.
Истощились мои рассказы.
Бодрость моя стала оставлять меня.
Я стал подобен пленнику.
Не быть мне вечно бессмертным.
Жду я дня моей смерти.
Да будет воля Бога, Творца моего.
Его власть – принять меня.
Не отступая от Него, я молюсь:
Боже, Создатель Мой, не оставь меня!
Помышляя о последнем моем, прошу:
Очисти согрешения мои, Боже!

З.С.Казагачева

АЛТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ М.В. ЧЕВАЛКОВ

Мы слишком долго и робко прорывались сквозь идеологические препоны ушедшего столетия в оценке личности, которая по праву занимает видное место в ряду деятелей коренных народов Сибири, внесших вклад в укрепление Российского государства. В настоящее время все-явственнее проступает необходимость полномерного изучения жизни и деятельности Чевалкова. Все ощутимее чувствуется потребность в подробнейшем освещении не только его биографии, но и проявления этой личности в судьбах его прямых потомков.

Данная статья посвящена многолетней поисковой работе по творчеству алтайского писателя-просветителя Михаила Васильевича Чевалкова (1817 – 1901). Его жизнь и деятельность, несмотря на множество публикаций, все еще остается малоизученной. В публикациях XIX в. делается акцент на его сотрудничество с деятелями Алтайской духовной миссии, и он представлен как «главный труженик, ...который нуждался лишь в немногих указаниях» в работе над переводом текстов из «Священного Писания». В XX в. его имя сравнительно долго оставалось безызвестным, и лишь с 50-х годов минувшего столетия появились научные труды С.С. Суразакова, Т.С. Тюхтенева, З.С. Казагачевой, Н.М. Киндиковой, Э.П. Чининой, Б. Я. Бедюрова и др. В них Чевалков рассматривается в основном как зачинатель алтайской художественной литературы.

Ускоритель в адаптации и интегрировании

Между тем вся жизнь М. Чевалкова прошла на гребне мощных социально-экономических потоков XIX в., внесших существенные изменения в общественное сознание коренных народов Алтая. Это – процесс энергичного приведения алтайцев к православной

религии. Это – окончательное вхождение всех алтайских племен в состав России, огромная роль в данных событиях принадлежит именно М.В. Чевалкову. Это – обозначившиеся контуры капиталистических отношений, которые пока не размывали традиционные устои жизнедеятельности народа, но стремительно вносили коррективы в уклад их жизни. Это – интенсивное изучение новоподданных России и природных ресурсов территории их исторического проживания.

Разносторонняя деятельность М.В. Чевалкова сыграла величайшую роль ускорителя в адаптации и интегрировании алтайцев в культурную и социально-экономическую систему Российского государства. В публикациях Чевалкова на первом месте стоит его тесное сотрудничество с Алтайской духовной миссией. С христианством Чевалков связывал распространение просвещения путем внедрения в жизнь своих соплеменников основ современной цивилизации: оседлости, грамотности, новых форм земледелия.

Имя Чевалкова причастно к трудам многих исследователей, изучавших народонаселение Алтая. О результатах многолетнего сотрудничества В.В. Радлова (1837 – 1918) и М. Чевалкова имеется обоюдное свидетельство. Ограничимся лишь цитатой из публикации Чевалкова: «Я, для пользы своему многострадальному народу, забрав своих двух детей, жену, с Вами (В.В. Радловым – З.С.) отправился в Барнаул. Там три месяца писал тексты теленгитов. Так мы с Вами закончили книгу» (здесь и далее перевод наш). Речь идет о работе над книгой «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». В трудах другого исследователя – Г.Н. Потанина (1835 – 1920) имеются постоянные ссылки на материалы и сведения, полученные от Чевалкова.

М. Чевалков – зачинатель алтайской литературы. В этом огромная заслуга лингвиста, впоследствии выдающегося тюрколога В.В. Радлова, который побудил его писать о себе и своем времени. И первое произведение – не только в творчестве Чевалкова, но и в истории алтайской литературы – «Чӧбӧлкӧптӱӊ јӱрӱми» («Жизнь Чевалкова») начинается словами: «Јакшылык укту Пазылай Пазылайбыч!.. – Благороднейший из благородных Василий Васильевич! Вы просите меня написать, где я родился, каково было мое детство,

со времени достижения возраста мужа и за всю свою жизнь, что я видел, слышал, отчего принял крещение, в поездках по аймакам что замечал, что познал...». Обращением же к Радлову автор завершает свое повествование: «Мне трудно было писать». Повествование Чевалкова вышло в книге В.В. Радлова «Образцы...». Здесь же опубликованы и зачатки алтайской эпистолярной литературы – его письма В.В. Радлову.

Через 28 лет отдельным изданием на русском языке вышло «Памятное завещание». (Оригинал на алтайском языке пока не найден). Это то же самое автобиографическое повествование, но существенно дополненное многими судьбоносными в истории алтайцев событиями, непосредственным участником которых был Чевалков. Эта исповедь была предназначена его дочерям Матрене, Марии и Елене, как пишет автор, «завет мой на память вам и вашим потомкам».

В своих статьях я акцентировала внимание на важные упущения в публикациях других исследователей: документировано обосновала прямое отношение Чевалкова к изданиям, положившим начало письменности на алтайском языке. Это «Алтайский букварь» (1868 г.). В официальных документах он назван «Руководством к изучению грамоте» и составителями указаны М. Невский и М. Чевалков. А в списке изданий, представленных членами Алтайской духовной миссии «при соучастии переводчика М.В. Чевалкова, значится и «Грамматика алтайского языка».

Много времени у меня было отдано составлению хроники жизни Чевалкова. В первой графе ее обозначалось, что происходит в его личной жизни: когда и где родился, кто его родители, время переезда в Горный Алтай, знакомства с миссионерами, исследователями, разъезды по Алтаю и т.п. В следующей графе параллельно обозначено, какие события происходили на Алтае: приезд миссионеров, строительство церквей, открытие новых сел, школ... В третьей графе произведена попытка представить наиболее значимые явления, происходившие в России. В четвертой – ссылка на источники. Эта работа не завершена, так как появилось много новых материалов, которые следует обозначить в хронике жизни М.В. Чевалкова.

Жизнь бесконечна

Мне бы хотелось сообщить о результатах двух поисковых работ: установлении местонахождения дома и подворья Чевалковых в черте города и поиск его потомков, в том числе и тех, кто и поныне живет в нашем городе.

Долгие годы, всматриваясь в рельеф города, в старые дореволюционные дома, сотни раз перечитывая автобиографические повествования Чевалкова и другие публикации дореволюционного периода, я пыталась угадать, в каком месте находились его дом и подворье всех его домочадцев. Сейчас могу уверенно сказать – его дом стоял по ул. Чорос- Гуркина, между школой №1 и только что построенным массивным зданием Дворца правосудия. В моей памяти стоит небольшой дом, наполовину ушедший в землю с закругленными окнами, набело побеленный. В этом доме долгие годы находилась туберкулезная больница. В начале 50-х годов минувшего века мы, студентки, я и моя подруга Роза, часто приходили сюда навестить ее больного отца, замечательного актера драмтеатра Якши Быйхиева. Запомнила до блеска ухоженную веранду и уютный дворик со скамейками. О местонахождении дома Чевалкова находим сведения в его автобиографическом повествовании; он писал, что дом его стоял на берегу очень капризной реки. Надо полагать, весной вода поднималась почти вровень с берегом. Старожилы города помнят эту речку Черемшанку, что текла по логу в современном районе «Байат» и протекала мимо современного здания городской администрации, пересекала пр. Коммунистический, затем параллельную улицу Чорос-Гуркина. Зимой река промерзала до самого дна, поэтому по пути ее образовывались огромные наледи. Два моста на двух улицах не могли помочь пешеходам преодолеть наледь. Сейчас эта река до самого впадения в реку Улалушку загнана в трубу.

А вот как было в бытность М.В. Чевалкова: «В один из дней у меня собрались парни и дети, чтобы разучивать церковные песни. Пока мы разучивали песни, избу начало трясти. Кто-то сказал: «Трясет от того, что в избу набилось много людей». Все засмеялись. «Может, вода под полом», – кто-то сказал. А изба моя стояла на самом берегу. И река как раз текла вровень с берегом. Кто-то сказал:

«Выйдем и посмотрим». Тогда многие вышли, кто-то вышел через дверь, а кто-то не успел выйти, как моя изба повалилась, и все сразу в воде оказались. Кто из окна выпрыгнул, кто-то из дверей выбежал. Вещи через окно стали вытаскивать. Много народу было, поэтому все бревна из реки успели выловить... Так в этот день утром мы песни пели, а к вечеру плакали», – написано в автобиографическом повествовании Чевалкова («Образцы народной литературы тюркских племен». См. СПб, 1866, с. 127-128). А в более поздних публикациях Чевалков пишет, что он свой двухэтажный дом сдал под жилье землемеру.

О предположительном местонахождении дома и подворья Чевалкова находим подтверждение в воспоминаниях и случайно оброненных фразах его потомков (подробнее о потомках см. в моей статье «М.В. Чевалков и его потомки» в кн. «Наследие М.В.Чевалкова в современном осмыслении», 2008 г.).

Как известно, у Чевалкова старшая дочь Матрена вышла замуж за Якова Никифорова (из рода тонгжан), который обучал В.В. Радлова алтайскому языку и совершал с ним его первую поездку по Алтаю. Так вот, у Матрены и Якова было три сына – Иоан, Дмитрий, Николай – и дочь Варвара.

О первых двух сыновьях – один был священник, другой учитель – есть сведения в «Ведомостях» Алтайской духовной миссии, о третьем – Николае – не упоминается, так как он, окончив Бийское катехизаторское училище, посвятил себя собиранию фольклорного материала (см. «Аносский сборник») и сотрудничеству с известным исследователем Г.Н. Потаниным. А в начале XX в. он активно включился в общественно-политическую деятельность: был в числе активистов, которые боролись за выделение Горного Алтая из Бийского уезда в самостоятельный Алтайский округ в составе России. В 20-е годы XX в. он трагически погиб в Прителецкой тайге.

У Николая Яковлевича было семь детей (правнуков Чевалкова) (см. подробно о них в моей статье). Я в своё время успела сделать записи от правнучки Зои Николаевны (1913 – 1985). Она вышла замуж за Василия Константиновича Плакаса. Ныне имя этого замечательного педагога присвоено республиканской гимназии. Записи хранятся в архиве Института алтаистики им. С.С. Суразакова. В за-

пись не вошли её слова о доме ее отца Николая Никифорова – внука Чевалкова. Но я очень хорошо запомнила этот дом. Он находился в одном ряду с домом Чевалкова, т.е. там, где сейчас выдвинулся стеклянным торцом Дворец Правосудия. Этот дом показала мне Зоя Николаевна. Хорошо помню этот дом с почерневшими бревнами. Запомнился он еще и потому, что в нем после окончания Литинститута временно поселился поэт Лазарь Кокышев. Он был человеком романтической души и обычную печь-камелек представлял своим гостям как камин.

Еще одно подтверждение о местонахождении дома и подворья Чевалкова я уловила из рассказа-воспоминания праправнука М.В. Чевалкова Александра Васильевича Плакаса, сына Зои Николаевны. Он рассказывал, как подростком, спускаясь на лыжах с горы Тугая, сломал ногу. И первую медицинскую помощь ему оказывали в туберкулёзной больнице. Вернувшись с перевязанной ногой домой, он услышал разговор матери с братом Порфирием (кстати, он был первым супругом известной алтайской киноактрисы Дьайхан Тугановой) о том, что сыну оказали помощь в родных пенатах. Сам Александр Васильевич очень хорошо помнит этот крепкий побеленный кирпичный дом. Он был снесен в начале 60-х годов XX в., видимо, в тот период, когда «загоняли» р. Черемшанку в трубу.

По линии старшей дочери Чевалкова его правнуки и праправнуки живут в Прибалтике, в Красноярском крае и других регионах страны. Среди них есть инженеры (в том числе атомщик), преподаватели, подполковники войск, летчики, в т.ч. летчик-испытатель военных самолетов. А в нашем городе – праправнуки Александр и Борис Плакасы, их дети и внуки.

Вторая дочь – Мария. В «Ведомостях» Алтайской духовной миссии обозначена послушницей Уахтинской (Уахта – алтайское название села Кызыл-Ёзёк) женской общины, затем обозначена монахиней Магдалиной.

Трагично сложилась судьба потомков Чевалкова от его младшей дочери Елены. Она вышла замуж за священника Соколова Константина Павловича. Он прибыл на Алтай 16 сентября 1871 г. из Подмосковья, сначала исполнял должность учителя в Центральном Улалинском училище. С 1873 г. в должности священника был направлен в Урсульский стан (с. Онгудай). В его послужном списке значится множество званий и наград. С 9-го февраля 1902 он принял постри-

жение в монахи. К этому времени не стало его жены – дочери Чевалкова, она в 1890 г. была похоронена на кладбище именитых граждан с. Онгудай, так называлась территория, на которой в советские годы стояло здание райисполкома. В 1901 г. не стало и М.В. Чевалкова, он похоронен тоже в селе Онгудай, у алтаря небольшой церкви. 25 февраля 1905 г. Соколову Константину Павловичу было высочайше повелено вступить в должность епископа, и в документах по 1924 г. он – епископ Бийский, владыка Иннокентий. В 20-е годы XX в., обвиненный в контрреволюционной деятельности, был арестован, но из-за преклонного возраста (77 лет) освобожден. Дальнейшая судьба его неизвестна... (Осенью 2005 г. автора этой статьи в сопровождении Н.С. Модорова посетил необычный гость – настоятель одного их храмов Подмосковья. Вместе с ним был регент церковного хора. Они собирали сведения о владыке Иннокентии, похороненном у алтаря опекаемого храма).

В «Ведомостях» Алтайской духовной миссии значатся дети Елены и Константина Павловича Соколова, т.е. внуки Чевалкова: Алексей, Иван, Анна, Константин. Нас интересует младший внук Чевалкова – Константин Константинович Соколов (1882 – 1938). Он долгие годы работал священником в Онгудае; до 1933 г. – учителем в с. Ело. Обвинён в контрреволюционной деятельности, отбывал наказание в Сиблаге Кемеровской области, в 1938 г. расстрелян. Жена его похоронена в с. Ело.

По линии этого младшего внука Чевалкова были правнуки Чевалкова. Алексей работал столяром в с. Ело, арестован, умер в ссылке; Александр работал плотником в с. Ело, затем скитался, чтобы избежать ареста, был призван в армию, имел награды, жил до 1995 г. в г. Сухуми. Были правнуки - двойняшки: Антоний (1913 – 1942), спасаясь от ареста, сбежал в Алма-Ату; погиб в боях под Сталинградом; Константин (1913- 2007) – младший правнук М.В. Чевалкова.

Дань уважения и признания

В марте 2002 г. научные сотрудники НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова организовали встречу общественности г. Горно-Алтайска с потомками нашего высокочтимого земляка М.В. Чевалкова. Особую благодарность за помощь в организации этой встречи вы-

ражаю старшему научному сотруднику Светлане Николаевне Тарбанаковой. Встреча состоялась в большом зале Государственного Собрания – Эл Курултай. Участникам встречи были представлены праправнуки Александр и Борис Плакас и правнук Константин Константинович Соколов и его внучка-школьница Нина... Поистине, жизнь бесконечна. У нее нет ни начала, ни конца...

Все годы пыталась найти материалы Чевалкова в архиве В.В. Радлова. Уж он-то, с его немецкой дотошностью, мог сохранить рукописи Чевалкова. Но постоянно от Л.П. Потапова из Санкт-Петербурга получала ответ о том, что архив В.В. Радлова пока недоступен. Такой же ответ пришел в 2004 году и от доктора исторических наук Елены Владимировны Ревуненковой.

Мечтала собрать все материалы Чевалкова по фольклору и этнографии алтайцев, переданные исследователям В.В. Радлову, Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцеву, Ананьину и др., издать их отдельной книгой. Мечтала в архиве М. Невского, митрополита Московского, найти оригинал «Памятного завещания», ведь он по существу был переводчиком второго автобиографического повествования Чевалкова. Следовательно, надо найти рукопись оригинала.

И еще следует сказать, что мы должны не только знать имя этого просветителя и общественного деятеля, но и иметь у себя в республике зрительную память о М.В. Чевалкове. в моем понятии резонно возвести архитектурное сооружение на распутье дорог в Улаганский и Кош-Агачский районы, как это сделано в память о писателе и инженере, строителе Чуйского тракта В. Шишкове. Ведь именно благодаря усилиям М.В.Чевалкова одно из этнических образований алтайцев теленгиты – добровольно стали поданными России. И видится мне еще одно памятное сооружение, посвященное 12-15 алтайским князьям, которые, чтобы сохранить свой народ, его землю, обратились к России с просьбой принять их в подданство со своей исторической территорией проживания...

БАЖАЛЫКТАР
INHALT
ОГЛАВЛЕНИЕ

Э. П. Чинина. М.В. ЧЕВАЛКОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО 3
ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЈҮРҮМИ 9
TSCHIWALKOW'S LEBEN 47
ПАМЯТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ 93
З. С. Казагачева. АЛТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ М. В. ЧЕВАЛКОВ 179

М.В. Чевалков

ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЈҮРҮМИ

M.W. Tschiwalkow

TSCHIWALKOW'S LEBEN

М.В. Чевалков

ПАМЯТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Набор текста на алт., рус. яз. Т. К. Майчикова
Набор текста на нем. яз. С. Е. Тырышкина

На обложке М.В. Чевалков.
Художник Л. М. Сафронов (из коллекции семьи И. С. Тенгерекова)

Подписано в печать 30. 05. 2016 г. Формат 60x84 1/16. Объем 12 п. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 2621.

Отпечатано в ООО «Горно-Алтайская типография»
649000 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.